

БД.167.1
с 42.

Николай СЛЕПЦОВ

**Агадырские
рассветы
&**

Поэтические этюды

Николай СЛЕПЦОВ

АГАДЫРСКИЕ РАССВЕТЫ

Караганда, 2017

УДК 821.167.1

ББК 84Рус-5

С 47

Николай Андреевич СЛЕПЦОВ: Агадырские рассветы.
поэтический сборник.

Подготовлено к печати: ТОО «Издательский дом
«Классик», отпечатано: ТОО «Типография Арко».
Караганда, 2017. 372 стр.

ISBN 978-601-204-412-6

Агадырский писатель Николай Слепцов тяготеет не только к прозе, но и к поэзии. Причем, по его же признанию на страницах собственных книг; к поэтическим изысканиям даже сильнее. Эта книга - плод его стихотворных усилий, которые обусловлены множеством бытовых тем и философских размышлений: о любви к родному краю, о судьбе человечества в отдаленной и не очень перспективе, о природе и политике... В большинстве случаев автор, хотя и уважая труды Пушкина, Есенина и других великих поэтов прошлого, все же предпочитает опираться на собственный житейский опыт, что добавляет его произведениям самобытного колорита.

УДК 821.151.1

ББК 84Рус-5

ISBN 978-601-204-412-6

© Н.А.СЛЕПЦОВ

От автора

Признаться, не думал, что в 2016-ом рожу еще один стихотворный сборник. Думал-думал, какую ему дать фамилию, и остановился на «Агадырских рассветах».

В минувшем нечетном работал я особенно продуктивно, что заметила и моя женка Гульчатай Калкеновна. Конечно, она была свидетельницей моих соскакиваний с постели даже среди ночи, когда я уходил в другую комнату и там со светильником, с ночью и со звездами писал свои вирши. Утром прочитывал на свежую память, что-то вычеркивал, что-то добавлял, в итоге чего вырисовывался какой-то живой стих, какой, как я считал, должен жить, а значит, попасть к издателям, которые моим стихам «подправят ноги», «подпилят крылышки» и уже подправленными выпустят на жизнь

в Агадырь. Другого света стихам моим не видать, поскольку на 20-25-и экземплярах далеко не разбежишься. А куда бежать-то? Два десятка раздаю друзьям и родне, по экземпляру школе и библиотеке, а себе оставляю пару-тройку для затравки.

Комментировать этот стихотворный набор в полном разрезе излишне, но мне хотелось бы сделать акцент на некоторых моих завитушках. Скажем, одно из них — «О жизни». Непосвященный читатель подумает: отчего это женка у автора Гульчатай, да еще Калкеновна? Ведь многие агадырцы знают меня и мою супругу, какая от рождения всегда величалась как Раиса Ильинична.

А все дело, друзья, в том, что бабки на посиделках на завалинке как раз и предложили моей женке взять себе дополнительно два, а то и три имени. В наш необыкновенный нынешний век, говорят бабки, когда кругом злые люди, надо от них отгораживаться. Есть нынче ужасно завистливые люди, какие могут пожелать тебе несчастий и болезней, могут и присушить мужа твоего, и вообще пожелать женщине, чтоб она не рожала. Их задумки и наговоры падут на те имена, какими вы пользуетесь дома и на улице без свидетелей. Поменять имя — так останетесь чистыми, и никакие наговоры, зависть, проклятья, присушки вас не коснутся.

Жена моя послушала бабок, а я - ее, потому и придумали себе новые имена. Женка моя стала Гульчатай, а я - Сегизбай. Кактам все делается на самом деле, только черная зависть нас с Гульчатай обходит, а дальше — кто его знает, у кого какой глаз...

Или вот это — «Как хочется возвратиться в детство...». А вам разве не хочется? В мои восемьдесят так того особенно хочется. Хотя детство мое проходило в военную годину в борьбе с фашистской Германией, память все равно сохранила какие-то золотые крупички детства.

Не остаюсь равнодушным и к стихотворению «О святой воде», какую моя женка и впрямь считает живой святой водой. Где-то в конце января уже нынешнего года Обезьяны женка моя в ночные часы долго крутилась на кухне и что-то творила с водою. Я не вмешивался и даже не окликал ее. После выяснилось, что был день Крещения, и она наполняла банки святой водой. Что это такое, не спрашивал и не спрашиваю, но выполняю все ее указания. Говорит: сполосни лицо водой из маленькой бутылочки, когда возвращаюсь с улицы. Споласкиваю. В другой раз говорит: выпей три

глотка на ночь. Выпиваю. Что, зачем, для чего — не спрашиваю. Главное, что выполняю все ее приказы без комментариев.

Перечитываю иногда стих «Тебе». Родился он в октябре 2015-го как память о тех почти трех годах, когда мы были в разлуке. А разлучила нас болезнь моего брата, какой проживал в Жалтыре - одинокий, 80-летний, какого в 2009-ом разбил инсульт. С того времени и по 2012 год, когда он умер в свои 82 года, за ним, неходячим, ухаживал только я. С женкой переговаривался только по телефону, какому, думается, современники когда-то поставят памятник, как в Перми поставлен памятник ушам, обыкновенным человеческим ушам. Думаю, телефон тоже заслуживает такой же памяти и памятника...

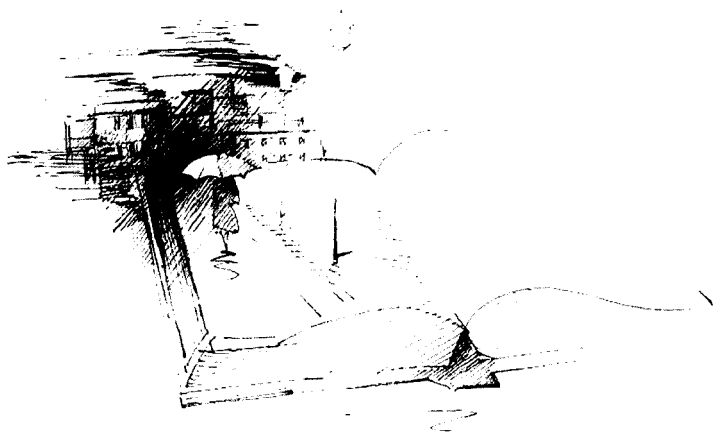
Вот такие мои мысли о новом моем сборнике. Как он пригласится читателю - не ведаю, но в сборник я вложил часть себя и часть своей души.

Между прочим, друзья, обратил бы я внимание и на стихотворение «День благодарности». Незнали, не ведали мы прежде отакомдне, какой, если по правде, если по жизни, просто напрашивался появиться на свет. Так не появился же ни в одной стране мира, а вот в Казахстане, представьте, появился, и появился в первый день весны, когда идет обновление природы, обновление человеческого характера, его мыслей и чувств.

Давайте коснемся истории. В сталинскую эпоху, когда разворачивалась коллективизация и в какой появились отчего-то кулаки, т.е. зажиточные хлебопашцы, сталинское руководство и лично Сталин решили ликвидировать их как класс, ссылая с насиженных мест в отдаленные края Сибири и Казахстана. Казахстана так особенно, поскольку обширные пространства и безлесье могли приютить большое количество людей. Семьи, имевшие коровенку да лошадку, уже считались кулацкими, и если они не желали вступить в колхоз, куда он должен привести и всю свою живность, эту живность отнимали силой, забирали все нажитое за всю свою жизнь, а самих высылали с российской земли, погружая в железнодорожные вагоны-теплушки, какие нынче можно видеть только на фотографиях да картинках художников. В жизни они отчего-то не сохранились, но они служили русскому человеку, да и всему Советскому Союзу как бы не целое столетие. В таких вагонах люди неделями, а то и месяцами добирались до места их высылки.

В Казахстан, как говорит история, да и сама истинная жизнь, было вы-

слано около шести миллионов кулаков, врагов народа и прочих репрессированных людей из Центральной России. В Казахстане приезжие люди, старики, матери, дети на первых порах находились без жилья, без еды и без работы, но казахстанцы не дали этим людям умереть с голоду и замерзнуть где-то в глуши безжилья, они поделились с ними хлебом, водой и жильем, определили им и работу. Те, кто выжил и жив поныне, наверняка помнят те далекие трудные сталинские годы и, конечно, благодарят казахстанцев тех лет, какие сохранили им жизнь. Их потомки тоже благодарят казахстанцев прошлых лет и нынешних, какие всегда приходят на помощь любому, кто прибывает в нашу страну. А все потому как у нас, казахстанцев, такой характер, каким обладали наши предки, вскормленные степью, ее безбрежными просторами, где всегда царили свобода, дружба и гостеприимство. Ну, друзья, коль нас благодарят, то мы можем сердечно ответить лишь одно: «Рахмет!».

ДЕНЬ БЛАГОДАРНОСТИ

Такого еще не было в жизни Казахстана:
Первый день весенний в праздник возвели,
Люди восхищаться страной не перестанут,
Как и всей красою абаевской земли.

Первый день весенний в Правительстве назвали
День просто благодарности, и больше ничего,
Назвали и народу счастья пожелали,
Пожелали счастья за всех и оттого,

Что он в далекие те сталинские годы,
Когда враги народа мерещились и снились,
Каких лишали родины, счастья и свободы,
Какие силой власти в Казахстане очутились.

Их было не десятки и совсем не сотни,
А тысячи и тысячи бездомных и чужих,
Какие прежде славились в дружбе и в работе,
Их казахстанцы приняли вовсе как своих.

Были эти люди с далекого Кавказа,
С Прибалтики советской и с волжских берегов,
Сталин их считал изменщицкой заразой,
Поэтому и определил им отдаленный кров.

Мол, пусть они в степных краях под небом обитают,
Только бы с фашистскою братвою не общались,
И пойти на бой с врагом в Кремль не обращались.

Казахстанцы высланных сердечно приютили,
Дали хлеб и воду, их горе разделили,
Дали им жилье свое, надежду и работу,
Разделили горечи, печали и заботы.

Вот за то весенний день стал Днем благодаренья,
В каком друг друга люди за все благодарят,
И за то, чтоб не встречать нам былого повторения,
Когда далекий Сталин готовил людям яд.

Он готовил яд всем «врагам народа»,
Каким был Сейфуллин и маршал Тухачевский,
Он попирал людскую правду и свободу,
Какой лишились Солженицын, да и народ советский.

Сколь того народу в те годы пострадало?
Нынче то количество не счесть, не сплюсовать,
Но Сталину казалось — это слишком мало,
Он готов был всю страну убить и расстрелять.

История же Сталину проделки все простила,
Осмелился напомнить лишь один Хрущев,
Такая над страной уже блуждала сила,
Какую Кремль с народом был принять готов.

Конечно, разнесли все сталинские культы,
К тому же и его врожденный экстремизм,
Да, мы теперь умны за современным пультом,
Нам теперь и даром не нужен коммунизм.

Пусть китайцы им, как было, занимаются,
Знамя Мао Цзе Дуна они и теперь несут,
Но с Казахстаном нашим маоцзедунцы знают
И на дружбу с нами уверенно идут.

Может быть, за это китайцы нам поклонятся,
Ну и по-современному страну поблагодарят
За то, что у нас дружба народной волей полнится,
И наш смычок народный дружбой лишь объят.

Ну, а дружба эта приведет к братанью,
Мы, может быть, с Китаем искореним границы,
Дружба наша станет одной семейной гранью,
И она, возможно, на века продлится,

Мы друг к другу будем ездить на побывку
Без всяческих таможен, ведь мы одна семья!
Нам и им в больницах сделают прививки,
Нам так будут нравиться китайские края.

Китайцам будут нравиться горы Алатау,
Наша казахстанская степная ширь и даль.
Китайцы побывают в Караганде и Темиртау,
А с Астаной расстаться будет просто жаль,

Расставаться с нашей казахстанской былью,
С нашим населением и нашей детворой,
С нашими дорогами, занесенными пылью,
С детскими площадками и детскою игрой.

Такова у нас, друзья, жизнь казахстанская,
Что ж, может, и китайской жизни позавидуем?
И все же жизнь будет у нас только братская,
Соседями и братьями мы оставаться будем.

Как ведают нам «Новости» во всем двадцатом веке,
Казахстан так принял целых пять иль шесть
Миллионов высланных и просто человекoв,
Их потомкам в благодарность было что сказать и есть.

Эту благодарность предки говорили,
Как-никак, а казахстанцы жизнь их спасли,
Они за все деянья награды не просили,
Они довольны были, что дружбу обрели.

Дружбу с россиянами, эстонцами, чеченцами,
С ингушами, немцами, Литвой да латышами,
Жизнь была где с сахаром, где с луком, где и с перцем,
А все ж как казахстанским духом все тогда дышали.

Дышали, а потом настали дни Победы,
Какие и позволили к себе домой вернуться.
Подросли подростки, поседели деды,
Им в счастье у себя хотелось окунуться.

Кто-то и вернулся в свои края родные,
Их помнят старики, теперь и их потомки,
Конечно, тогда годы были не такие,
Они вождем писались и были просто ломкими.

Они ломали жизнь советского народа,
Может быть, не каждого, но все-таки ломали,
Люди у себя в стране зрели непогоду,
Но счастье свое все же в своей стране искали.

Но где его найдешь, коль власти высылали
Только лишь за то, что не герой труда?
Они проститься с близкими людям не давали
И в вагон-теплушки грузили всех всегда.

А в вагонах только-только печь-печурка
Да ведро — где с кружкой, но всегда с водой.
Печурка так топилась напильными чурками,
Так вот наделялись люди жизненной бедой.

А мчали эти поезда в солнце и безлесье,
Где лес, известно, может как-то прокормить,
Но Казахстан свою судьбу и чужую весил
И давал приезжим по-человечьи жить.

За это казахстанцев свет благодарит,
Благодарит за то, что людей любили,
Они крепили дружбу крепче, чем гранит,
Им хлеб, жилье и воду по-своему дарили.

Вот за то мы Президенту от души поклонимся,
Что День он благодарности весной учредил,
За здоровье его Всевышнему помолимся,
И чтоб он в этом веке со своим народом жил.

2 марта 2016 г.

О СТИХАХ

Стихи не стареют — стареют поэты,
Об этом с экрана поведал ведущий.
Такого поверья в моей памяти нету,
Что значит, по жизни я есть отстающий.

Ну как не понять, что стихи не стареют,
Да разве «Онегин» оброс сединой?
Лет двести умами землян он владеет,
Такой молодой же, такой же живой.

А эти, что звались «надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов»?
Стихи прошли века в жизненных потоках,
Не старясь ни в народе, ни в мыслях мудрецов.

Нет, стихи стареть просто не умеют,
А поэты все же горбятся, сдают,
Они теряют молодость и потихоньку тлеют,
И пыл свой стихотворный в свет не выдают.

Где-то рядом возле них и я кувyrкаюсь,
Где-то что-то стряпаю днем и по ночам,
Так же со стихами то радуюсь, то маюсь,
Выходя в свет божий к читательским очам.

Как поэт стареть я вовсе не желаю
Ни душой, ни телом, ни жизнью, ни судьбой,
Я музу свою верную всем сердцем обнимаю,
Ей любовью предан, как Чингисхан борьбой.

Предки наши тоже чем-то увлекались,
Как половцы, как шведы, как тот же Чингисхан,
Они на поле бранном тешились и дрались
И все во славу жизни, себя и своих стран.

Мне не нужны ни слава, ни имя, ни богатство,
Мне нужны лишь книги и читатель мой,
Мне нужно с читателем читательское братство,
Когда читатель будет, я буду герой.

6 марта 2016 г.

ПРАЗДНИЧНЫЕ

МЫ СЛИ

«Чего бы ты хотела, Гульчатай Калкеновна,
В день 8 Марта у жизни попросить?
Или чтоб она тебя как женщину потешила,
Или чтоб мужчины могли тебя любить?»

Так я к своей женке сегодня обратился,
А сегодня выдался красивый женский день.

Жена же мне ответила: «Ты с утра напился,
Чего ты о мужчинах, хоттабычевский пень?

Мы с тобою вместе полста лет, да с гаком,
У нас с тобою внуки и правнуки растут,
Мы с тобой не жили в избушках и бараках,
Хотя нас познакомил однажды институт.

Так что, Сегизбай, ни слова о мужчинах,
Мы верны друг другу от свадебных столов,
Какие не несли нам беды и кручины,
Стоять же друг за друга каждый был готов.

Так друг другу верность мы пронесли с тобою,
И любовь, и верность, и дружбу пронесли,
Видно, все так было задумано судьбою,
Может быть, во славу жизни и любви.

Во славу, это точно, нелегкой жизни нашей,
Когда мы друг для друга и для деток жили,
Когда деревня наша была столиц всех краше,
Какую мы как жизнь, как друзей любили.

Жизнь, Сегизбай-оглы, нас не баловала,
Бывало, приходилось деньжонок занимать,
Однако жизнь нам что-то, бывало, и давала,
Теперь же мы обязаны долги ей отдавать.

А долги — с тобой мы вырастили сына,
У сына же теперь есть собственные дети,
Мы о том и жизнь, и судьбу просили,
И они нам сделали: мы всей семьей в полете!»

8 марта 2016 г.

К 8 МАРТА

«Семь часов» со стенки курица сказала,
А это означало, что день уж начался,
Курица лицо с часов не показала,
Но семь раз пробила семь земных часа.

Сегодня день особый — день 8 Марта,
А это значит, женщины правят этим днем,
Они же правят куркой, картошкой да салатом
И всем, чем мы, мужчины, их именем живем.

Мы живем их красотой, их сердцем и заботой
о мужнином здоровье, здравии детей,
О своей нелегкой и мужниной работе,
О проблемах мира и о житье-бытье.

Ну, проблемы мира — то забота сильных,
А житье-житуха — то личные дела,
С какими мы справляемся сами, без присыльных,
И с тем, что жизнь каждому сулила и дала.

Ну, дала нам каждому имя и отчество,
По-нашему же будет — мать-Родина моя,
Так в миру живет большое человечество,
Так живет и каждая отдельная семья.

Мать-Родина по жизни Женщина Великая,
Которой все обязаны низко поклониться,
Мать-Родина у каждого народа многоликая,
Ее беречь обязаны, обязаны влюбиться.

Обязаны влюбиться, как в женщину простую,
Какая в институте, в поле, у станка,
Какая скрасит жизнь попросту пустую,
Какая скрасит жизнь даже старика.

Такое уж бывало на этом белом свете,
Мы встречали женщин в работе и в бою,
Мы встречали женщин, которых любят дети,
Которые и нынче в работе и в строю,

Которые когда-то летали в самолетах
И громили крепко фашистского врага.
Птицу, говорили, видно по полету,
А женщину встречаем мы в пустыне и в снегах.

А все как наша женщина — из человеческой стали,
Которая не гнется и всегда блестит,
Которая и в космосе над Землей летает
И какая где-то быть собой велит.

Оттого мы женщине в женский день поклонимся,
Потому как женщина нам жизнь и дала,
За ее здоровье и за любовь помолимся,
За все ее земные надежды и дела.

7 марта 2016 г.

ЖЕНЩИНЕ

К женщине, признаемся, мы несправедливы,
Не к жене-невесте, подруге — вообще,
А ведь они всегда божественно красивы
В характере, в работе, в общении и в душе.

Учительница с классом и вечными тетрадками,
Врачиха в неизменном халатике своем,
Воспитатель в садике с шумными ребятками
И певица, схожая на сцене с соловьем.

В магазинах вовсе завидны продавцы,
Юркая ткачиха у ткацкого станка,
А на новостройке с краном крановщица,
Ковровщица с нитью у круглого валка.

На почте же красotka примет телеграмму,
Почтальонша почту в сумке принесет,
Теледиктор-женщина прочтет свою программу,
А швея изысканную блузку вам сошьет.

Каждая из них к тому же еще мама,
За что и следует им низко поклониться,
За это им внимание отдать бы нам по граммам,
Чтобы человечек еще на свет родился.

Женщины у нас тонки и грациозны,
В них непревзойденная божественная статья,
Они всегда красивы, щедушны и негрозны,
Они умеют в жизни влюбляться и прощать.

Ах, женщина! Всех благ тебе и счастья
И поклоны всех мужчин земли,
Пусть тебя обходят невзгоды и ненастья,
А боги тебе счастье и с небес несли.

Агадырь, март 2016 г.

ВОСЬМИМАРТОВСКИЕ МОТИВЫ

И опять подкрался день 8 Марта,
День как день, а все же что-то в нем не то.
Позвонили жены Олжаса и Марата,
Сказав, что они бросили на себя пальто.

А это означает, к нам в гости собираются,
А потому, Гульмира, готовь нам крепкий чай,
Пусть твой муж ругается и как-то обижается,
А ты, Гульмира, все же нас по-старому встречай.

Встречали ж мы наш женский день в прошлые годочки,
То вы у нас, то мы у вас, все было хорошо!
За достархан со взрослыми садились внуки, дочки,
Угощались чаем с китайскою лапшой.

Женщины, как водится, о чем-то говорили,
А мужики, как водится, лакали по жуз грамм,
Женщины, как водится, достархан хвалили,
Который так понравился даже мужикам.

А мужики — так это друг Марат Хасенов,
Я и неизменный наш другарь Олжас,
Мы семьями встречаем праздник непременно,
Который еще крепче сплавливает нас.

День 8 Марта — так это день особый,
Тут женщины по-своему готовят достархан,
На каких-то блюдах ставят пробу,
Говоря: рецепт тот из каких-то стран.

Нам, мужчинам, это вовсе безразлично,
Кто там эти вкусности у себя творил,
Главное, что вкусности были прелюбопытные,
Атам хоть сам Аллах их миру подарил.

Конечно, с достарханом были песни, танцы,
Ну и поздравления женщинам страны,
Какие у застолия нас называли «братцы»,
Не чувствуя в названии никакой вины.

Мы же, мужики, про себя решили:
Как хорошо, что на земле родился женский день!
Главное, чтоб в этот день счастливыми все были
И чтоб для женщин расцветали розы и сирень!

9 марта 2016 г.

ДАВАЙТЕ ПОКЛОНИМСЯ ЖЕНЩИНЕ

Вот давайте просто по-мужски поклонимся
Бабушке, старушке, женщине, девчужке,
Заодно же просто за них же и помолимся,
Чтоб у девчушки были лучшие игрушки.

А женщина чтоб не была в жизни одинокой,
А у бабулек жизнь чтоб вечно продолжалась,
Чтоб никогда у женщин счастье не кончалось
И чтобы ее дети не были далеки.

Пусть они гуляют и бунтуют в хате,
Пусть роняют кукол и игрушки бьют,
Пусть как-то развлекаются с маминим халатом
И сырую воду из-под крана пьют.

А потом пусть просят обыкновенной каши,
Ну, а что постарше, так даже куырдак,
От этого у мамы лицо светлеет краше,
Для нее входящий — друг ей и конак.

Женщинам поэты должны писать посланья,
А мужчины так дарить лучшие цветы —
Символы любви, счастья, обожанья,
Женского величья и женской красоты.

Пусть будет так всегда — не в день 8 Марта,
Пусть женщину цветы повсюду окружают,
А мужики в лице нынешнего брата
Женщину, как Божью Мать, влекут и обожают

Просто лишь за то, что богам подобна,
Что она способна жизнь на земле рождать,
Она в своей природе от мира бесподобна,
Она способна миру человека дать.

Ну, а человечек — то живые люди,
Их на земной планете не счесть, не сосчитать,
Люди эти как-то и на Марсе будут,
Нам лишь остается это время ждать.

Есть ли жизнь в космосе на других планетах?
Думается, это не так уж важно знать,
Пусть о том мечтают ученые с поэтами,
А нам лишь важно видеть женщину и мать.

Ту, что постоянно со своими детками,
С их детскими заботами, с их плачем и игрой,
Какие угощаться любят лишь конфетками,
А зимой общаться с коньками и с горой,

Какую мама часто утрами поливает,
Чтоб на санках дети могли с нее скользить.
Мир ребенка мама ужточно понимает,
Ради мира этого она готова жить,

Как жила всегда с сотворенья мира,
С изобретеньем обуви, одежды и огня,
Когда простые дети были их кумиром,
Их жизни мамы всюду и теперь хранят.

Вот за это женщине давайте и поклонимся,
Что жизнь они детскую извечно берегут,
Женщина, мамаша вовек не успокоится,
Когда их дети из дому и от них бегут.

18 марта 2016 г.

ОНАС

И О ДРУГИХ

Кто я таков и кто я есть —
Остаток брежневского века,
Когда не раз терялась честь
И даже облик человека?

В нас теплился лик Хрущева
И даже сталинский цинизм,
Когда в сорочке я холщовой,
Но все же строил коммунизм

А дальше годы Горбачева
И где-то ельцинские дни,
Песни Аллы Пугачевой
И первые стихи мои.

А там — развал Страны Советов,
Рождение нового дитя,
Какой пытал свои приветы
В чужие страны, не шутя.

Там дитем СНГ явилось,
Какое стало лепетать,
Что-то в свет сказать стремилося,
Училось прыгать и летать.

В СНГ же мир усвоил:
Родилось созвездье стран,
Какие по «народной» воле
В себе замкнулись наповал.

Узбекистан в себе замкнулся,
Таджикистан живет втиши,
Кыргызстан так колыхнулся,
Туркменистан — в своей глуши.

В своем стиле Украина
С СНГ пошла вразрез,
На майдане жгла и била,
Как делал Гитлер и СС.

В своем миру живут Россия,
Белорусы, Казахстан,
В своем миру в небесье синем
Живут собратья разных стран.

Кавказ у высей обитает,
Одну из них зовут Казбек,
Кто на Кавказе побывает,
Тот гость и добрый человек.

Москва со всеми дружбу ладит
И добрый разговор ведет,
Кому-то в дружбе руку гладит,
Кому-то просто подает.

В целом СНГ на взводе,
Он в контакте сам с собой,
У него заботы о народе,
Какой живет своей судьбой.

У СНГ нет президента,
Нет и собственной столицы,
Зато из собственных конвентов
Союз желает и границы.

Коль все свое — своя столица,
Свой закон и президент,
Своя страна, свои границы —
И свой в миру авторитет.

У Казахстана он широкий,
На всю космическую ширь!
Он в миру не одинокий,
Все ж СНГ есть — богатырь.

В нем все же двести миллионов
Больших и маленьких сердец,
Но у него свои препоны,
Когда же им придет конец?

Когда-нибудь СНГ воспрянет
И миру даст одну страну?
Такая в мире воссияет!
К ней, может, с Запада прильнут?

А может быть, с восточной сини,
С монгольских юрт, с монгольской шири?
Такой народ не победить!
Он будет в мире петь и жить!

20 марта 2016 г.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Нынче моей женке ровно две семерки.
Да, сказала женка, это поднебесье,
Жизнь, однако, каждому важит свою мерку,
Отчего у каждого она и интересна.

Было нам когда-то с женушкой по двадцать,
Тогда мы только-только жизнь начинали,
Где-то на гулянке в кругу могли и сбавать,
Но как молодожены житуху постигали.

Прежде в наши двадцать увлекала заочка,
Благо та эпоха бесплатно всех учила,
Заочке посвящались годы, дни и ночи,
Поэтому к диплому нас с женой манила.

А после неизменная любимая работа,
Которой мы по сорок лет семейственно отдали,
На «дембеле» отпали лишние заботы,
Какие как-никак, а прежде доминали.

Теперь у женки больше с кухней разговоры,
Ее общенье с верною газовой плитой,
Нет у них разлада и всяческих раздоров,
Они друг к другу тянутся с особой теплотой.

А мне от их общения одно удовлетворение,
Поскольку на столе лишь вкусы богов,
После них рождаю я свои стихотворения,
Достойные Караганды и прочих берегов.

В границах агадырских их кто-то да читает,
Больше к ним привязаны старые друзья,
Прочий свет, конечно, о стихах не знает,
Посколь они лишь по миру украдкою скользят.

Таланты как Есенины почтения достойны,
Ну, а я достоин не боле как бомжей,
Какие лишь за рюмку меня прочтут спокойно,
Да други за бутылкой в саду иль в гараже.

Читателя другого мне вряд пошлет Всевышний,
У славного поэта и читатель свой,
Для него поэт своей душою пишет,
Пишет добрым сердцем и буйной головой.

Конечно, я ведь тоже умудряюсь сердцем
И душой своею стихи свои писать,
Но, видать, они не иначе как с перцем,
Потому читатель не хочет их читать.

А все как я поэтик только самозванный,
Ну что с собой поделаешь, коль рифмой я живу,
Живу своей бумагой и ручкой окаянной
И строчу стишата за главой главу.

Ну как тут от стихов сегодня воздержаться,
Когда моей старушке сегодня семь и семь?
Не буду за Есениным и Лермонтовым я гнаться,
Пусть буду стихоплет я и не поэт совсем.

Но женку свою все же я в стихах прославлю,
Пусть только для себя, пусть только для нее,
Как бы жизнь ни ставила пред нами гири-ставни,
Я женке доверяю все жите мое,

А женка все же попутчица со мною,
Как-никак, а с нею мы полста пять годков,
Когда-то любовались мы ночами и луною,
А теперь мы с нею в упряжке стариков.

Ей нынче две семерки, мне чуть-чуть повыше,
У нас есть дети, внуки и правнуки растут,
Какие обитают под алтайской крышей
И нас, конечно, с бабкой в свои края зовут.

Гостями на Алтае мы все-таки бываем,
Но с Казахстаном все же мы с бабкой не расстанемся,
Мы по Казахстану и в гостях скучаем,
Наши души по нему и шири расстилаются.

Ну, а ширь степная - это хлеб и небо,
Это наше мужество и наша Астана,
Кто в краях богатых не бывал и не был,
Так знайте, это будет великий Казахстан!

Это наши снежные горы Алатау,
И у их подножия — краса Алма-Ата,
Это и железный город Темиртау,
И угля богиня — Караганда.

Хлебные просторы вы встретите повсюду:
На костанайских нивах, на нивах Астаны,
На нивах Кокчетавщины встречать вас хлебом будут,
Хлебом встретит каждый уголок страны.

А все как Казахстан был житницей Союза
В известные далекие годы целины,
Конечно, целина была неподъемным грузом
И для СССРа, и Казахстан-страны.

Но годы те промчались, целина угасла,
Как и СССР негаданно угас,
Унося с собою флаг бывалый красный,
Какой таким же красным был и в стране у нас.

Что нынче в СНГ? Казахстан на взлете,
У него свой герб и флаг, и своя страна,
Он прошел нелегкие по жизни переметы,
Родив, однако, новую столицу — Астана,
У какой свои заметные приметы.

А у женки у моей есть своя примета —
Это доброта ее и ко веем любовь.
Может, и ее любят все за это:
Характер у сельчан и у меня таков.

25-26 марта 2016 г.

АХ, ГЛАЗА, ГЛАЗА...

Ученый мир, все доктора планеты!
Сомкните воедино все знания свои,
О ваших достижениях в миру поют поэты,
Вы достойны имени, поклонов и любви.

Сомкните ваши головы в мысли небывалой,
Незрячих научите видетьивный свет,
Может, в этом плане сделано немало,
Но святых успехов пока от Бога нет.

Появятся ж они, когда шагнет на сцену
Собственной походкой дивная Диана,
За глаза какая отдастлюбую цену,
Другого счастья от людей ей и от небес не надо.

«Влюбленная весна», — так поют со сцены
Тамара Гвердцители и певец Ренат.
Созвездие такое для зрителя бесценно,
Он бьет аплодисменты и кричит: «Виват!»

Восторженно встречают зрители Гурцкую,
Но она не видит поклонников своих,
Она цветы не видит, воздушных поцелуев,
Не видит всех поклонников — старых, молодых.

Вот если бы и правда в мире объединились
Все врачи по зрению в единое звено,
И их плоды, как в сказке, в свете появились —
Единодля мира, для всех людей зерно,

Какое бы давало человеку зренье,
Любому человеку на всей земной планете...
Ах, есть у человека подобное уменье,
А общего желания работать вместе нету.

Когда умы планеты в один объединятся,
Ни одна болезнь пред ним не устоит,
Видящие станут друг с другом обниматься —
Так людская сказка об этом говорит.

Но человек способен сказку сделать былью,
Такое уж бывало в мире и на земле,
Люди обдувались космической пылью,
Кланялись науке, солнцу и себе.

Есть у человека по зренью достижения,
Но они сегодня не каждого спасают,
У ученых крепкое с наукою сближение,
Они ее и нынче познаваем донимают.

Мир своим ученым по зренью доверяет
И верит, что когда-то они фурор свершат.
Пока ж они у века время занимают,
Но часы в науке не всегда спешат.

Может, свет когда-то увидит и Диана,
Узрит своих поклонников и свою семью,
Для этого ученые в поисках по плану,
Они в Европе с Азией и в мировом краю.

Есть у всех незрячих малая надежда,
Что ученый мир откроет им глаза,
Не верить в достижения может лишь невежда,
А прочий мир так верит, верит три раза.

Давайте, дорогие, докторам поверим,
Они глаза живые для всех изобретут,
Надо быть для этого отчаянным и смелым
И подчинить науке каждый институт.

У человека много все возможных мыслей,
Он мечтает даже полететь на Марс,
Пусть случится это не так скоро-быстро,
Но мысли эти как-то возвышают нас.

Возвысят человека глазные достижения,
Когда у всех слепых появятся глаза,
Мир протянет руку ученым с уважением
И поклон отвесит тридцать три раза.

Ах, как хочется, чтоб всем светило солнце,
Пусть любой калека не видит шар земной,
Пусть он видит небо даже из оконца,
Л юбуется землею, людьми и сам собой.

Пусть он видит травы на степном раздолье
И березку грустную у своего окна,
Пусть видит тишину и страны приволье,
И знает - это не чужая, а его страна.

Пусть видит и дожди, и радугу на небе,
Пусть видит час заката и по утрам зарю,
Пусть видит в доме маму и краюху хлеба,
И ту, которой шепчет: «Я тебя люблю».

Может быть, другого счастья и не надо,
Счастье — свет ты видишь и мир перед тобой.
Коль ты видишь мир, на душе отрада,
Посланная жизнью и твоей судьбой.

Вот за это им и надо поклониться,
Ну, а тем, кто зрение вернул-восстановил,
Надо пред Всевышним молиться и молиться
И просить у Бога здоровья им и сил.

А еще поставить им памятник сердечный,
Да такой, какого не было на свете,
Чтоб ему потомки поклонялись вечно,
Поклонялись все — и старики, и дети.

Памятник всемирный, устремленный в небо,
Да такой, какого свет белый не видал,
Такой, какой у человека не рождался, не был,
Теперь же человек в природе — природный идеал.

Человек способен дать собрату зрение,
Человек способен и жизнь его продлить,
Все как у человека есть свое умение
С природою брататься, с природой в мире жить.

А потому давайте поклонимся любому,
Любому человеку, кто окружает нас,
Любым Ванюшам, Машам, Олжасам, Пете, Роме,
Всем, кто был когда-то и кто есть сейчае.

27-28 марта 2016 г.

ДУМЫ О ПРОШЛОМ

Вот сидим мы с женой и думаем-гадаем:
Оба мы седые восьмерки разменяли,
Как жизнь покатит далыше - не ведаем, не знаем,
Может, и не так, как мы о том мечтали.

А жили мы мечтою по стране пошлюндрать
(Так женка называла по стране круиз),
Меня же заставляла какой-то город выбрать,
Который в отдалении, а то и вовсе близ.

В отдалении — это Ленинград с Москвою,
А у Черноморья — знатные курорты,
Мне так хотелось там побывать с женою,
А там пусть жизнь катит хоть до Бога с чертом.

Так мы и побывали в Питере с Невою,
Конечно, повидали и прелести столицы,
Эрмитаж так стал нам особою главою,
А прелести столицы так будут даже сниться.

Курортные вояжи нас просто молодили,
Были то Адлер и Красная Поляна,
Курорты нам и в правду здравия дарили,
На что сказала женка: другого нам не надо.

А потом спасибо республике Советов,
Которая нас с женой в Германию свозила,
Мы никогда с женою не думали об этом,
Но страна путевку нам сама вручила.

Нынче мы с бабулькой о прошлом вспоминаем,
Все-таки мы жизнь хоть как-то повидали.
Что наш век текущий подкинет, мы незнаем,
Но жизнь человечью мы-таки познали.

Говорят, на старости только и мотаться,
Чем и занимается западный народ,
Он едет и в Австралию, к корейцам и китайцам,
Не сидит он дома, его девиз: «Вперед!»

Нам бы у германцев и прочих поучиться,
Как с великой пользой старость проводить,
Доброму учиться — не значит нам стыдиться,
Мы должны по-шейховски, как Рокфеллер, жить.

30 марта 2016 г.

* * *

Мир сегодня вовсе на жизнь сердит,
Да и я к тому же не второй, не первый,
Когда мужик в пространство тихо говорит:
«Где вы, таклюбимые непознанные стервы?»

Сердце бьется страстью
К своей козырной масти,
Какая даст любовь,
А то и вовсе счастье.

* * *

В Алматы я не был ровно сорок лет.
Какой была — я помню, а какую стала?
Моего КазГУ вроде нынче нет,
Просто его старость по-своему достала.

Пред ним стоит гостиница, как будто «Алматы»,
А за университетом — старый дом Правительства,
Величественной, старой, но светлой красоты,
В каком сегодня акимат, а может, и учительство.

Я знал когда-то бывший Шевченковский проспект,
По какому, кажется, бегали трамван,
Говорят, сегодня трамваев просто нет —
По ним алмаатинцы никак не унывают.

В городе главенствуют троллейбусов маршруты,
Какие сохраняют воздух в чистоте,
А в Астане повсюду машины дымность крутят,
Чем дышат горожане в городской черте.

А ведь было время, когда троллейбус жил,
И город чистым воздухом и космосом дышал,
Движением троллейбусов город дорожил,
Но Астана решила: троллейбус — это шал!

Вот так он и исчез с маршрута городского,
Все уступив автобусам и тысячам машин,

Какие дым качают до неба голубого,
А им ведь люди дышат натужно, без души,

Астанчане говорят: троллейбусы верните,
Какие в свое время по городу ходили!
Власти Астаны, народу помогите,
Астанчане свой троллейбус вовсе не забыли!

Агадырь

О ВОЙНЕ

Войне бы людям надо посылать проклятья,
Что способны сделать писатели-поэты,
Какие просто кланяются воевавшим братьям,
Пусть и запоздало, но говорят об этом.
Ах, война, только зло ты в миру вытворяешь,
Сеешь смерть на красивой земле,
Все живое со свету сживаешь,
Ах, война, все проклятья тебе!
Сколько жизней в веках ты стубила,
Людам горя и слез принесла,
Косу смерти, не прячась, точила,
Кровь людскую морями лила.
И сегодня с косою своею
Ты страдания людям несешь,
Черной смертью и прахом лишь веешь,
Жизнь людскую залогом берешь.
Кто родил тебя, солнце иль боги,
И когда, чтоб проклясть этот век?
Война: «Успокой блажь и тревоги,
Породил меня ты — ЧЕЛОВЕК!»

Агадырь

ПЕСНИ

ГАРМОНИ

Во дворе отчего-то вдруг запела гармошка,
Чудеса эти город давно позабыл.
Приоткрыл я окно, мне взгрустнулось немножко:
Когда такой праздник у горожанина был?

А гармошка звенела на лавке дворовой,
Где с гармонью сидел тот еще старичок!
Для людей та картина была старой и новой,
Когда дед не стеснялся дать гармонии толчок.

А она что-то пела о степи с ямщиком
И о позиции с девушкой, провожавшей бойца,
И врага, что мы били стальным кулаком
И добили его у его же крыльца.

Она пела потом о дорогах целинных,
Какие готовы нас к счастью вести,
О дорогах к планетам трудных и длинных,
К Марсу, где яблони тоже будут цвести.

Двор сквозь окна глядел и задумчиво слушал
Дедугана на лавке с гармошкой простой,
Как когда-то на берег ходила Катюша,
На берег тот самый — высокий, крутой.

Песня лилась и крутилась, как птица,
Не забыл в ней дедуля и простые слова:
«Дорогая моя столица,
Дорогая моя Москва».

Агадырские рассветы

Вспомнил дед о забытых степях Забайкалья,
Где золото рыли в степях и в горах,
Того же бродягу, что вторил проклинанья,
Когда он тащился с сумой на плечах.

А гармонист по-прежнему стариной дышал,
Подлаживался песне и был такой угрюмый,
Он отчего-то вспомнил и берег Иртыша,
Где Ермак когда-то был объят своей думой.

Ну, а дальние деду грусти не хотелось,
Он запел об Астане и Караганде,
Может, его сердце оттого и грелось,
Что они в его душе и даже в бороде.

Октябрь 2015 г.

* * *

Хошь не хошь, а осень наступила,
Листья позолотою кружат,
У осени своя любовь и сила,
Даже ели в холоде дрожат.

К речке низко наклонилась ива,
Стало ей морозно без листвы,
Пригорюнилась без одежды слива,
Поусохли травы и кусты.

Жизнь такое ведает от века,
Как от века светит нам луна,
Бывает, видно, то и с человеком,
Когда красу съедает седина.

Октябрь 2015 г.

Вот опять душистая осень подкатила,
Подкатила к школам и наша ребятня.
Да, нынешнее время колесо родило,
Какое удивляет время и меня.

А мы в свою аульную школу все ходили
Стряпочными сумками и даже босиком,
И все же свою школу мы трепетно любили,
Какую вспоминаю я даже стариком.

Война еще далеко где-то продолжалась,
А я уже ходил в класс первый и второй,
Сверстники и я не слишком наряжались,
Главное, мы были единою семьей.

Ели только то, что карточки давали,
Отчего нам есть день и ночь хотелось,
Магазины вовсе нас не одевали,
На торжествах каких-то нам никак не пелось.

Воттак мы и росли, учились, выживали,
Но Победу встретили горячею душой
И, можетбыть, впервые песни запевали,
А мама накормила домашнею лапшой.

Ах, время то минуло и погрузилось в вечность,
Но память отчего-то его в душе хранит,
Были в том далеком бедность и сердечность,
И, может, только стих об этом вправе говорить...

Октябрь 2015 г.

О ВОЙНЕ

О войне я лично многого не знаю,
Да и знать, пожалуй, в общем, не хочу.
О войне, однако, что-то да читаю,
О чем перед читателем и не промолчу.

Что-то я читал о бывшей Курской битве,
Где фашисты массово свою смерть нашли,
Им не помогли и Гитлера молитвы,
Они ушли в могилы от родной земли.

Нам в школе говорили о битве Сталинграда,
О Ленинградской битве, в Одессе, Севастополе,
Где были уничтожены фашистские засады,
Они же по своим трупам, отступая, топали.

Солдаты наши их вовсе не щадили,
Били их и в Польше, в Венгрии, в Болгарии,
Били их и в Чехии, и в Югославии били,
Били и в самой рейхстаговской Германии.

Что-то я читал о Зое и Матросове,
Закрывшем своим телом фашистский пулемет,
Читал я и о подвигах сталинских матросов,
Где каждый был и воин, герой и патриот.

* * *

Попробуй без таможни пробиться в Украину,
В ту же Белоруссию или в Казахстан,
На таможне скорчат тебе рожу-мину,
И ты враз забудешь наличие ближних стран.

Забудешь, что такое Узбекистан с Киргизией,
Грузия с Молдавией, Азербайджан с Арменией,
А все как у них нынче своя в стране коллизия,
Жить по которой можно более иль менее.

Так вот и живем мы в СНГэвском веке,
Где каждая страна со своей границей,
Какая недоступна простому человеку
И куда пропускают таможенные лишь лица.

Что СССР заставило рассыпаться, распасться?
Видно, белый свет того от века не узнает,
СНГэвцам, видно, приятно кувыркаться,
В собственной стране он мир свой пожинает.

Октябрь 2015 г.

О СВЯТОЙ ВОДЕ

Моя бабка-женка перед днем Крещения
Решила девять банок с водою освятить,
Подошла к иконе с крестным обращением
И стала у святых отцов для себя просить.

Мол, пошли нам, Боже, счастья и здоровья
И годы нашей жизни со стариком продли,
А все болезни на земле от нас и изголовья
И отлюдского мира в космос угони.

А в банках, как заметил, старуха дело знала,
Крестила троекратно и что-то там шептала,
Крестик на веревочке в воду опускала
И банки затем крышками плотно закрывала.

Мне же говорила: вода теперь особая,
В ней даже возможно больных детей купать,
А нам в святое утро ложечку на пробу
Можно в чай и в кофе и в суп свой добавлять.

От нее и правда болезни улечутся,
А дети так и вовсе, как розы, расцветут,
У себя ж задумки все хоть как-то да получатся,
А невзгоды всякие и вовсе обойдут.

А все как в том способствует священная вода,
Какую на Крещение когда-то освятили,
Говорят, так делалось многие года,
Когда предки наши и при Грозном жили,

При Иване Третьем и при Калите,
При Петре Великом и при Екатерине.
Может, мы сегодня, по правде, и не те,
Но отцов традиции мы помним и поныне.

Моя бабка-женка Гульчатая Капкеновна
Меня заставляет свою воду пить,
Говорит, чтота вода много пользы сделала,
Она даже может наши дни продлить.

«Так что, Абдрахман-оглы, - говорит мне женка, -
Божественную воду пей по вечерам.
Ты забудешь про болезни, грипп да селезенка,
И вообще забудешь тропки все в больницу к докторам».

Так что с Гульчатой моей я о воде не спорю,
Коль она столь действенна, ей поклон и блажь.
Коль вода излечивает человеческие горе,
Мы пошлем святым богам крестный наш багаж.

Гульчатой так учит даже, как богам молиться,
Мол, надо бы нам в городе в молебный дом сходить.
«Надо бы тебе, оглы, и «Отче наш» учиться,
И вообще с молитвами креститься и дружить».

Женке Гульчатой я в общем не перечу,
Что она советует, с тем я соглашаюсь,
Только вот креститься я забываю в вечер,
А учить молитвы вовсе не решаюсь.

В мою такую длинную круглую восьмерку
Голова к молитвам вовсе не склоняется,
Я так между делом обманываю женку
И говорю: молитвы у меня никак не получаются.

Я уж стар, и мне они вряд ли где сгодятся,
Лучше буду молча я втихаря креститься.
Мне, по сути, старому, уж нечего бояться,
Лишний раз перекрещусь — может, и сгодится.

А святую воду Гульчатой я все же выпиваю,
Делаю зарядку и жму на километры.
Говорят, что километры нашу жизнь продляют,
Почему я ежедневно думаю об этом.

Ежедневные прогулки как-то ободряют,
Молодость походке и зренью придают,
Всякие болезни и правда отгоняют
И даже на пробежку иногда влекут.

Движенье — это жизнь, и юнцу известно,
Мои пять километров пока не предел,
Мне други говорят: очень интересно,
Что я в последние годы крепко похудел.

А я и правда был, как бугай, пузатый,
Брюки все подряд на пузе не сходились,
Когда брал километры, где шестой, где пятый,
Так брюки без поддержки до земли катились.

Так что быть в движении — то всему лекарство,
А мы, друзья, братаемся с колесами да шинами,
А все как проживаем мы в богатом государстве,
Где владеем землями, домами да машинами.

Спросил у своей женки: чего нам не хватает?
Есть квартира, пенсия, вода, канализация,
В квартире солнце бликами и теплом играет,
А в окошко в летний день смотрятся акации.

«Правильно ты говоришь, мой Абдрахман любезный:
Чаша до краев полна, есть во что одеться,
А вот наше телевиденье просто бесполезно,
Посколь программа у него просто жуть и бедствие.

«Закон и человек» Пиманова с экрана испарилась,
Да не натройку дней, а ровно на полгода,
И «Играй, гармонь» и вовсе в Лету удалась
На три года... Вот, друзья, тут и есть тревога.

Да и правда, как тут быть? Программы в сердце были
У наших телезрителей большого Казахстана,
Они у россиян идут, как и ходили,
А у казахстанцев на экранах сих передач не стало.

Так что, Абдрахман-оглы, не радуйся машинам,
Что на наших улицах воздух рассекают,
Нам нужны, как прежде, программные вершины,
Какие даже жизнь людям продлевают».

Как продлевают та вода, что от дня Крещения,
Которой меня потчует моя бабка-женка.
Я забыл церковный дом, не знаю посещения,
Она туда все ж водится, я жду ее в сторонке.

Быть с Богом моей женке я не запрещаю,
У пенсионеров есть такая мания надежды,
Они даже светятся, когда церковь посещают,
И не считают свой поступок подвигом невежды.

Не считает женка, когда в церквушку ходит,
Где отдает молитвы, деньги и поклоны,
В этом моя женка так счастье находит,
Счастье в том, что крестится всем святым иконам.

23-24 января 2016 г.

ОСНГ

Вот опять листаю я любимого Есенина.
Хотя и кичусь в обществе своею сединой,
Стихи поэта мною давно уже просеяны,
Из каких какие-то завладели мной.

Целиком поэта цитировать не стану,
Посколь люблю поэта и заодно боюсь:
Вдруг со своей эпохи он наш век достанет,
Повторив: «Пропала Расея, погибла кормилица Русь»?

А Россия никогда в жисть не пропадала,
Да и Русь-кормилица до сих пор жива,
Наверно, пути новые она в миру искала,
Да и нынче ищет российская Москва.

А СССР Вселенная взяла да потеряла,
А с ним вечный комсомол и ту же пионерию,
Компартия в подсобке себе приют искала,
Но ей просто в космос отворили двери.

Нет сегодня на Руси, в СНГ и в мире
Того же комсомола и той же пионерию,
О них сегодня не поют ни в школах, ни в квартире
И не покупают галстуки из кровавой материи.

Вместо СССРа СНГ явилось,
У него ни родины, ни президента нет,
Такое государство и врагу не снилось,
Посколь оно имеет свой собственный секрет.

А секреты СНГ мир понять не может:
Где его границы и общая страна,
И какую все ж политику оно на карту ложит,
И какая в мире у СССР вина?

Мудрецы так говорят: СНГ есть фикция,
Какую лишь политики горазды породить.
Какая у политиков была и есть позиция,
Неужто чтоб раздельно всем друг от друга жить?

А ведь жилали мы когда-то на земле раздельно,
Когда внедрялся в страны шелковый тот путь,
Мы друг друга знали искоса, предельно,
В беде не подставляя соседу хлеб и грудь.

Нечто что-то близкое и в СНГ творится,
У республик свои флаги и свои границы.
Хочешь у соседа гостем появиться?
Так тебя обшарят таможенные лица.

Пограничные посты — глаза страны и уши,
Побиться сквозь какие не думай, не пытайся,
Глаза и уши видят все и даже шорох слышат,
Отчего в своей стране соседом оставайся.

Пробиться хочешь в Кыргызстан? Проходи таможеню,
Но прежде на их денежку теньгушку поменяй.
Говорят, сегодня это всем возможно,
А что такое стало - на СНГ пеняй.

С этим СНГ в Украину не пробиться,
Не пробиться в Грузию, в Молдавию, в Чечню,
Не можешь без таможни ты в Ташкенте появиться,
Такие вот законы СНГ, что зреют на корню.

Кто законы эти как-то перемелет
И ислечет для СНГэвцев общий каравай?
Белый свет и Запад того не разумеют,
Потому как СНГ сам выбрал этот рай.

В том раю, наверно, жить ему удобно,
Каждая республика есть своя Америка
Со своими штатами и землею кровной,
Какая не боится никакой истерики.

Узбекистан не празднует границы Кыргызстана,
Он может их по-своему любить и нарушать,
Он где-то ущемляет земли Казахстана
И сырдарьинский берег может оглашать.

Только лишь своим и ничьим на свете,
Об этом знаем мы и знают наши дети,
Нам лишь остается об этом пожалеть
И, может, только дружеский мотивдля СНГ запеть.

В нем просить себя мы будем вновь объединиться,
Чтобы вновь была единая и дружная семья,
Ей мы снова будем, как богам, молиться,
И станут у нас общими горы и поля.

Агадырь, 16 августа 2015 г.

ТЕБЕ

Для меня ты одна, даже в старости,
Это значит, судьба шлет нам радости,
Это значит, что ею мы с тобой не обижены,
Она жизнью своею сближает нас ближе.

Для сердечного упования не нужны нам случаи,
Расстоянья далекие нас никак не разлучат,
Не нужны нам события и крутые кручи,
Жизненное бытие делает нас лучше.

Ты в своем поселке, в своем Агадыре,
Ая - где перепелки, в далеком Жалтыре.
И ласточки под стрехою своих птенцов родят,
Наверно, это века, как тыщу лет назад.

Жизнью мы разлучены на целых два-три года,
Однако нам поручено беречь свою погоду,
Беречь в ней теплоту, солнце и безветрие,
Жизни красоту, нами же согретую.

Согретую кто варищам и к тебе, сердечной,
Дающих нам сокровища по жизни бесконечные,
Для наших добрых дней в наше обновление,
Какие нам родней, чем в жизни поведение.

Мы, мой друг, с тобой надолго разлучены
Жизнью и судьбой, и insultным случаем,
Какой, как ток, сразил моего братишку,
Теперь мне белый свет не мил, и я кручусь мартышкой.

Когда освобожусь от жалтырской муки,
То домой вернусь, забыв о всей разлуке,
Вернусь в наш скромный дом, вернусь в свою светлицу,
Где был я лишь царьком, аты - моей царицей.
Для счастья ничего нам больше б не хотелось,
Лишь бы соловьям за окошком пелось.

Только б нам вдвоем
Уже не расставаться
И нашим житием
По-царски любоваться.

Чтоб казахстанский хлеб
В жизни не кончался
И для всех судеб
У нас лишь начинался.
У нас, на наших нивах,
Что в степных просторах,
Какие сердцу милы,
Как в дружбе разговоры.

В это новогодие
Желаю казахстанцам
Здоровья, благородия,
Счастья и богатства,
Бесплатного лечения,
Что всего дороже,
Бесплатного учения
Для нашей молодежи.

За это Казахстану
Народ душой поклонится,
И Нурсултану в золоте
Памятник построится.
За это Казахстану
Скажут все рахмет,
А Президенту Нурсултану
Воздвигнут монумент.

И будет строить жизнь страны
В богатстве и величии,
Будут родине верны,
Единой и могучей.
Будут время обгонять
И планы перспективные,
Станут в жизнь воплощать
Геройски и активно.

А пенсионерам хочется
Пожелать богатства,
Путь им мир откроется
В красоте и братстве.
Они помнят старый мир,
Созданный Советами,
Где даже жили без квартир
Писатели с поэтами.

В новом же столетии
В новом Казахстане
Будет долголетие
И люди ближе станут,
Люди ближе станут
К стране и к Президенту,
И о Нурсултане
Сложат стих поэты.

Сложат и поэмы
О бывших всех невзгодах,
Теперь же — перемены
На жизненных дорогах.
Перемены новые
По воле Нурсултана,
Перемены добрые
Для мира Казахстана.

Ах, с чего бы жить начать
В новом новогодии?
Мне стихи писать-рожать,
Тебе — петь в хороводе
В вашем ветеранском,
Что у вас так славится,
Где сиротой казанской
Из вас никто не кажется.

Всюду вас встречают
Лишь аплодисментами
И всегда желают
Видеть вас с концертами,
Где звучат народные
Песни и частушки
О паре благородной —
Марии и Петрушке.

Какого только просят
Прокатить на тракторе
Только до околицы,
Что и стало фактом.
Звучат и современные
Овольном Казахстане,
Где люди непременно
Жить богаче станут.

Где будут у них славные
Хоромы и квартиры,
А в жизни станут главными
Дела о вечном мире.
В Ираке и Афгане,
На всяких Пиренеях,
В далеком Пакистане
И даже в двух Кореях.

В Сирии с Египтом
И на Украине,
Какие США магнитом
Тянут на чужбину.
ОБСЕ торжественно
У нас постановил:
Решать дела божественно,
Без всяких войн и сил.

Решать переговорами,
Встречами взаимными,
Политикой и сборами
За чаем и сардинами.
Мир станет от того другой
На земной планете,
Он будет звать лишь за собой,
Как в мир зовут поэты.

Потомки ж будут это знать
Только по истории
И будут мысли изгонять
О чуждых территориях.
Мир на всей земле
Навеки сохранится,
А войны, может, лишь во сне
Будут людям сниться.

Всплывет, возможно, вся война
В Афгане и Вьетнаме,
И та, что все-таки была
В Чечне и Дагестане.
Чтоб не было войны,
Разбоев и бесчинства,
Люди всей земли должны
Жить в мире и единстве.

Есть для того ОБС.Е
И верное Содружество,
Они силе и войне
Предложат только дружество.
И представят мирный путь
Шелковый и чайный,
Всем захочется взглянуть
На жизнь необычайную.

В Корее и Китае,
В России и Америке,
В большом арабском крае
С дружбой, без истерики.
В Казахстане с Африкой,
В Турции и Греции,
В странах ближней Балтики,
В солнечной Венеции.

На заокеанской Кубе,
В Израиле с Ираном,
Всюду люди будут
Ждать кокос с бананом.
Из Казахстана — с хлебом,
Хлопок — из Узбекистана,
Где под мирным небом
Привечать всех станут.

Вот тогда ОБСЕ и памятник воздвигнут,
Даже в маленькой стране ему поклоны будут.
Мир поклонится ему добротой и лаской,
Войны людям ни к чему, пусть они во сне живут
И в самой мирной сказке.

Агадырь, 3 октября 2015 г.

О ТАЛАНТЛИВОСТИ

«Пускай таланты до конца раскроются,
Пусть станет ясно: бездарь или пророк
Природою заложен был во мне,
И обжигать ли за горшком горшок
Или разумно держаться в стороне?»...

Ах, Господи, какая правда здесь!
Я на себя все это примеряю
И вопрошаю: во мне таланты есть?
Мир молчит, и я того не знаю.

Газетные статейки — вовсе не талант,
Не наше тут безмолвное открытие,
Пером с бумагой нынче многие грешат
И не считают, что делают событие.

Когда-то мысль ту и я себе внушил
И посчитал — талант во мне таится,
Ради него с печатью я дружил
И даже в вуз газетный поступил,
Но он мне в жизни вовсе не сгодился.

Была работа никак не по диплому:
«Железка» сорок лет у жизни отняла
И, может быть, как никому другому,
Мне часть судьбы и жизни отдала.

Теперь вот старость, мир пенсионера
И, как назло, литературный всплеск.
Пойти бы раньше с книгой кавалером,
Где и раскрылся бы пушкинский мой блеск.

Себя пытаю: а в годы молодые?
Талант поэта лишь теперь раскрылся?
Да за такую творчества природу
Ты лучше б в молодости к чертям и удавился.

За жизнь и строчки не написал рассказной,
А вот с сединою так и роман родил,
Видать, по жизни ты сумерничал, зараза,
И где тебя, чертяку, рогатый черт носил?

Теперь вот кувыркаюсь со своим романом,
Ругаю свою бездарь, иначе не могу,
Во времена Корчагина я был бы атаманом,
А теперь лишь старость да статность берегу.

Живым же свой роман видеть я пытаюсь,
Света ему белого видать иль не видать?
Может, оттого и молюсь, и маюсь —
Хочется писателем, хоть маленьким, но стать.

Ну, а «Ниве» все же я низко поклонюсь
И спрошу смиренно: я бездарь иль поэт?
Коль подтвердится первое — тому не удивлюсь,
У бездаря нет книжек и будущего нет.

Коли то услышу — в стороночке зажмусь,
Ведь бездаря на люди совсем-совсем не тянет,
Ну, а что проклянется — тихонько отпишусь,
Но писанина, несомненно, та со мною и завянет,

В бытность я писал вирши и эссе
И в печати изредка, но все же появлялся,
Однако я не знал, друзья, на той я полосе
И за свое ли дело, дорогуша, взялся?

В стихах своих хотелось стать двадцатилетним,
Молодые годы часто снились мне,
Юношей дружил с целинным лихолетьем
И старался плыть на ее волне.

Целина учила в хлебе разбираться,
Чуять его запах, его вкус и боль,
Учила хлеб беречь и хлебом запастись,
И знать: страна без хлеба — это просто ноль,

А потому и следует с целиной сродниться,
В чем-то помогать ей и любить ее,
А коль еще ребенок на целине родится,
То у народа будет богатое житье.

Потому я молодым на целину подался,
На своем ДТ ее отчаянно пахал,
Ну, а в час досуга с бумагою брался
И, конечно, вирши о целине писал.

Тогда как раз стихами я и увлекался
И говорил себе: ты все-таки поэт,
Может, оттого и с целиной расстался,
Постигая музы богатство и секрет.

Я просил у музыки, у Пушкина и Блока:
Пусть и у меня талантливость раскроется,
Мне до их таланта, как до небес, далеко,
Но во мне Есенин, хоть и маленький, но кроется.

Агадырь, октябрь 2015 г.

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО

Было безумное время,
В нем безумные люди.
Наше безумное племя,
То время, однако же, любит.

Оно запрещало печатать
Поэтов, как Влада Высоцкого,
И было готово упрятать
В тюрьму самого Заболоцкого.

За книги страдал Солженицын,
За них он лишился свободы,
С ним были и прочие лица,
Они признавались народом.

Высоцкий пел песни о жизни,
Безумное ж племя кричало:
Ты против идешь коммунизма?
У жизни другое начало!

У нас блажь повсеместно с усладой,
Мазать дегтем страну не дадим,
Брежнев выдал народу отраду,
За сохранность ее постоим.

Он с народом общаться изволит,
Недостатков в стране нет и нет,
А коль есть, вам никто не позволит
Выносить их печатно на свет.

Солженицын с Москвой распрощался
И подался в великие США,
Там он с вольною прессой общался
И писал, чем болела душа.

А Высоцкого все ж не печатали,
Признавать его стали теперь,
А безумное племя упрятали
Свою личность за крепкую дверь.

Так упрятались Сталина прихвостни,
Что судил и л юдей без суда,
Со своею жестокостью, с хитростью
Не жалея безвинных года.

Присуждались под пули мужчины
И с седой головой старики,
Не печалила судей кручина,
Они их гнали на смерть, в тупики.

Меч возмездия их не коснулся,
Их не тронул ни Бог, ни Хрущев,
Культ спиной к ним, к стране повернулся,
Так и жили они под плащом,

Укрывавшем от всякой невзгоды,
От природных морозов, дождей,
От бывалой в стране непогоды,
Исходившей от прежних вождей.

Годы шли, старики умирали,
Что при Сталине службу несли,
Их за прежнее не попирали,
За их прошлое не упрекали,
Они со всеми властями цвели.

Так же старились, так же работали,
Как и всюду, растили детей,
Как и все, жили правдой, заботами,
Сознавая, что они уж не те,

Что боролись с врагами народа
Да с расплодившимися кулаками,
Для которых по сердцу природа
С ее лесами, полями, волками.

Как бы ни было, а жизнь продолжалась,
Сталинизм с эпохой угас,
Хотя при Брежневе что-то встречалось,
У какого был собственный глаз

На Высоцкого и Солженицына
И на многих приравненных к ним,
К ним другая рождалась позиция,
К ним особый рождался экстрим.

Годы шли. сталинисты мельчали,
Незаметно покинули свет,
Об их жизни в печати молчали,
О них даже и памяти нет.

Нет и слова о тройках судебных,
А они ведь повсюду судили
И Сейфуллиных, и Тухачевских,
И спокойно в театры ходили.

После сталинских дней притаились,
Жизнь и люди уж стали не те,
Они с бесправием примирились
И не держали народ в слепоте.

Ну, а судьи свой век доживали
Без укора за прошлую службу,
Пятилетками себя отдавали
И водили в правительстве дружбу.

Так советская жизнь продолжалась
До их последних старческих лет,
Их прошлых судеб она не касалась,
За все их смерти не просила ответ.

Такова в свете наша натура,
Кровь пролил — в каталажке отсидка,
Мы теперь соблюдаем культуру,
За жизнь людскую не тратимся шибко.

Что нам жизнь человечья? Пустое.
А за наркотики схватишь сполна!
СНГ уж изведал такое,
Определяя, где больше вина.

Кровь пролили — лет на семь за решетку,
А за наркотик — лет двадцать тюряги.
Вот и делай в блокноте пометку:
Жизнь сравнялась со стоимостью браги.

Утащил в магазине бутылку —
Пятерик за колючей сиди,
А убил за любовь свою пылкую,
Так за любовь ты себя не суди.

Да и судьи такого же мнения:
Ну, любовь, изменила жена...
Ведь она довела до кипения,
Чем же думала в жизни она?

Что ж, был в трансе, не воздержался,
Да и как тут измену стерпеть?
Невменяемым оказался,
А за это придется сидеть.

А за наркотик соседа Валеру
На пятнадцать прятали лет,
Ну, хотел стать мужик миллионером,
А к таким снисхождения нет.

Так вот жизнь в СНГ кувыркается:
Чью-то жизнь угробил — пять лет,
Ну, а коль никотин улыбаётся,
Для тебя света белого нет.

Упекут на десяток-пятнадцать,
Но не суток, а долгих годков,
Вот и думай, чем лучше заняться,
Пока не стал ты сплошным стариком...

Агадырь

ИСПОВЕДЬ

Полста пять годков
Мы с женкой моей вместе,
В родном своем поселке
У речной излуки,

За эти годы наш сынок
Отыскал невесту,
У каких сегодня
Уже резвятся внуки.

А мы с моей старухой
Их зовем правнуками,
Какие, между прочим,
Такими и являются,
Они дом наполняют
Беготней и звуками,
На все предупреждения
Только улыбаются.

От их проделок
Мы с женкой только млеем,
Затем она купает их
В своей святой воде,
А заодно желаем мы,
Чтоб внуки не болели
И солнце им светило
В квартире и везде.

Ну, а со старухой нам
Другого и не надо:
У детей все ладится,
Значит, все о'кей!
Балуем мы внуков
Халвой да шоколадом,
А так перед ними -
Преданный лакей.

Так вот жизнь и катится
В пенсионном духе,

Мы жизнь коротаем
В довольстве и в тепле,
Себя так береблю
То за нос, то за ухо,
Чтоб знать, что я живу еще,
А не на смертном дне,

А что? Мне все-таки
Исполнилась восьмерка,
А это в наш космический
И атомный наш век,
Жизнь все живое
Не гладит, а коверкает,
Отчего страдает на земле
Больше человек.

Меня ж в мою восьмерку
Жизнь пока лелеет,
Может, что рождения
Тридцатых я годов?
Оттого и нынче я
По-стариковски млею
И даже до девятки
Вести себя готов.

А девяносто годиков -
Не такой уж космос
С его бесконечностью
И звездной синевой,
Мне до них добраться
Жизнью не заказано,
Хочу, чтоб этот космос
Был всегда со мной.

Космос бесконечен,
Природа же небесная
Жизни человека
Свой предел дала,
Хотя она в движении,
Хотя она телесная,
Но вечною, как космос,
Сроду не была.

А жизнь у поэтов
Вообще шатается,
Готовая влюбой момент
Споткнуться и упасть,
Она лишь средь читателей
И влюблях продолжается,
Поскольку у поэтов
Своя жизнь и власть.

Поэтов - долгожителей
Жизнь не разумеет,
Может, что людскими
Они судьбами живут?
Судьба страны и родины
В их сердце тоже зреет,
Так они для жизни
Сердечный ритм берут.

Ну, а коль такое
Жизнь порождает,
Она и поэтический
Отмеряет век,
Может, человеку
Она и не угрожает,
Но так у ней устроен
Поэт и человек.

Не знаю, что мне лично
Жизнью отмеряно
И насколько долго
Продлятся дни мои,
Только я считаю —
Мной не все потеряно,
Мне и на восьмерке
Петь будут соловьи.

А мне-то после этого
Ничего не надо,
С песней соловьиной
Придет и вдохновение,
Это есть и будет
Для меня отрада,
А для поэтов мира —
Жизни откровение.

Мне лишь остается
Умилиться временем,
в котором я родился
И в каком живу,
Я горжусь тем временем
И литературным бременем,
Я на их течении
И по сей день плыву.

Сколь я буду плыть —
И белый свет не знает,
Мой восьмидесятник
И нынче на волне,
Он тоже на течении
В ярком освещении,
В плаванье конечном
Подарит книгу мне.

Конечно, это только
Старческие мысли,
Которые и правда
Со мною на плаву,
Они дают команду:
«Не унывай, не кисни!»
С этою командой
Я и теперь живу.

Унывать и правда
Людям не приходится,
Особенно которые
На творческой волне,
За мной стихи и правда
День и ночь охотятся,
Я с ними уединяюсь
В дому и в стороне.

Так они со мною
Много лет крутились
И в четыре сборника
Издательством вплелись.
Мои стихи и правда
Со мною обручились,
Чем и продлевают
Поэта в свет и жизнь.

Хотя мне до Есенина,
Как земле до неба,
Однако я земное
Что-то создаю,
Писателем-поэтом
Отродясь я не был,
Но все ж друзья читают
Исповедь мою.

Агадырь, 15-16 августа 2015

* * *

Однажды в студеную зимнюю пору
И правда был сильный с метелью мороз.
Мы с другом Алехой вели разговоры -
До верхоянского наш не дорос.

Ну что за мороз, коль катаются дети
На санках и вовсе на сильных коньках?
Средь них были наши Володя и Петя,
Кого на своих мы растили руках.

Теперь им обоим минуло по десять,
Как ни крути, а все-таки лет,
Они снег и лед то прогладят, то месят,
Поскольку катка в нашем городе нет.

Нет, говорят, и, наверно, не будет,
Поскольку для этого башли нужны.
Но кто такой смелый и где их добудет,
И просто подарит на нужды страны?

А власти поселка на бедность ссылаются
Их на сегодня худого бюджета,
Если тенге как-то вдруг появляются,
Поселок их делит на жизнь и сюжеты.

Первый из них — водяная проблема,
Людам она для полива нужна.
Власти в ней видят седую дилемму:
Где же она, этой влаги волна?

А после воды что-то с мусором деется,
Его убирать ЖКХ не хотят,
Они нажильцов, на их транспорт надеются,
А народ коллективно ЖКХ тот смешат.

Для чего вы в поселке и в миру существуете,
И за что государство вам платит зарплату?
Нахабой в стране вы народу не будете,
Потому и катитесь до дому, до хаты.

Агадырь, 11 августа 2015 г.

* * *

Ах, как хочется душе возвратиться в детство,
Когда была училка и мои друзья,
А жизнь так дарила свободу и кокетство,
Поскольку все считались единая семья.

Ну как не быть семьей, когда война гремела,
Когда у всех отцы сражались по войне?
Правда, в наш аул война не долетела,
Посколь она плутала в далекой стороне.

Войне до Акмолы было не добраться,
Солдаты Красной Армии их гнали по Днепру,
Фашистам оставалось только кувыряться
И по своим же трупам ползти в свою страну.

А училка в классе нам громко говорила:
«Дети, наши армии вдоль Одера идут,
Сегодня обладаем мы необъятной силой,
А это значит, Гитлеру уже пришел капут».

Что это такое мы, дети, уже знали,
И знали, что капут приходит и войне,
А взрослые с трибуны в ауле обещали -
Война-таки закончится совсем в другой стране.

Так вот и случилось: Германия свалилась,
Ее толкнули в спину советские солдаты,

Что она искала, то просто испарилось,
Потеряла больше, чем в кубе и квадрате.

А День Победы вскорости тутже наступил,
Ах, как же наш аул плясал и веселился!
На грань Победы каждый немало положил,
А значит, победителем и он в стране явился.

Ну, а победителей не бранят, не судят,
Напротив, перед ними голову склоняют,
Л юди и эпоха их помнить всегда будут,
Потомки же и вовсе их вечно поминают.

Память же извечно служила человеку,
А коль он помнит время и его людей,
То будет означать — он в своей эпохе,
Какая была в прошлом, а теперь везде.

Агадырь, 13 августа 2015 г.

О ЖИЗНИ И ПРОЧЕМ

Май уже гуляет по земной планете,
Согревая землю, душу и мечты,
Во дворе все больше веселятся дети,
Предвестники надежды, свершений и мечты.

Тут уже и Пасха к людям подросла,
Связь живая с Богом не оборвалась,
Она в веках жила, чего так не хотела
При сталинском правлении страны мирская власть.

А потому взрывались сокровища России —
Церкви стародавние и божии дворцы,
Молящиеся люди в голос голосили,
Ведь строили то предки — России праотцы.

Церкви и моление - то явное растление
Душевной самобытности миллионов россиян,
А от вождя так шло повсюду повеление:
Церкви уничтожить, чтоб свет их не сиял.

И большевики с отеческой заботой
Взрывали что построено триста лет назад,
Шли они на дело, как на свою работу,
К тому же получая и денежный оклад.

Что ни странно, не нашлось в России большевистской
Из сотен миллионов умной головы,
Какая бы сказала: живите по-советски,
Но рушите великое, богатыри не вы!

Однако не нашлось отчаянных героев,
Какие бы проклинали сталинизм в крови,
Разъединявший братьев и сестер в покое,
Лишая их к Отечеству преданной любви.

Большевики не проклинали эпоху сталинизма,
Вождю всегда послушные, как малое дитя,
Они и при Хрущеве строили коммунизм
На серьезе полном, как журавли летят.

Нет, надо чтоб история проклала эпоху,
Когда взрывались церкви и всюду мнился враг,
И послевоенные в стране переполохи,
Когда солдат из плена попадал в ГУЛАГ.

Не забыть нам время, Октябрем рожденное,
Сталинско-хрущевско-брежневской поры,
Нынче их правление, народом осужденное,
Должно улетучиться лишь в тартарары.

Октябрь 2015 г.

ДЕЛА БАННЫЕ

Большой стандартной бани в моем поселке нет,
Народ стаким безумием по-своему смирился,
Чтобы не казать немывтый свой портрет,
Он все-таки в каких-то водах все же мылся.

Частных бань в поселке хоть метлой мети,
В собственных домишках и вдомах этажных,
Приблудному ж народу некуда идти,
Прибывших для дел не собственных, но важных.

Властям же эта баня, что зайцу вытрезвитель,
А мартышке азбука с яркими картинками,
По вопросу бани власть, что усмиритель,
Ведь баня в каждом доме за пестрыми калитками.

Так вот и жизнь и катится, мытая с немывтой:
Своим в поселке — мытые, чужие — как кому,
Баннный наш вопрос и нынче, но не забытый,
Однако, жизньвидит, ненужный никому.

Власти так ссылаются наденежные крохи,
А построить баню — нужен миллион,
Наскрести который способны скоморохи,
Так и остается недоступен он.

Так вот жизнь и катится в нашенском поселке,
Есть в поселке школа, а вот бани нет,
Залетают даже с визитом перепелки,
А банная проблема свой хранит секрет.

Что ж, такой пассаж нынче в нашем духе,
На дела людские мы слишком не спешим,
Мы крышу дать не можем старику-старухе,
Хоть сами на перинах в горницах лежим.

Октябрь 2015 г.

ТОРГОВЫЕ СТРАДАНИЯ

Хотелось б как-то грушею врезать в глаз врагу
И выразить ему обиду и презренье:
Я каждую теньгушку у сердца берегу,
А он меня вгоняет в разрыв и в разоренье.

Пусть у него изысканный и лихой товар,
Доставленный с тропического солнечного юга,
Но так себе по-хамски наварить навар
Может лишь отъявленный ворюга и хапуга.

Сколько стоит слива? Здесь рвет до пятисот,
Ну, а помидоры цепляются за триста,
И все ж их покупает северный народ,
Закладывая даже серьги и монисто.

Ну, а полосатый — не зебра, а арбуз,
Так любящий шумливую базарную толкучку,
С пахнущими дынями — самый ценный груз,
Так они съедают всю пенсию с получкой.

Полакомиться хочется и чертовым лимоном:
Целых сто за штуку — и гуляй, дружок!
Клубнички захотелось? Так она ж походом
Тебя оставит голым за медный котелок.

Пошел глазами шарить по полкам магазинов,
Наткнулся и на нашу чудо-колбасу.
Нет, «Деликатесную» я в своей корзине
Нынче точно до дому жене не принесу.

Присмотрелся к «Докторской» — истинно кусается,
Где-то потянула на тысячу пятьсот.
Нет, на нее пусть лучше Рокфеллеры бросаются,
А я по-стариковски себе закрою рот.

Неужто жизнь сегодня ударит и по хлебу
И цена взлетит до самых небес?
Под рыночным живем мы нынче черным небом,
Какое породил не иначе как СНГэвский бес.

* * *

Скорчившись в бессоннице, листаю и читаю
Нынешний апрельский в своей красе «Простор»,
По привычке прежде стихи все выбираю
И с ними начинаю свой мнимый разговор.

Ах, какая прелесть пародии Серкова,
Втиснутых в сундук с названием «Чудеса»,
Где Нашлось местечко для Павла Косякова
Со «Святыми снами», какие пьет роса.

А я так выпиваю Клебанова Валерия,
Калюжную Елену с Татьяной Соколовой,
Виктора Домбровского с агадырской верой,
Что «Простор» заметит в глубинке и Слепцова.

Он тоже, между прочим, березовые книжки
С верой и надеждой листает до утра,
А в день на них бросаются даже ребятишки
С продвинутыми криками и возгласом: «Ура!»

Как тут ни крути, а апрель, прогретый
Временем и солнцем, вальс танцует свой,
Сегодня он Клебановым в голубизну одетый,
Отчего чертовски стал чисто голубей.

Я же ждал в апреле звучание гармонии —
У нее весною горячей лады.
Не дождался. С внуками наглотаившись «мони»,
Я к «Простору» все же проторил следы.

Пусть там люди дышат миром и довольством,
Прославляя слово, стихи и наши сны,
Доставляя людям от чтенья удовольствие,
Как и от всего, чем нынче мы сильны,

Нынче с нами наша Независимость святая,
Дружба наша крепкая, ее большой полет,
Трудности по жизни все мы низвергаем —
Казахстан уверенно к счастью идет.

Агадырь, апрель 2013 г.

...

Просыпаюсь я у загрузивших сосен,
Тут же умываюсь зарею и росой,
В утренний костер сухую ветку бросил
И потраве зеленой прошагал босой.

Есть у нас в такие уголки святые,
Какие я когда-то в Медео наблюдал,

В Каркаралинске тоже рассветы голубые,
Какими упивался и даже рисовал.

Век коммунистический дарил мне Боровое,
Где по турпутевке я время проводил,
Вспоминал и Зеренду, и что-то дорогое,
Что и Агадырь мой мне в жизни подарил.

А подарил он милую и добрую мне женку,
С какой живем мы вместе полста пять годков,
Когда-то в своем дворике имели коровенку,
Какую нынче помнить лишь встихах готов.

Она хоть и безрогая, а «монею» поила,
Поила нас с женою и наших сыновей,
Каждый год теляток нам по весне телила
И жила коровьей жизнью своей.

А когда закончилась хрущевская эпоха,
Коровенку приняло совхозное сельпо,
Без какой и правда стало просто плохо —
По утрам нам «моню» не предлагал никто.

Дети стали взрослыми, по свету разбежались,
А со старухой нам без «мони» хоть по-волчьи вой,
Кто держал коровку, к тем и обращались,
Но те лишь в безысходности качали головой.

Нынче степь сухая, не шумит травой,
Отчего скотинка просто голодна,
Где-то ее кормишь картошкою живою,
Но в ведерке «моня» в бинокль лишь видна.

Так вот жизнь старая без молока и катится,
А в сельмаге говорят: скоро все наладится,

Будет вам и «моня», и сыр, и колбаса,
Ну и впрямь наступят в жизни чудеса.

Хрущев ушел со сцены, а чудес не стало,
А там и целина тихонько померла,
Без целины не стало в достатке мяса, сала,
Но страна своим путем по жизни все же шла.

Зайди сегодня в магазины: молока — залейся,
Мясо, сало, колбаса — хоть ковшом гребь,
Время наступило, лишняя страну надейся,
Трудись в ней по-стахановски, люби и не груби.

Она ж тебе воздаст свободой и богатством,
Она вселит тебя в новые квартиры,
Кольты будешь дорожить дружбою и братством
И для жизни выбирать достойнейших кумиров.

Жизнь от тебя лишь требует одно —
Быть с народом вместе и любить свой край,
Это твоей родиной и судьбой дано,
Об этом говорит и наш победный Май.

День Победы обязал нас быть всегда на людях,
С ними быть лишь в дружбе, быть и в их беде,
Люди в своей жизни дружбу не осудят
И будут ее кликать попутно и везде.

Нынче век таков, что надо быть всем вместе
В дружбе и в работе, в мыслях и в мечтах,
За дружеским застольем и в хорошей песне,
В коллективных радостях по всех живых делах.

Наш Президент наметил мегапроект великий —
Сто шагов к победе всей страны и нации,

Эти сто к победе будут многоликими,
Мы изведем из жизни лень и деградацию.

Мы будем жить по принципу трех великих «П» -
Патриотизм, Преданность и Профессионализм,
Идти по жизни будем мы по большой тропе,
Мы изживем в своей стране любой негативизм.

Такого слова в русском языке на сегодня нет,
А надо бы придумать и в обиход ввести,
Об этом часто молвят писатель и поэт,
Я его придумал и крест готов нести.

Агадырь, 28 июля 2015 г.

СРЕДНИЙ РОД

Со средним родом человек отродясь не знался,
А зачем и впрямь ему этот самый род,
Какой его не холодил, не жег и не кусался
И не говорил, что ты маньяк, а то и весь урод?

Конечно, в школьных классах о родах судачили,
К среднему мужской и женский прибавляли,
Роды и после школы нам ничего не значили,
Мы просто где-то в шутку друг друга забавляли.

Певичку в нашем хоре зовем Киркор Филиппов,
А певца и вовсе Бабкиной Надеждой,
Эти имена в шутку к ним прилипли,
Они не обижаются, не кличут нас невеждой.

А знатоки про средний род прочли нам даже лекцию,
Какая нам, бывалым, а дала понять,

Что средний род несет в себе даже полотенце,
Какое свое имя просит не склонять.

А все как иногда он рушником зовется
И по синтаксису род мужской несет,
Рушник, как полотенце, тоже где-то рвется,
Однако вытирает нам лоб, лицо и рот.

Ладно, полотенце в среднем роде катится,
Ну, а взять желание, сердце и мгновение?
Они никак не катят ни под какую матрицу
И будут в человеке жить в разных поколениях.

Желание, мгновение и счастье — это чувства,
Все они, как надо, средний род несут,
Чувство, счастье — в *среднем* и в своем искусстве
И тоже претендуют на человеческий суд.

А сердце тоже крутится в нашем среднем роде,
Ему так человечество должно всегда молиться,
Оно живет извечно в животных и в народе
И должно главным родом на земле явиться.

А все как сердце дарит любому человеку,
Дарит жизнь на земле животным и народам,
Оно всегда живое от века и до века
И не подчинено никакому роду.

Агадырь, 5 июля 2015 г.

* * *

Чтоб мои стихи хоть где-то появились,
Я чужим редакциям в поклоне помолюсь,
Мои стихи для них и нынче закружились,
Как поступят с ними — думать не берусь.

Поэт я все-таки только лишь по званию,
Мне никогда Есениным и Блоком не бывать,
Оттого как муза — не мое призвание,
С ней мне не придется жить да поживать.

А все как я поэтом все же не родился,
Хотя я всю поэзию душой моей люблю,
Дружить с пером однако я все-таки решился,
Хотя свои стихи никак я не хожу.

Оттого в большом миру они не появляются,
Они не появляются и в самом малом свете,
А все как мои мысли с жизнью не общаются,
Почему назвать себя и не могу поэтом.

Какой я есть поэт, коль не общаюсь с небом
И ни с одним поэтом родного Казахстана?
Я ни в одной редакции в своей жизни не был,
И как там с нашим братом, и теперь не знаю.

Вот какая-то АСЛК в Костане есть,
Она братву, что пишет, объединяет в области,
Пишущая братия и отдает ей честь,
Хотя она находится в своей цветущей молодости.

Не слушал, чтобы нечто нашлось в Караганде,
Хотя она поэтами вовсе не страдает.
Коль нет в Караганде — не может быть нигде,
Так эту ситуацию поэты понимают.

Карагандинцы ж у себя могут все решить,
Ну, а мне, пещерному, куда в стране податься?
Мои стихи мне могут в гроб лишь положить,
Поскольку они полнились своею деградацией.

Воттакие мысли возникли у меня,
Когда я прочитал эссе Надежды-свет Черновой,
По правде, без стихов я не живу и дня,
Хотя ко мне редакции по-прежнему суровы.

Они меня нетискали ни в прошлом, ни теперь,
Агадырца вообще они не ведают, не знают,
Так я и живу, как заплутавший зверь,
Какой пробиться клюдям все-таки желает.

Мне пробиться к ним тоже страх как хочется,
А все как со етихами я испокон дружу,
Какие по редакциям не меньше как волочатся,
Оттого в печати их я в жисть не нахожу.

А все как в них редакции не находят Пушкина,
Не находятдаже Есенина и Блока,
Мои стихи по еути небу не послушны
И вообще от жизни и от людей далеки.

А такая слабость в печати жить не может,
Так думают в редакциях, так думаю и я,
Такая мысль и нынче меня всего корежит,
Оттого меня не знают в моих степных краях.

Не знает Агадырь и Караганда не знает,
Подавно знать не знают Алматы и Астана,
«Простор» и «Нива» все же агадырца привлекают,
Коль в них я появлюсь — узнает вся страна.

Казахстан узнает, что в ряду поэтов
Какой-то новоявленный в свет появился,
Который ударяется в природу — в осень, в лето,
А другой тематике он просто не учился.

Ему о жизни тоже удастся ладить,
Но все его старания в нем же и живут.
Он хотел бы связи с журналами отладить,
Но, видать, напрасен его душевный труд.

Журналы в свет пускают талантливую братию,
Сродни бывалым Пушкину, Есенину да Блоку,
Меня ж к себе журналы отродясь не сватали,
Потому и остаюсь у них безвестным и далеким.

Доколь сие продлится - свет того не знает,
Ну, а мне как автору и вовсе не положено,
Меня к себе журналы на выстрел не допускают,
Их прихоть в этом плане на жизнь мою помножена.
Для редакций я поэт не больше как по званию,
А жизнь рождает всех поэтов только по призванию.

Агадырь, 5-6 августа 2015 г.

ДУМЫ, ДУМЫ...

Надо бы тебе, поэт, с собою разобраться:
Где себя ты столько лет хранил,
Когда впервые, кажется, лет в двадцать
Ты свой первый стих внезапно сотворил?

А после, как Пушкин, с осенью братался,
Ее красу любовно, как песню, воспевал,
Ее листвой метущейся, как златом, любовался,
Осенний дух поэтом любовно выпивал.

Бывало, ты и кланялся природе возрожденья,
Зеленоокой молодой весне,
Какая посылала любовь и вдохновенье
Всем поэтам в мире, в Жалтыре — тебе.

А к стихам ты нехотя, походом пристрасился,
Чужих же ты поэтов так боготворил,
Делу стихотворства у них же и учился,
А свои куда-то подальше хоронил.

Ты не видел в них для души свечение,
В них опять не зрел же отраду для людей,
Не находил душевного простого увлеченья
Ни в житейских радостях, ни в доблестном труде.

А потом работа и вовсе закружила
На целый сороковник агадырских лет,
С поэзией в те сорок вовсе не дружил я
И вовсе не считал себя, что я есть поэт.

Но мне хотелось быть, хотя б на побегушках,
В «Просторе» или в «Ниве» в свету да на виду,
Стих для них я сделаю душою, не игрушкой,
Душу же в стихах я все-таки найду.

И все же свет и вид со мною приключились,
Поэзия — бесспорно, это Божий дар,
Мои стихи отдельной книжкой появились,
Я истинно лечебный получил загар.

Говорят, надежда последней умирает,
Я на авось надеялся, надеюсь и теперь,
Птицу счастья случай выбирает,
Вдруг «Классик» и сегодня мне откроет дверь?

14 октября 2015 г.

ГАЗЕТЕ «ИНДУСТРИАЛЬНАЯ КАРАГАНДА»

Открываю форточку и люблюсь ветками,
Зеленою травой, голубями, галками,
После опускаюсь на лестничную клетку
И беру из ящика свою «Индустриалку».

Постоянно жду ее, как фату невеста,
Как колос долгожданного огня,
Как у хозяйки праздничное тесто,
Ждущее заботы и огня.

Я ищу в газете признанный «Дар слова»,
Жаль, что он газете редко появляется,
Стихотворцев дух в области здоровый,
Он даже и меня в Агадыре касается.

Все страницы жадно в газете поглощая,
Радуюсь их новостям, вкусу и души,
Ими я себя, как гостя, угощаю,
Себя ж и заставляю: не ленись, пиши!
Пиши в газету вещи и душой, и сердцем,
Радуй агадырцев, оно теперь и с перцем
Не обманет нынче даже стариков.

Коль правда в нем и чувственная память,
Невзгоды жизни и наша злоба дня,
Когда приходится иногда и плакать,
Жизнь свою и белый свет кляня.

Без «Индустриалки» живу я без дыхания,
Она и впрямь продляет жизнь моей души,
«Индустриалка» движет мои воспоминанья,
Какие я готов с читателем прожить.

С «Индустриалкой», други, я правда молодею,
Завидую, кто с нею много лет дружил,
Ей я поклоняюсь, как волшебной фее,
Как женщине, какую впервые полюбил.

Ах, зачем возвышенно? Она — моя газета,
Всех краев шахтерской рабочей стороны,
Где я могу друзьям посылать приветы
И знать о жизни мира и своей страны.

Можно, между прочим, сдрузьями пообщаться,
Иногда поэтикой душу отвести,
К негативам жизни безтени обращаться,
Чтобы людям правду со страниц нести.

Мой шахтерский край мною обживался,
Он как-то меня пестовал и впитывал в себя,
Ему с Агадырем верным я остался,
Их обнимая сердцем и искренне любя.

Хотелось, чтоб о них сочинялась песня,
Как, скажем, о Донбассе позапрошлых лет,
Нынче же Донбасс сей пустошью разверстан,
В нем прежней красоты и приветствий нет.

Абыло, о нем пели всякое хорошее,
Чего услышать нынче просто мудрено,
Тогда и впрямь черемуха не вся в окошко брошена
И светились лица от счастья, как в кино.

Ах, надо бы писать «Индустриалке» оды,
Все-таки ей восемьдесят карагандинских лет,
Она всегда на стремени с подписным народом,
Какой с любой подпиской шлет ей свой привет.

А все как он готов видеть на страницах
Правду о шахтерах, о людях, о себе,
Да за это стоит газете поклониться,
Какая и сама поклонится тебе.

Коли у тебя известность и заслуги
И ты всегда при деле и среди людей,
Готовый быть для каждого товарищем и другом,
Какой бы в твоём крае цвел и молодец.

Газета так приветствует рабкоровских братишек
За их вторжение в наше лихое бытие,
Они не признают безмолвия с затишьем,
Их всегда волнует людское житие,

В каком бывают злость, вражда и нетерпенье,
В нём Насреддин отсутствует, его душа и ум,
Что в целом говорит о нашем неумении
Устранять по жизни пустопорожний шум.

Пусть славен будет век — век «Индустриалки»
С её многотиражем, известностью её,
Жизнь у газетчиков далеко не сладкая,
И все ж они продляют газеты житие.

Агадырь

ДУМЫ О ПРОШЛОМ

Ляжу на свой поселок тихий и немый,
По улицам блуждаю, а то иду в гараж,
Поселок больше небу и гостям открытый,
К тому же, он и юности моей забытой страж.

Здесь я сделал в школу первый шаг и ходку,
Тогда же и науку со всеми постигал,
Здесь же и впервые я побрил бородку,
Когда впервой к девчонке тихо пошагал.

Здесь же и впервые и мой стих родился,
В целом неожиданный, незванный и пустой,
Который не иначе к той девушке стремился,
Для меня царице в юбочночке простой.

Такой же, как и я — простой и угловатой,
В старенькой юбчонке, но нового пошива,
Себя ж ощущал в чем-то виноватым,
А ее счастливой и во всем правдивой.

Глаза у нас при встрече вовсе не светились,
И руки наши тоже вовсе не сплелись,
А погулявши, тихо и мирно распростились,
В душе себя ругая, чувственность и жизнь.

А жизнь-таки, однако, миру улыбалась,
А тут поспели аттестат, взросление, целина...
Кому-то что-то в жизни судьбой и воздавалось,
А кто-то просыпался от детства и отсна.

А ребятню, как водится, забрали военкоматы,
Девчонки ж выбирали и судьбу, и путь,
Парни так ушли на службу во солдаты,
Ну, а девчонки щупали свой путь и институт.

А я так, между прочим, на целину подался,
Посколь она Хрущевым манила и звала,
Я на ней прилежным и видным оказался,
Мне ж она путевку в жизнь и дала.

Адальше жизнь катилась с работой и учебой,
После всей учебки — вечный Агадырь,
Где я живу и ныне, уж точно не на пробу,
Который остается мой вечный поводырь.

Так, видно, жизнь вся мной распорядилась,
Что Агадырь меня затуркал и заупрямил в плен,
И все же не хотелось, чтоб жизнь закрутилась
И я бы с ней возился, как древний Диоген.

Известно, он держался лично аскетизма,
Который даже бочку для жизни приобрел,
Но не того, видать, я в жизни героизма,
Поскольжил неизвестным, жил и поседел.

Жил в просторных комнатах с солнцем и водою,
А аскетизм Диогена был мне ни к чему,
Видно, так начертано было мне судьбою
Нести мою надежду и мою судьбу.

Вот почему о прошлом нимало не жалею,
Что жизнью примечалось, я получил сполна,
Дыханием своим свои книжки грею,
Чего понять не может Гульчатай-жена.

На старости сегодня свои стихи листаю,
Какие в дерзновенной юности творил,
В одних я свою жизнь с природой примеряю,
В других о первых чувствах и дружбе говорил.

Сегодня мне о прошлом вспоминать не хочется,
Были чувства жаркие и первая любовь,
Нынче о них память не плывет — волочится
И никак не греет старческую кровь.

А все-таки хотелось бы помнить делину,
Да и все, что было в старые года,
Когда я был мальчонкой в прошлую войну,
Но не писал о том ни в прошлом, никогда.

О прошлом же на старости я все же вспоминаю,
Есть там что-то детское, с надеждой и мечтой,
Жизнь уж прожита, я с нею не играю —
Она ведь не бывает легкой и простой...

О ЖИЗНИ

Вчера мы с Гульчатай моей
Крепко поругались
Из-за того, что вновь я
Взялся за стихи:
«В редакции от прежних
Твоих не разобрались,
Поскольку в них до неба
Всякой чепухи.

Посуди, друг Сегизбай:
Ты пишешь о деревне...
Ну кому потребно
Твое Кургальджино?
Ты в тех краях родился,
Им остался верный,
Какое для читателя,
Что прошлое кино.

Редакции и вовсе
Это понимают,

На простоте читателя
Сейчас не провести,
Свой престиж читатели
Хранят и почитают,
У них к писакам жизни
Есть свои пути.

Читатели сегодня —
Истинно Белинские,
Их ни на какой мякине
Враз не проведешь,
Они к любым писателям
И поэтам близкие,
Они всегда раскусят,
Каким пером живешь.

Ну что ты растелился
О былом паслене,
Разве ты один его
Пацанвой едал?
В годы те военные
Волей иль неволей
Он что-нибудь хотел куснуть
И то в степи искал.

Были это бузлики
И паслен чернявый,
Шавель и какая-то
Резная рогоза.
Паслен так вообще
Был даже хлебу равный,
Его срывали руки,
Искали же глаза.

Ну, а что ты, Абдрахман,
Наделал с наваждением?
Наваждение же то
Какой-то злой урок,
А ты его подсунул
Себе на умиление,
Как будто от него
Какой-то будет прок.

Ну, а что ты плел
О нынешнем и прошлом,
О тех, кто вдруг решился
Тебя впустить в журнал?
Благодаря тем людям
В мируты появился,
До них былой читатель
Тебя никак не знал.

Конечно, все же я
Признательна «Простору»
Восьмому и девятому
За добрый год седьмой.
В поселке после этого
Зачались разговоры,
И даже нашлись люди,
Что шли к тебе домой.

О чем ты убеждал их —
Я того не знаю,
Но «Душевной повестью»
Ты их не убедил.
Бесплатное лечение
С ученьем вспоминаем,
К каким податься нынче
У нас пока нет сил.

Бесплатное лечение
С ученьем — наша вежа,
Возвратиться к ней сегодня?
Сегодня мы не те,
СНГ сегодня не меньше как утеха,
Какой идет он ощупью,
Как будто в темноте.

Конечно, выживают все,
Как им заблагорассудится,
Украина так в своей стране,
Ведет свою войну,
Планы Украины
Нынче врядли сбудутся,
Какая крепко губит
Людей и всю страну.

У Казахстана же своя
Твердая позиция,
Он сто шагов наметил
Для страны и нации,
Он не держит на замке
Своей страны границы,
Он идет по миру
В своей гордой грации.

А все как казахстанцы —
Наследники Абая,
Который только счастья
Своей стране желал,
Казахстанцы это
Сердцем принимают,
Заповедям верные,
Что он стране давал.

МОЙ КЛЕН

Первый снег пушистый
Белым лег ковром,
Прежде клен душистый
Покрылся серебром.

Прежде он и радовал
Раскидистой листвою
И помечтать заманивал
Налавочке пустой.

В летнее заутренье,
Как и в знойный час,
Клен в задумье внутреннем
Манил к себе и нас.

Так вот и сидим мы
С женой поддивным кленом
И на дивный мир глядим
Где с грустью, где с поклоном.

Век наш пенсионный
Идет в своем уюте,
И все же человек
Мечтает о приюте,

О своем жилище кровном
С шумной ребятнею,
Где живется ровно
С красавицей-женою.

Мы с моею Гульчатай
Все это пережили,

Любя свой агадырский край,
Покой, что заслужили.

В покое том своя судьба
И пенсионное довольство,
Корзина, полная до дна
Житейским продовольствием.

Теперь гляжу на снежный клен,
Его я в детстве саживал,
Он под звездой был рожден,
Под ним я горе сглаживал.

Под ним рождались стихи,
Под ним цвели мы и сидели,
Под ним замаливал грехи,
Под ним и волосы седали.

Под ним в бывалый летний день
Я развлекался с внуками,
Уйти отсюда было лень,
Как им расстаться с куклами.

Моим внучатам дорогим,
Какие сами нынче тети,
Мы с кленом кланяемся им
И ждем к себе их в каждом лете.

Ждали мы их в год Змеи,
Ждали — недождались,
У них желания свои,
Они им поклонялись.

Одну тянуло в Таиланд,
Другую — аж в Корею,

Дед и этому был бы рад,
Перечить он никак не смеет.

Теперь вот выпал первый снег,
И мы с кленом загрустили.
Ах, как короток жизни бег,
Ведь мы как будто и не жили...

Так много в жизни волшебства
И летних голубых рассветов,
Рождающих свои слова,
Какие тянутся в куплеты.

Первый снег — пока герой,
Ему мы с кленом подчинились,
Солнце — тоже за горой,
В холодный космос закатилось.

Но ведь придет весна-красна,
И снег с печалью, но растает,
И мы дождемся, что она
Нас с кленом все-таки заставит.

Клену — зеленью зацвести,
Мне — так любоваться кленом,
Под его кроною засесть
И зреть себя в саду зеленом.

А клен мне шепчет лишь свое,
Может, и заветное
Про свое житье-бытье,
Где-то неприметное.

Может, хочет он любви,
Как у человека?

Но не скажет: «Позови
Березку мне от века...»

Он и правда расцветал
И любовался нами,
Когда я с внуками играл,
Их забавлялся снами.

Теперь, когда ушли года,
Мы с кленом только двое
И лишь жалеем иногда,
Что мы с ним не герои.

Я жалею потому,
Что уходит лето,
И я неведом никому
Несостоявшимся поэтом.

Мир не знает, что я есть,
Что я поэт, пусть и неполный,
Что у поэта своя честь,
Какой он дышит ровно.

И все же я поэт земли,
Земли карагандинской,
Стихи меня не возвели,
А посадили низко.

Видно, в том судьба моя —
Быть неведомым поэтом.
Стихами все ж люблюсь я
И признаюсь печатно в этом.

Видно, в том судьба моя —
Быть невидимой песчинкой.

Как говорит моя семья:
«Не гореть тебе лучинкой».

Ну, а коли не гореть,
То и не светить в пространство.
В редакциях мне скажут: «Нет!
Стих не твое, Слепцов, убранство».

Поэт — кто любит белый свет
И не знает жизнь иную,
Для него дороже нет,
Как видеть жизнь людей земную.

В этой жизни я и вы,
Наш народ и наши дети
Не опустим головы,
Коль чего-то нет на свете.

Нет известности в миру,
Нет своих хороших книжек,
Без них я точно не помру,
Без них и в старости я выжил.

Может быть, пройдут года,
Племя новое родится,
Оно построит города
И старым строчкам удивится.

И скажет про себя и вслух:
«Были ж люди боевые,
У каких был сильный дух,
Рождавший строки огневые!

Они же строились в стихи,
Какие миру не служили,

В них было много чепухи,
Отчего они не жили».

Но это мысли мудрецов
Далеких, близких, местных,
Какие говорят: Слепцов
Вряд ли будет всем известен.

Известность, правда, за талант,
За книгу добрую дается,
А у меня какой талант?
Мир, может, только рассмеется.

Талант, кто выдал «Смерь поэта»,
Да и Теркина Василия,
У них в душе свои секреты,
Смелые и сильные.

Человек у них на первом плане,
Его жизнь и его чувства,
Его душевные желанья,
Поклоны книгам и искусству.

Вот когда случится это,
Может, мир тогда узнает,
Что я все же был поэтом,
Какой и нынче проживает

В своем родном Агадыре,
В своей двухкомнатной квартирке,
Где время отдано игре,
Стихам, баяну, даже стирке.

Они мой пенсионный век
Все же крепко согревают,

Мне не жаль, что человек
Поэта в Агадыре не знает.

Но знают все-таки друзья,
А это тоже свое счастье,
Чему подвержен нынче я,
Обласканный чужим участием.

А первый снег не холодит
Ни клена голого, ни душу,
Клен со мной не говорит,
И я его покой не рушу.

Но все-таки придет весна,
И мы с кленом возродимся,
Увидев, как она красна,
Как свет красе той удивится.

Весна придет, клен зацветет,
И я прикроюсь его кроной,
И, может, клен мне принесет
Стихов задумок самый новый.

Под его кроной я рождал
И «Паслен», и все другое,
И, конечно, ожидал
Выдать нечто дорогое.

Но такое не пришло,
Посколь мне стукнула восьмерка,
Что приходило, то ушло
На жизненну мою галерку.

А с кленом я не расстаюсь,
Он мне даже что-то шепчет:

«Я даже шире развернусь,
Ты будь по жизни еще крепче.

Ты не ложи свое перо,
Будь в моей кроне откровенней,
Нам жизнью многое дано,
Хватай у жизни все мгновенья.

Она-таки отдаст свое
И, может, вдруг отблагодарит
За то, что ты житье-бытье
Отметил, как былой пиит.

Ну и отметишь где-нибудь,
Что ты стихи рождал у клена,
Какой сворачивал твой путь
Туда, где все у жизни ново.

Ново в жизни и в стране,
В стране великого Абая,
Ты «рахмет» шепнешь и мне,
За что тебя и обнимаю».

Все так на деле и произошло,
Теперь мы вместе с моим кленом,
Лето красное ушло,
Но клен пока еще зеленый.

Я с ним беседую в тиши
И в свои планы посвящаю,
А он твердит одно: «Пиши!
Ты это можешь, я это знаю».

Его приказ исполнил я,
Стих свой называя «Кленом»,

Теперь мы с ним одна семья,
Встречаем каждого с поклоном.

Я только к клену подхожу,
Он качает небо кроной,
Я и этим дорожу,
Рождая стих под кроной новый.

Агадырь, 2-3 августа 2015 г.

ЧТО ГОД ТЕКУЩИИ НАМ ГОТОВИТ?

Хозяйке наступившего нечетного, Козе,
Люди отчего-то, как Богу, доверяют,
кланяются жизни и своей судьбе
И от них не ниже как счастья ожидают.

Нынче наш нечетный гороскопом делится —
По природе человек свой гороскоп имеет,
Не для всех он в жизни ореолом светится,
Бывает, он морозит, а то и крепко греет.

Для Овнов год текущий — жизнепеременный,
Эти перемены звездами намечены,
У Овнов они сбудутся по звездам непременно
И будут по-хорошему судьбой очеловечены.

Тельцы в году пятнадцатом магически влияют
На активность творчества пишущей братвы,
Коза с Тельцами тихо по жизни почивает
И всегда уходит от недружеской молвы.

Детки у Тельцов красивые, но разные,
Малые так в школе по-своему шалят,
Они и на уроках расхристаны и грязные,
Не признают учителя, толкуются и шумят.

В целом же Коза с Тельцами в панибратстве,
Она их бережет от хвороб приبلудных,
К тому же, обещает нешумное богатство
И избавит в целом от друзей занудных.

Близнецам Коза готовит год насыщенный,
Будут перемены в жизни и в судьбе,
Близнецы узрят себя в обществе напыщенном,
И много позитивного они найдут в себе.

Раки по природе извечно домоседы,
Но в год Козы им ведано общаться и блистать,
Их безраздельно радовать будут даже деды
И своей Отчизны величие и стать.

Львам Коза готовит дороги и движение
По своей Отчизне, а то и на чужбину,
Их жизнь сохранит от всяких поражений
И не даст испытывать горькую судьбину.

У людей, кто Девы, начнутся перемены,
Будут они плыть по ровному течению,
Однако жить придется под властью богемы
И противостоять слепому увлечению.

У Весов и вовсе необычный год —
Перемены разные пожизни неизбежны,
Перемены эти принесут свой плод
С знакомствами, богатством и своей надеждой.

У Скорпионов сбудутся давние мечты:
Будут дом, работа и любовь забытая,
Они на сердце лягут не для красоты,
А чтоб все в жизни было свободно и открыто.

Стрельцы направят жизнь в желаемое русло,
Поскольку эти люди целеустремленные,
Они не допускают, чтоб сердце было пусто,
От того что жизнью стали закаленные.

Козерогам в год Козы грозит уединение
Для работы над собой и внутренним разладом,
Как у Толстого, в них войдет Святое Воскресение,
А больше им от жизни ничего не надо.

Для Водолеев год Козы — год переосмысления
Жизненных позиций и жизненных подсказок,
От них они не будут в небесном отдалении,
Почему и будет год Козы для Водолеев сладок.

Для Рыб судьба готовит новое течение,
Какое приведет к счастливым берегам,
Для чего придется отречься от влечения
И поклоняться больше людям и богам.

Итак, мы гороскоп прочли и рассмотрели,
В целом год Козы — он жизненно живой,
Не всем сулит он радость и соловьиные трели,
Кому-то надо думать и лично головой.

Думать, чтобы жизнь людям улыбалась,
Чтобы в доме счастье никак не иссякало,
Чтобы никакие беды к нам в хату не прокрались,
Чтоб добро и дружба брали с нас начало.

Ну, а гороскопу мы спасибо скажем
За то, что нашу жизнь он на год расписал,
Как будетто у каждого, жизнь и покажет...
А автору рахмет, что он о том сказал.

* * *

Из меня поэт, что из Плюшкина Лев Яшин,
Так мои друзьяки судят обо мне:
Ты в своих стихах, мол, слишком мелко пашешь,
Оттого твоих стихов не видно по стране.

Что я им скажу? Видать, они правы,
Мои стихи от века в свет не выходили,
Видать, стихи достойны лишь умной головы,
А в мою рабочую они не заходили.

Все ж пятнадцать лет я в дело слесарил,
Ну, а двадцать пять снабжению служил,
Все эти сорок лет я стихи не шарил,
Да и не один из них меня не находил.

А вот только нынче на «дембельском» покое
Муза просто начала донимать меня,
Часто просто держит на своем приколе,
Мое антистихотворство у себя храня.

Так мои стихи и трутся, где придется,
То на холодильнике, то просто на окне,
Женка, на них глядя, мне в глаза смеется
И говорит, что муза неподвластна мне.

«Чтоб писать стихи, родиться надо Пушкиным,
Хотя бы и Есениным, в ком русский дух живой,

Аты стихом играешь, как дитя с игрушкой,
Отчего не дружишь со стихотворной головой.

Оттого в твоих стихах нет ни души, ни сердца,
А коль нету сердца, значит, жизни нет,
Может, что в твоих стихах не хватает перца,
А без перца нынче не вырастет поэт.

Жизнь у нас сегодня не слишком медом мазана,
Онатогда естественна, когда слегка горчит,
Когда в своем убранстве обществу показана
И о невзгодах вовсе не молчит.

Вот такова, мой друг, писательства система,
Какую ты не слышишь, не чувствуешь, не знаешь,
А она достойна не менее поэмы,
Что ты черновиками своими подтверждаешь».

Агадырь

ЮБИЛЕЙ

Мы с моею женкой полста пять годочков,
Вот так вот взявшись за руки, по земле идем,
В первые годочки учились на заочке,
О чем сегодня помним каждый и вдвоем.

Заочка нам дала хорошую работу,
Которой мы отдали по сорок дивных лет,
Были в той работе успехи и заботы,
Какие-то заслуги, успех, авторитет.

Меня так часто вешали на доску почета,
А женке так вручали путевку на курорт.

Тогда, видать, впервые я и стал поэтом,
А за стихи супружница сварганила мне торт.

Так годы и бежали. Мы старались, но жили,
По-своему единство наше берегли,
Тем единством дивным мы с женкой дорожили
И в нашем общем сердце по жизни пронесли.

Пятьдесят с пятеркой мы с женкой моей вместе,
На «дембельском» покое так по двадцать лет,
Женка и на «дембеле» месит свое тесто,
За что я посвящаю ей новый свой куплет.

В вечерние часы позванивают дети,
Справляются о здравии и нашем житии,
По сути, мы для них милее всех на свете,
Таких, как мы, родителей им просто не найти.

А потому как жили мы в военную годину
И пронесли все ужасы, что война несла,
Война собой являла ужасную картину,
Но все ж она от смерти нас еще детьми спасла.

Ну, а дальше с женкой мы учились и мужали,
Конечно ж, в Казахстане по разным уголкам,
Друг о друге отродясь не ведали, не знали,
И только в двадцать встречи улыбнулись нам.

Посколь тебе уж двадцать, тут уж не теряйся,
Ктотебе понравился — влюбляйся и хватай,
После в своих действиях сам и разбирайся:
Твое ли это счастье и твой ли это край?

На деле ж получилось, счастье это — наше,
Край карагандинский — нам тоже для души,

Правда, наш поселок не сеет и не пашет,
Но люди в нем и правда, как боги, хороши.

В нем как раз и родились наши боги-дети,
А потом и дети у детей-богов,
Счастья другого быть не может в свете,
Как у наших агадырских светлых берегов.

15 января 2016 г.

ТАКОЕ БЫВАЕТ...

Поверьте, мужики, такое все ж бывает,
Но бывшей своей теще с тестем я молился,
Давно их нет на свете, но их не забываю,
У них я нашей жизни и любви учился.

В Агадыре трех дочек они на свет родили,
Но первого им сына все ж Господь послал,
Так в Агадыре они своих детей растили,
Где каждый свое счастье и себя искал.

Одна дочка с детками так обжила Алтай,
Две другие жизнь свою с Агадырем связали,
Им по сердцу тихий их агадырский край,
Где они девчушками со скалками скакали.

В Агадыре их дети и внуки народились,
Какие с дивным временем по свету разбрелись,
Мы с моею женкою тому не удивились,
Поскольку это все же и СНГ, и жизнь.

17 января 2016 г.

ДЕТСКОЕ

Много ль человеку в этой жизни надо?
Дом, семью, работу и кучу ребятишек,
Для каких ты ищешь йогурт с шоколадом,
А для первоклашек так уйму всяких книжек.

А потом так хочется рассказывать им сказки,
Какие бы сравнялись с нашим житием,
Когда мальчишки с горок ложатся на салазки
И катятся по снегу то вбок, то кувырком.

В том есть по жизни некое довольство и приволье,
Горка, снег, салазки, мальчишеский азарт,
Тут для детской психики удадь и раздолье,
Когда и собачонок тебе и друг, и брат.

Ну, а прочий мир — истинно как в сказке,
Солнце пригревает, лед гнется и скрипит,
Как скрипят изысканные детские салазки,
И душа как будто с небом говорит.

Помнится, и я мальчишкою катался
С горки в те далекие военные года,
Также падал с санок, в сугробе кувыркался
И, кажется, не злился и не плакал никогда.

А было отчего, когда слетала шапка,
Снег сыпался и в валенки, и за воротник,
Конечно, они были не меньше как подарком,
Но жизнь не обходилась без детства и без них,

17 января 2016 г.

ЗИМНИЕ СТРАДАНИЯ

Нынче я впервые на зиму разозлился:
Снегу всюду горы и в январе дожди!
На ледяной дорожке так грузовик разбился,
А пешеходам вовсе спасения не жди.

Тротуары скованы коркой ледяною,
Свернешь на часть проезжую — там вообще каток.
Пешеход так про себя: «Я не игрок с судьбою,
Зима пусть преподносит всем властям урок».

Пешеходы не идут, ползут по-черепаши,
Хошь не хошь, движение — это жизнь всему.
Его застопорило? Тут проблемы наши,
Какие только нам нужны, и больше никому.

Ледяную корку посыпать надо шлаком,
Его в поселке горы, дай транспорт и грузи!
Шлаку подсобить песок может с гаком,
Его тоже горы — бери да отвози.

Власти что-то делают: дороги посыпают,
Но не для пешеходов, а больше для машин,
А пешеход по-прежнему погоду проклиняет,
Жалея, что он на ноги не на денет шин.

17 января 2016 г.

МЫСЛИ О ЛИФТЕ

Не знаю, честно слово, как привыкают к лифту,
Меня к нему богатством и от Бога не заманишь,
Я лифты считаю неприглядным мифом,
Пред каким, бывало, свет белый забываешь.

Конечно, в городах без них не обойтись,
Ведь лифт — изобретение мысли человека,
Без лифта бы не была обновленной жизнь
И не было б высотного строительного века.

Не было б в миру гигантов поднебесных,
Как стодвухэтажный нью-йоркский небоскреб.
Теперь Эмпайр-стейт-билдинг не один известен —
«Останкинскому» чуду так равных нет и нет.

Меня так не заставишь жить в городских хоромах
И на лифте кататься днями сверху вниз,
Кто-то, может быть, проживать не промах,
На лифт я не сменяю свет агадырских лиц.

Светагадырских окон, улиц, переулков,
Зори агадырские и голубой рассвет,
Смятение водворах поросят да куриц,
Какие составляют заслугу и секрет.

Оттого лифтами не сманить всех нас,
А также всеми благами, водою и теплом,
В Агадыре, замечено, длиннее даже час
И радостнее время, которым мы живем.

Ах, как бы мне хотелось
Побрататься с кленом,
Пока он такой стройный
И такой зеленый.

Был такой же стройный
И в стране Есенина,
Когда поэт спокойно
Любовался зеленью,

Но я все же ведал
Дороги и тревоги
И, как пьяный сторож,
Не морозил ноги.

Любовался кроною,
Его силой стойкой,
Где под кроной с друзьями
Он справлял попойки.

Были дни такие
И в моей давней юности,
Когда мы молодые
Шли на все упругости.

Сегодня же с друзьями
Живу в новом веке,
Мы теперь другие
Борцы и человеки.

Мы живем устойчиво
С надеждой и победами,
Хотя и стали прочными,
Но седыми дедами.

Век наш пенсионный
Нас не отягчает,
Он жизнь неуклонно
Год в год обогащает.

Так что быть на пенсии
Вовсе не зазорно:
Мы даже со своею песнею
Идем вперед упорно.

23 января 2016 г.

О БЛИЗКОМ, О ЛИЧНОМ

Признаюсь откровенно:
Жить чертовски хочется,
А все как мной намечено
Пару книг издать,
Мысль эта с книжками
И теперь волочится,
Какого ей рожна — не знаю,
Надо взять иль дать.

Задумку в семь книжонок
Я-таки исполнил,
Осталась и последняя —
Я ею и живу!
Я об этих книжках
До сегодня помнил,
А теперь их просто
Вижу наяву.

Что в тех книгах будет?
Я не представляю,
Скорее, не иначе
Как о житье-бытье,
А может, и о том,
Как свет живет-гуляет
И жизнь свою тратит
На пиршество свое.

А может, что-то я
О жизни посмакую
И о том рожу
Повесть иль роман,

С этими мыслишками
Я и теперь ликую
И за словом лезу
В собственный карман.

Не в карман, конечно,
А в собственную жизнь,
Когда я пионером
И комсомольцем был,
Когда я с целиной дружил
И строил коммунизм,
И весь хрущевский хлебный век
Надеждами лишь жил.

А надежда та была —
Учиться и учиться,
А потом работать
От силы, не наскоком,
Начальник из меня
Не может получиться,
Посколь я всех начальников
Обходил лишь боком.

Мне больше по душе была
Рабочая профессия,
Как, скажем, у шахтера
Или того ж строителя,
На меня медали отродясь не весили,
Я был лишь работягой
С замашкой победителя.

Вот так пятнадцать лет
Я и прослесарничал,
Был где-то и в почете,
И на доске почета,

Сам себя на трудовые
Подвиги подначивал,
Но не для прославления
И ударничких учетов.

А просто по-другому
Трудиться я не мог,
Я любил работу
И отдавал ей душу,
Я себя в работе
Отдавал в залог,
А что там говорили —
Никого не слушал.

Друзья так говорили,
Что рвусь я в мастера,
А то и вообще
В наставника какого,
То, что жизнь давала мне
Вчера-позавчера,
Нынче не имеет
Значенья никакого.

Нынче пахарь ценится,
Как и в былые годы,
Но только за работу он
Здоровье отдает,
Завели когда-то ведь
Стахановскую моду,
А она продленья жизни
Трудыге не дает.

Правда, ну паши,
Ну упирайся рогом,

Работай до упаду
И прославляй свой цех,
И ты до смертельного
Дотянешься порога
Раньше, чем бывало
У друзей, у всех.

А жизнь нынче у людей
Так в стране устроена:
Никто не пашет через край,
Пот не проливает,
Она на новой технике
Сверх прочего утроена,
И пахарь эти нормы
Перевыполняет.

Вот такая нынче жисть,
Как говорили в древности,
Техника за человека
Все делает сама,
Ей мы отдаем
Дань любви и верности,
Зато она лишает нас
К своим делам ума.

Вот, наверное, о том
Я в книжках разболтаюсь,
Как читатель примет их —
Тут я лапки вверх.
Пока я с писаниною
Только разбираюсь...
Что их ожидает —
Потеря или успех?

Агадырь, 25 августа 2015 г.

О ПУШКИНЕ И ПРОЧИХ

Вот читаю Пушкина, Блока да Есенина
И себя кладу, зануда, в их широкий ряд.
Ачего? Я тоже люблюсь днем осенним
И так жеставляю стихи, как на парад.

Пушкина слова и нынче в людях живы,
Какой когда-то русскому народу говорил:
«Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы».

Разве не могу я, как далекий Пушкин,
Точно то же самое в белый свет сказать?
Ведь слово для Слепцова — тоже не игрушка,
Я его в душе купаю, как ребенка мать.

Чтоб оно сияло перед любым читателем
В каждой нужной строчке, в книжице любой,
Над этим бьются многие поэты и писатели,
То же происходит, наверно, и со мной.

Не знаю, как там Александру давалось удержаться
С «Онегиным», «Полтавой», с «Дубровским» на плаву,
Только мне за Пушкиным вовсе не угнаться,
Отчего стихами я лишь во сне живу.

А наяву живу я Есениным да Блоком,
Штудирую их вещи и думаю о том,
Как я от поэзии и от них далекий,
Гнать меня к ним нужно, как коня кнутом!

Может, после этого я что-то вразумею
И буду со стихами по-доброму дружить,
А без кнута, наверно, писать я не умею
И вообще не ведаю, как без него мне жить.

Агадырь, 11 августа 2015 г.

О ЖИЗНИ И О СЕБЕ

Вчера мы с телефоном не умолкали вместе —
Это меня славили извне и во дворе,
Такие люди проживают в Агадыре и в песне,
В Астане и на Алтае, и даже в Жалтыре.

А славили Слепцова за седьмую книжку,
Какая называется «Жизнь на ладони»,
Хоть я и дедуган, а к творчеству подвижки
У меня и нынче мчат, как на скачке кони.

Кто-то из звонивших мне тихо намекнул:
«Все-таки тебе, мой друг, исполнилась восьмерка,
Конечно же, с нулем, а это есть канун
Вовсе недалеко кладбищенской галерки».

Все-таки живем мы в техническую пору,
Когда ракеты, спутники свет белый бороздят,
Заводские трубы — тоже наше горе,
Они ведь на планете испокон дымят.

Ну, а мы чем дышим? Конечно, той же дымкой,
Только лишь в какой-то малой концентрации,
Жизнь землян, однако, не бывает пылкой,
Она у человека ждет своих новаций.

Прежде надо, чтоб тот крепко очищался
И в космосе сливался бы с небесной синевой,
А лучше, чтобы уголек газом заменялся,
А то и электричеством с его живой волной.

Что-то в этом роде в моей светилося книжке,
Ну и биографические я затронул строки,
Рассказал, как я в войну был немощным мальчишкой,
И мой аул Кенбидаик был от Акмолы далекий.

Он теснился к Акмоле почти за двести верст,
А рядом лишь толкался какой-то Кургальджин.
На планете мой аул был просто малый перст,
Какой, однако, свою жизнь мне в душу заложил.

Теперь та память детская только вспоминается,
Помнится и школа, и тот же День Победы,
Память эта нынче в книжке отражается,
Хотя я в свой Кенбидаик уж столько лет не еду.

А я ведь не был в нем давно — семь десятков лет,
Как живут там земляки, не ведаю, не знаю,
О моем ауле нет вестей, молчит и Интернет,
А ведь когда-то в том ауле семьей мы проживали.

В семье, как помню, мать с отцом и нас, детишек, трое,
Самых разбитных малых ребятишек,
Старший мой братишка был в радостях и в горе —
Он мне пятилетнему прочел немало книжек.

Братишке уж двенадцать было тогда лет,
Он отцу и матери был первою подмогой,
Они трудились мастерски, что было не секрет,
Оставляя детвору на брата и на Бога.

А когда отца забрали на чертову войну,
На братишку моего трудности устроились,
Он читал нам про войну и про всю страну,
И что фашист идет к Москве, тоже мы знакомились.

Ну, а дальше жизнь шла, Россия воевала,
Была крепко-накрепко фашистского врага,
Бывало, и России крепко попадало,
Но все же на Германию ее взошла нога.

А там и подоспел этот День Победы,
Ах, как его отметили аульные жильцы!
Веселились даже затурканные деды,
А с ними и бывалые пророки-мудрецы.

Они на всех собраниях народу говорили,
Что Гитлеру придет капут от народной боли,
Хотя мы нашу кровушку ради Победы лили,
Однако отстояли Союза жизнь и волю.

А батя мой аульный Победы не дождался:
Как было в похоронке, он в танке и сгорел,
Однако он геройски с фашистами сражался,
Когда громил фашистов, он даже в танке пел.

Ну, а дальше жизнь с мирными делами,
Переезд в Жалтырь и тут же целина,
Мы с матушкой со всем управлялись сами,
Целина же с матушкой нам многое дала.

Ей она дала орден «Знак Почета»,
Ну, а мне, как премия, велосипед,
Вот тогда я вроде ступил на путь поэта,
Что от моих читателей секрета просто нет.

Ну, а что подскажет добрый мой читатель,
Как им моя книжонка, в ней живое есть?
Я в свои годочки писатель иль маратель?
И есть ли у меня писательская честь?

Я в книжке говорил о жизни перекрестках,
И с кем вы мастера культуры, как Горький говорил?
О литературных тенях и литературных блестках,
И о том, что я теряю свой литературный пыл.

Говорил я и о том, что «Евразию» сглазили,
Он и его клика «Играй, гармонь» угробили,
Какие там всевышние по каналу лазали,
Только вместо песен «Паутину» приспособили.

А дальше я писал, что боюсь не смерти,
Абоюсь лишь тихо и навсегда заснуть,
Пусть у изголовья толпятся даже черти,
А значит, будет шумным мой последний путь.

К тому же, я прошу, что был со мной медбрат,
Какой мне и глаза предсмертные закроет,
А за окном пусть дети резвятся и шумят,
И в поле, в чистом поле волчица пусть завоет.

А еще я повторил Лермонтова строки,
Хотя себя, по-честному, зато не осуждаю,
Конечно, я до Лермонтова как поэт далекий,
Но все же его строки читаю и глотаю.

«Боюсь не смерти я, о нет!
Боюсь исчезнуть совершенно,
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет!»

Вот и я того же, други, добиваюсь,
Хочу, чтоб и меня хоть как-то да читали,
Хочу, чтоб мои книжки не рвались, а читались
И чтоб меня хоть в области как поэта знали.

Ну, знали как нештатного, но все-таки поэта,
Которого от скуки, но можно почитать,
Который ходит по селу пешком, без драндулета,
Беседует с народом и хочет много знать.

Хочет знать, как мы живем и чем сегодня дышим,
Как мы воспринимаем сто нашенских шагов,
Как мы дух страны и всей Вселенной слышим
И каких мы в СНГ достигнем берегов.

Как мы воспринимаем валютное пространство
С долларом, рублями и родным тенге,
И какое Казахстан наведет убранство
В мировом пространстве и в своей стране.

У Казахстана видится большие перспективы
С выходом на мировой и европейский рынок,
Есть у Казахстана силы и мотивы,
И он не будет доллару, как все, глядеть в затылок.

Он будет свою денежку беречь и укреплять,
Может, Кыргызстан с тенью породнится
И скажет Казахстану: нам житьда поживать,
Не лучше ль нам в одну страну взять и объединиться?

Были ж мы в одной стране при бывшем СССР
И вроде семь десятков лет жили-поживали,
Все же заразительный был-таки пример,
Ведь коллективно мы все трудности повсюду побеждали.

Коллективно мы, как помнится, фашистов одолели,
Восстановили наши поселки, города,
За гражданина каждого мы душой болели
И просто равнодушными не были никогда,

А взять хотя бы прошлую живую целину:
Да мы ее всем миром-Союзом поднимали!
Целина прославила народ и всю страну,
Мы весь патриотизм в себе же занимали.

Нет, что ни говорите, а СС.СР был Бог,
Которому мы все хоть как-то да молились,
Большой Союз Советов многое и мог,
Мы как-то друг у друга жизни и учились.

Единая страна с одним большим народом
Многое умела и многое могла,
Один большой Союз имел свою природу,
Единая страна и дружбу берегла.

Не было в Союзе боев и разногласий,
То, что происходит сейчас на Украине,
Все делалось разумно, дружно и согласно,
Никто себя не чувствовал брошенным на мины.

Хочешь ехать на Кавказ — поезжай без спроса.
Хочешь насладиться Киевом с Крещатиком?
Так садись на поезд, не задавай вопросов,
Ты будешь на Украине другом и соратником!

Что теперь случилось с родиной Шевченко,
Хмельницкого и героя партизан, вояки Ковпака?
Что стапось вообще с СНГэвским человеком,
Который просто-напросто валяет дурака?

Отчего в Донбассе гибнут от снарядов
Киевских солдат свои же земляки,
Видно, в том получены приказы и наряды,
От каких подряд страдают молодь, старики.

Страдают дети малые, что в школу направляются,
Страдает и простой пешеход-прохожий,
Снаряды у жилья и в школах разрываются,
Что просто на фашизм и Гитлера похоже.

Мир смотрит на картину с киевскими красками,
Кто-то с сердцем, с болью, а кто-то просто так,
Кто-то дело мажет радужными мазками,
Тогда как смерть с разрухой не радуют никак.

Но Порошенко-дяденьку они никак не дают,
Не дают и его всю киевскую клику,
Они и США, и прочих радуют и славят,
За что им Порошенко благодарен в пику.

У Киева неясные планы, намерения,
Мир того не знает, не знает СНГ.
Может, ожидает он Донецка ослабление
И Крым вернуть намерен только лишь себе?

Но нынче у крымчан крылатая позиция,
Они по их желанию отошли к России,
У Киева по Крыму старая традиция,
Он готов пойти на то, о чем и не просили.

Они намерены вернуть и Крым, и Севастополь,
Все крымские лечебницы и весь лечебный край,
Киевский солдат по ним когда-то топал,
Конечно, Крым не просто рым, это просто рай.

Ну, а кто же с раем намерен расставаться?
Мир таких людей не ведает, не знает,
Крымчанам вот и следует соседа опасаться,
Какого на разбой весь Киев понукает.

Вот на том, друзья мои,
Мы с вами и расстанемся,
Что было в моей книге,
Я вкратце раскусил,
Рассказал, что и меня,
И семьи касается,
И что для восьмой книги
Набраться надо сил.

Как ни есть, а все-таки
О книге я мечтаю,
О новой, о восьмой,
А там и о девятой.
Как сложится моя судьба —
Не ведаю, не знаю,
Только я на стремени,
Как в пути солдаты.

Агадырь, 28-29 августа 2015 г.

МОЕЙ ЖЕНЕ

Ты знаешь, дорогая, жизнь нашу и мою,
О чем я тебе часто звоню по телефону,
В Жалтыре далеком уж год как я живу,
Семейному подвергнутый несчастью и закону.

Закон у нас негласный, но такой живой,
Нашими, наверное, принят был он предками:

Родственник фамильный означает - свой,
Свой со всеми дедами, старухами и детками.

Горю я, дорогая, не пламенем все светным -
Жизнь раскалила моей жизни дни,
У постели брата с заката до рассвета
Я прошу у Бога: закончатся ль они?

Инсульт у брата сделал пагубное дело —
Беспомощен он всюду и едва движем,
А бывал ведь шустрым, деятельным, смелым
И не раз подолгу по Жалтырю кружил.

Теперь он, по несчастью, к мягкому прикован,
Его добрым другом стал старенький диван,
Где он еще читает Дидро да Смелякова,
Засыпая с книжкой, сморенный наповал.

Я же для него помощь и подспорье,
Встать, пройти, садиться одному — ни-ни!
Вот, женушка, поверь, такое у нас горе,
И такие длинные стали мои дни.

Только я креплюсь, но и тебе не слаще,
Ты одна в квартире, а дел невпроворот,
Оттого ты тихо и в бессилье плачешь,
Не ведая, что Новый год нам в жизни принесет.

Нынче наступило время заготовок,
Картопан, капуста — на руках твоих,
С ними же бывал я и силен, и ловок,
С мешками расправляясь часто за двоих.

Еще тебе приходится волочить баллоны
Из сарая с газом, а они - не кошка,

Потом идти оплачивать всякие талоны,
Как водится частенько, в разные окошки.

За воду, электричество, за телефон нетленный,
Затем все вновь покатится по старой колее,
Уж год как ты одна в квартире обновленной,
С думой о житухе, а больше обо мне.

Ты прости, родная, за разлуку нашу.
Год как мы расстались, и будет ли предел?
Ну, а я готовлю еще щи и каши —
Таков нынче выпал безумный мне удел.

Я прошу у Бога дать тебе здоровья,
Чтобы все несчастья обошли тебя,
Скоро вновь наступит одиннадцатый Новый,
Какой опять заставит нас пожалеть себя.

Десятый в ноябре — он ведь юбилейный,
Пятьдесят годочков мы с тобой вдвоем,
А вот встретить юбилей нам суждено отдельно,
Хотя мы столько лет по жизни рядышком идем.

Лечение у брата не дает эффекта,
Говорят, лишь время тут всему судья,
Неизвестно только, сколь продлится это,
Не знает медицина, тем более и я.

Прости меня, друг милый, что у нас такое,
Какое так надолго нас в жизни развело,
Сердце у тебя, я знаю, золотое,
Но в твои за семьдесят не вечно и оно.

Да и в мои сегодня семьдесят четыре
Я тоже уж не прежний подвижный и герой.

Отсиживаюсь больше у дома да в квартире,
А брал ведь километры в степи и за горой.

До случая с брательником до восьми километров
Ежедневно делал в своем Агадыре,
Меня не тормозили ни снега, ни ветры,
Ни солнцепек с дождями, ни други во дворе.

Ни други во дворе с черными костяшками,
Привычного занятия с бессменным домино,
На турнике дворовом я крутил подтяжки
И делал километры, как в истинном кино.

В Жалтыре все это надолго прекратилось,
Сижу то у постели, то в зиму у огня,
Теперь вот перебои в сердечке появились,
Боюсь, insult коварный достанет и меня.

И все же я надеюсь, надеюсь на удачу,
Будет у нас радость и нашей жизни честь,
Только вот сегодня ничего не значу,
Но благодарю Всевышнего, что у меня ты есть.

Что в шестидесятом ты родила мне сына,
Он теперь в России, но он все же наш!
По крови и фамилии, как ты того просила,
Он делит наши горести, наш пыл и антураж.

Хотелось бы, родная, быть стобою рядом,
Гладить твои волосы, слышать голос твой,
Но счастье к нам с тобою повернулось задом,
Видно, так начертано нам жизнью и судьбой.

На старости не принято мерить свои чувства
И по-молодецки говорить: «Люблю!»

Я не порицаю старое искусство
И все его устои и теперь ловлю.

Я остаюсь с тобою, друг мой неизменный,
Моя вечно верная и добрая жена.
Душа моя изранена, но остается верной
Тебе, как в годы давние, она тобой полна.

Пусть будет непорочной наша стобой старость
И будут бесконечны наши с тобой дни.
Я дорожу любовью, что была нам в радость,
Пусть будут бесконечны и счастливы они!

Мученья да разлука когда-то да закончатся,
И я снова буду, моя жена, с тобой.
Пока же мое сердце домой, как в песне, просится,
Где я обласкан буду тобою и судьбой.

Агадырь

...

Над окошком по-есенински месяц мне светил,
А под окошком ветер гнал свою судьбу,
Мой тополь, что когда-то я в детстве посадил
Звал к себе под крону на свою мольбу.

А звал, чтобы рассеял его я одиночество
И в пару подсадил к нему иву иль березку,
Он одиноко пережил детство и отрочество
И только видел пред собой того же горе-тезку.

А еще хотелось бы слипой пошептаться,
Но где ее в наш шумный век увидеть и найти?
Под тальянку, говорят, с ней можно повидаться
И проложить к ней самые душевные пути.

У тополя я вижу тихий грустный вид,
С ним рядом нет ни ивы, ни липы, ни березы,
И тополь мне по-дружески тихо говорит:
«Как-никак, а все ж горьки мужские наши слезы».

Анна Снегина, наверное, сказала б мне рахмет
За то, что я Есенина помню и цитирую.
Она когда-то вдни свои сказала: «Ты — поэт!
Твои стихи, твоя судьба с Русью гармонируют».

А еще, что они пахнут листвою золотистой,
А то и вовсе яблоком и золотым медком,
А все как вдоль деревни ходят гармонисты
И у березки пары сидят своим рядком.

Нынче не невестятся ели и березы
И не вытираются зеленой берестой,
Нынче и по умершим не проливают слезы —
Есенин запечатился бы такою простотой.

Он бы опечалился, что СССР распался,
И скольв СНГ республик, столь денежных названий.
СССР хоть как-нибудь в целом мире знался,
А СНГ — без президента, без границ и знаний.

У республик СНГ зазнания есть такса,
Лечение и вовсе раздевает натюрель.
Нынче СНГэвский люд — не жалобщик, не плакса,
Он не гнется от невзгод и жизненных потерь.

Он к себе соседа на выстрел не допустит,
Вот пройди таможду, а там хоть закрутись,
Ко всему он не отпустит вас без своих напутствий
И станет поучать вас, как на свете жить.

Такова у СНГэвцев жизнь и политика,
У всех своя республика, флаг и Конституция,
Жизнь идет по свету размеренно, с аналитикой,
Со своими планами и своей презумпцией.

А все же упекает нас Есенина эпоха,
Когда в деревне узенькой певали петухи,
Как там поживалось — хорошо ли, плохо,
А все же и тогда рождались на земле стихи.

Сегодня петухов вдереvню и медом не заманишь,
А все как их хватает в фабричных этажах.
Бывает, петушонка в клетке лишь погладишь...
Ах, жизнь, как докатилась ты до такого куража?

Бывалая деревня целиной дышала,
Строилась, крепилась, как на дрожжах росла,
Своей стране и хлебушек, и детей рожала,
Посколь она в своей стране хозяйном была.

Пройдись сегодня поселу, прислушайся к цикадам,
А ведь таковых на свете нынче просто нет,
Эпоха так сказала: нам целины не надо,
Поля, луга и степи отдали свой секрет.

Наверно, СНГ родил свою эпоху,
Ей Сергей Есенин врядли поклонился,
Он усек бы в эпохе немало скоморохов,
Сравнил бы со своим временем и просто удивился.

А как не удивиться, коль детей воруют
И за большие деньги в свет белый продают,
Мудрецы с народом по-своему толкуют
И команду на жилье кому-то отдают.

Деньги с людей собраны, а жилье — в проекте,
Даже и фундаменты еще не заложили,
Люди возмущаются, строчат свои конспекты,
А им лишь отвечают: жилье вы заслужили!

А коль заслужили, вы его получите,
Но только наберитесь для себя терпения
И меньше свои жалобы на верха строчите —
Вы тем не развеете во всей стране затмения.

Наверное, о том бы поведал и Есенин,
Когда бы воспевал березовую Русь,
Глаза его глядели на милую Расею,
О чем и я сказать хоть что-то да берусь.

Но только я скажу, что мне сердцу ближе,
О моем поселке, о родине моей,
Память хоть далекая, но что-то в сердце нижет,
И я выпускаю на волю голубей.

Откуда они взялись и к гаражу прибились,
Тут надо лишь подумать, а то и погадать,
Говорят, коль голуби под крышей появились,
Будет всегда счастлива твоя Отчизна-мать.

А другого счастья мне вовсе и не надо,
Голуби под крышей — значит, счастье есть,
Значит, жизнь моя и родины в отраде,
И я перед народом со стихами весь!

Как и Есенин, с музою я и теперь общаюсь,
Она меня, безвестного, а водит по стране,
Со стихами часто я к людям обращаюсь,
Но таковых они не знают, как и обо мне.

Мне лишь остается дивиться равнодушию —
В нашем веке новизны сие не представляет,
И все ж я остаюсь своим стихам послушный,
Может, оттого поэзия меня и донимает.

Я ей отдаю себя, как отдавал Есенин,
Глазами провожал стаи журавлей,
Какие оставляли рязанский край осенний,
Мчась теплу навстречу и судьбе своей.

Хотелось бы мне тем птицам уподобиться,
Отыскать тепло свое в доме и в стране,
С читателями чаще встречаться и знакомиться,
Может, я тогда по новой и поплыву волне.

Агадырь

О КОСМОСЕ

Во Вселенной нашей, что космосом зовется,
Люди видят Солнце и близкую Луну,
Какая то лицом, то боком повернется,
А я, бывает, к ней и впрямь лицом прильну.

Гляжу в ночной тиши — на небе только звезды
И с ними одинокая и яркая Луна,
А звезды так далеки и напоминают гроздь,
Какие едят люди, звери и страна.

Звезды я охватываю только своим взглядом,
А на Луне я вижу впадины и горы,
Может, в них сокрыты безумственные клады,
О каких земляне ведут лишь разговоры.

Хоть Луна и близкая, но для людей далекая,
Хотя они на ней, однако, побывали,
Познав — она безжизненна и просто одинокая,
Здесь никогда дожди и ветры не бывали.

А есть еще какие-то Марсы да Венеры,
Всякие Юпитеры, Плутоны да Сатурны,
Что там происходит, мы лишь ученым верим,
Да так, что нам становится иногда и дурно.

Ну как не подурнеть, когда к нам мчится космос —
В регион Челябинска примчал метеорит,
Землянам он примчал и множество вопросов,
О каких и нынче мир громко говорит.

Ну, прилетел, разбился, шороху наделал,
Блажь, что вдоль селей он бомбой пролетел,
Человек не ждал его и что он мчит, не ведал,
Иначе с Землей столкнуться он бы не посмел.

Он бы расстрелял его в космических просторах,
У землян такие средства нынче вэри вэлл,
Вояки всей Земли на многое готовы,
Их сильный арсенал никак не постарел.

Наверняка им есть чем «космонавтов» встретить,
Встретить прямо в космосе у солнечных широт,
Будем этим жить и будем в это верить,
Мы космос одолеем, а не наоборот.

Одолеем, потому как землянин сила,
Создание природы — Великий Человек!
Его с умом и сердцем и на Луну носило,
Он прославить может и наступивший век.

У него мечты побывать на Марсе,
Загадочную Венерутоже посетить,
Верится, что Человек к ним проложиттрассу
И, может, даже будет на сих планетах жить.

Ну, а коль планеты мертвы и безвоздушны,
Человек способен и далее летать,
Космос ему станет понятен и послушен,
И он будет в космосе живых людей искать.

Ведь где-то они есть, ведь космос бесконечен,
А потому живые земли в нем все же могут быть,
Человек на них попасть себя и обеспечит,
Надо только к тому времени нам на Земле прожить.

Космос бесконечен, в нем Земля — песчинка,
Но на той песчинке родился Человек!
Человек — великая природная картинка,
Равной по Вселенной ей не было и нет.

Нет на свете никаких летающихтарелок,
В них живые люди — это только сказки!
То мысли Человека, их дух и переделок,
Какие так и рвутся для людской огласки.

Что там, на планетах, мы пока не знаем,
Есть ли на них что-то, как на Земле, живое?
Человек лишь космос только изучает
И просто хочет знать, что это такое.

То ли это просто космические дали,
У каких, как видится, конца и края нет,
Земляне от рождения секреты в нем искали.
Космос и сегодня для них большой секрет.

Агадырь, 25 августа 2015 г.

МЫСЛИ

Жизнь так устроена, что дети нарождаются
Сразу друг за другом, а то и попережку,
Пережка эта в десяток лет сливается,
А то и вовсе делает бездетную пробежку.

У Ротару три сестры, и вроде все певицы,
У Екатерины Шавриной тоже была тройка.
Ах, какие добрые красивые девицы!
Но жизнь распорядилась, оставив свету двойку.

Случилось то недавно, по телеку сообщили:
Три сестренки ехали в одной автомашине,
За рулем, как ведают, была Екатерина,
Какая отчего-то навстречу покатила.

Ну, а там удар большой, машину просто смяло,
Отчего одной сестры у Шавриной не стало.
Ей люди соболезнуют и здравия желают,
Ну, а её сестру-красу просто поминают...

У моей женки Гульчатай тожетри сестренки,
Одна из них так на Оби, на Алтае проживает,
Аточнее, втихой, нешумной Чесноковке,
Какая всех гостей с любовью принимает.

А две сестры тусуются в своем Агадыре,
Где семерки круглые они уже отметили,
Посидели скромненько на лавке во дворе
И даже свои старческие годы не приметили.

А что их примечать, коль в жизни все удачно,
Дети сороковник свой давно перешагнули,
Работают, гуляют, отдыхают смачно,
Судьба и их желания никак не обманула.

В жизни и в работе у них как надо ладится,
Ну, а мечта зовет их все в ту же Чесноковку,
Когда мечта эта решится и наладится,
Надо занять желанье и сноровку.

А встретиться трем сестрам никак не удастся,
Годы пенсионные не слишком развлекают,
С, Гульчатай нам больше это удастся,
Алтай и Чесноковка нас крепко обнимают.

В Чесноковке тихий лад, ни машин, ни шума,
Тихие проулки, колодцы, огороды,
Простые магазинчики, далекие от ГУМа,
Но у них своя отвага и своя природа.

У сестры моей отважной женки Гульчатай
Свой собственный домишко с гаражом и банькой,
Куда приходят дочки и внучки почитать,
И отважный внук Денис сдрузьями Петькой, Ванькой.

И я в этой баньке тоже душу грел,
Конечно, с классным веничком, что на Алтае мода,
В баньке отмокал, грелся и потел,
Словом, делал для себя жаркую погоду.

Ну, а после мой свояк угощает чаем,
Истинно отменным, со своим алтайским вкусом,
Ну, а после чая мы с Гриней не скушаем,
Для внучек его милых нанизываем бусы.

Нет, что б ни говорили, а Алтай — особенный,
Может, оттого, что на Оби стоит?
Барнаул и Новоалтайск к жизни приспособлены,
Собой являя истинно притяжной магнит.

Вот Новоалтайск, а через мост — столица
Красивой и богатой шукшинской стороны,
Алтайский край рождает изысканные лица,
Какие были ценны для всех и для страны.

Одним из них и был Шукшин, алтаец и писатель,
В придачу он являлся актером для кино,
Его знали зритель и простой читатель,
Но быть ему актером судьбой было дано.

Мы ж с моею Гульчатай любимся Алтаем,
Здесь ее сестра и наш сын живет,
Алтай мы каждый год с любовью посещаем,
И Алтай свою любовь нам тоже отдает.

Ну как тут не любить алтайское приволье,
Ну, а Обь широкую как нам не любить?
Вдоль Оби поселки, их благодать, раздолье,
Ну как такую благодать можно позабыть?

Агадырь, 23-24 августа 2015 г.

...

«Ты где-нибудь бывал? —
Спросил один приятель. —
Хотя бы в Петергофе
Или седой Москве?»
Я так же остаюсь
Задумчивый писатель,
Какой все сообщения
Отложит в голове.

А Петергоф порадует
Красотой фонтанов,
Каких, толкуют люди,
Во всей Вселенной нет.
У себя что видим?
Степи да баранов,
А в городе так до небес
Строительный объект.

Да, слишком увлекаемся
Высотными домами,
Славится какими
Америка, Нью-Йорк,
Этими фонтанами
Мы и теперь страдаем,
У нас их кот наплакал,
А то и вовсе жок.

Пройдись по Астане
Иль по Костанаяу,
По Караганде шахтерской
Иль по Алматы.
Вы туалет общественный
Где-нибудь встречали,
Туалет для жизни,
А не для красоты?

А почемубоимся мы
Подземных переходов?
Ведь они спасают нас
От шоферских смертей.
Конечно, переходы
Ведут во все расходы,
Но сохраняют нам жизнь
Взрослых и детей.

Машин сегодня больше,
Чем наших пешеходов,
Потому от их колес
Ну просто не спастись!
Оттого и нужно делать
В подземках переходы,
Они подарят людям
Торжество и жизнь.

Они еще подарят
Тишину мгновений,
Какой народу нашему
Просто не хватает,
В тишине, в подземке
Родится много мнений,
Какие при машинах
Просто улетают.

Ну, скажем, улетает,
Мненье об учебе,
Ну, о той бесплатной,
Что была в Союзе,
Когда мы даже жили
На бесплатном хлебе,
А целина заботилась
О первой кукурузе.

Тогда-то и учение
Не просило денежки,
Так вот и лечились все
Много лет подряд,
Л е ч и л и с ь ребята ш ки,
Бабушки и дедушки.
Ах, как это было
Много лет назад!

Нынче лишь приходится
Только удивляться,
Как этот СССР
Умудрялся жить.
Бесплатное лечение
С бесплатным обучением,
Ну как было строною
За то не дорожить?

Так нет же, черт возьми,
Ничем не дорожили,
СССР угробили
И нынче в ус не дуем,
Нынче СНГэвцы все
Себя заворожили
Границами своими,
Д не поцелуем.

Так вот и живем мы
В СНГэвском мире —
Бесплатное лечение
С учением забудь!
Если посчастливилось
И живешь в квартире,
У ученья с обучением
Только платный путь.

Так вот и живем мы
В мире СНГэвском,
Где сплошь свои границы,
И своя судьба,
Где не осталось ничего
От старого советского,
Как только свои флаги
И своя борьба.

Агадырь, 12 августа 2012 г.

НА ЕСЕНИНСКОЙ ВОЛНЕ

Вспоминаю годы свои молодые,
Как вспоминал когда-то их Сергей Есенин,
Когда он под тальянку и песни разбитные
Тратил свою молодость с компанией у ели.

А то и вовсе слушал, как тополя шептались
И как он умывался росой по утрам...
Я тоже уходил в свои родные дали,
К моим таким привольным ковыльным берегам.

Есенин говорил: у нас такая участь,
Любого, коль захочется, возьми да расспроси,
И он тебе уточно, свирепствуя и мучась,
Скажет: «Хорошо-таки живется на Руси».

Всякое бывало, того не отрицаю,
Только в дни тогдашние того быть не могло,
Жизнь после Октября люди порицали,
В ней на виду бесилось лишь конное тягло.

А на полях у пахаря плуг ручной и лошади,
Да нерасторопные строптивые быки,
Какие обитали на всей российской площади,
Им, однако, радовались России мужики.

Рад был и Есенин, любуясь новым светом,
Какой коснулся и его, Есенина, судьбы,
Который и остался для страны поэтом,
Российской «золотой бревенчатой избы».

А я ведь, дорогие, тоже рвусь в поэты,
Есенинская жилка есть и у меня,
Правда, белый свет не ведаёт об этом,
Хотя я без стихов не живу и дня.

К тому ж, как и Есенин, я подвержен песням,
Готовый под гармонь свою топнуть и запеть,
Для кого-то это просто интересно,
А кому-то вовсе хочется лишь зреть.

Все-таки себя я мерю под Есенина,
Который так любил свой рязанский рай,
А я люблю все то, что судьбою велено,
Люблю свой Агадырь, мой казахстанский край.

19 января 2016 г.

МЫСЛИ О ПЕСНЕ

«Нам время меняет одежды», —
Так сказал один славный поэт.
Только я оставался невеждой —
Его в мыслях моих нет и нет.

А слова его вылились в песню,
Эту песню исполнил Кобзон,
А ее я не слышал, хоть тресни,
Но какую пропел в унисон.

Себе же я сделал внушение,
Со стихами я тоже братаюсь.
Где же их, черт возьми, украшение,
Почему я все ж с песней не знаюсь?

Исаковский так выдал «Катюшу»,
И другие он песни писал,
Их народ пел, приветствовал, слушал,
А я вот от зависти ручку кусал.

Во мне жили поэт и бездарность,
Что в миру, говорят, не бывает,
У поэта — читатель и гласность,
Они впрямь его жизнь проддевают.

У меня тоже водится гласность,
И читатель изысканный есть,
Но стихи я кропаю с опаской,
Чтоб не смазать поэтову честь.

Ведь не смазал ее Исаковский
И все тот же когда-то Есенин,
Утвердил честь поэта Твардовский,
Я пред ними склоняю колени.

О себе говорить — мысль теряется,
Ведь тупица и в Африке туп,
Он и в Африке в раз одевается
В казахстанский овчинный тулуп.

А все то, что по жизни природа
Меня к песням людским не звала,
Вот и рвал я стихи про погоду,
Забывая про жизнь и дела.

А в песнях, что жизнью замечено,
Вложен наш поэтический труд,
Но бывает она покалеченной
Теми, кто их с эстрады поют.

Ах, как хочется все ж поклониться
Песне «Дайте мне в руки гармони»,
От которой душа веселится
И у сердца свой пламенный звон.

У гармони звучали свои
Золотые и звучные планки,
От которых хотелось любви
В каждый вечер и в каждой гулянке.

От них сердце и впрямь замирает,
Только как о том милой сказать?
О том даже и сердце не знает,
Отчего остается моргать.

Жизнь тоже в догадках теряется,
Почему сердце тает и тает,
А все как что любовь получается,
Она же в сердце любом замирает.

А от любви так рождаются дети,
Что известно от века до века,
От любви даже радостней в свете
И счастливей судьба человека.

Вот о чем пишут в песнях поэты,
За что мир должен им поклониться,
У меня ж хватки песенной нету,
Видать, песенником надо родиться.

Я ж стихи выдаю про погоду
И про то, как учился и рос,
И, видать, себе лично в угоду
Не затронул проклятый вопрос:

Что же ты, питекантроп безмозглый,
Научившийся стряпать стихи,
Не проскачешь близ песен и возле?..
Прочитал свои пробные строки,
Ни одна из них в песнь не ложится,
От напева, как небо, далеки,
Отчего впору б мне удавиться.

Жалко то, что бездарным родился,
А ведь песню народ уважает,
С песней он как с судьбой породнился,
О чем в песнях он жизнь воспеваает.

Раньше в песнях Москву воспевали,
В них светились Союз и страна,
О них нынче лишь вскользь вспоминают,
В сердце ж нашем Казахстан, Астана.

О них тоже уж сложены песни,
Их поет и встречает народ,
Какой с СНГэвскою дружбою вместе
К своему счастью по миру идет.

Агадырь, 26-27 января 2016 г.

ПАМЯТНОЕ

Помню, как когда-то был я пионером
И красный галстук с гордостью носил,
В классе так старался быть всему примером,
Всем, кто даже этого вовсе не просил.

Надо ль, не следил, чтоб было всюду чисто,
Чтоб на партах не было никаких бумаг,
Чтоб классная доска не кренилась, не висла,
Чтоб каждый отвечающий по-своему был маг.

А потому он должен исправно знать уроки,
Как пионер он должен исправно все учить,
Пусть дома будут всякие невзгоды и мороки,
Но пионеры ленинцами обязаны все быть.

А потом, конечно, стал я комсомольцем,
Тут уж я и вовсе стал ленинец живой,
На целину подался шустрым добровольцем,
Где уж непременно думал головой.

Думал, хорошо, что партия велела
В Казахстане нашу целину поднять,
Какая стала истинно всенародным делом,
Какая стала многим как родная мать.

Целину пахал я, как заправский пахарь,
Трактор мой не ведал покоя и застоя.
Бригадир как главный землемер и знахарь
Говорил, что вспашка моя что-то стоит.

А потом уж после стал я коммунистом,
А коммунистак это ленинец живой,
В своем деле я был истинным артистом,
Хотелось, чтоб в работе загордились мной.

Где-то мной и правда на верхах гордились
И как коммуниста ставили в пример,
Молодые слесари у меня учились,
Я был беспокойным, как прежде пионер.

Говорил, показывал слесарное искусство,
Какое без любви к нему вовсе не пойдет,
Если ты к нему не приложишь чувства,
То тебе с работой никак не повезет.

А потому, друзья, коль выбрали слесарку
И ей хотите жизнь посвятить,
Пусть слесарка станет жизненным подарком,
И вы ее сумеете за всех поблагодарить.

Я так, дорогие, с напильником сдружился,
Со слесарным верстаком на пятнадцать лет,
Тепловозы ладил, чем всегда гордился,
И считал, что слесарь это есть поэт.

Но поэт в железных тепловозных строчках,
В близкой мне слесарной рабочей колее,
Где гайку закрепляешь, как латку на сорочке,
И тепловоз уходит по своей волне.

Так вот, дорогие, в жизни все случается,
Любишь свое дело — жизнь ему отдай,
Если это дело никак не получается,
Значит, ты другое дело выбирай.

Я пятнадцать лет сдрузьями прослесарил,
А уж двадцать пять снабжению служил,
По снабженью всюду по Союзу шарил,
Снабжением я полнился, снабжением я жил.

А теперь, друзья, у меня спокойствие —
«Дембельское» время и я уже етарик,
За строчками своими живое удовольствие,
К ним, если признаться, я уже привык.

Привык и расцветаю, когда меня читают,
Читают мои близкие и мои друзья,
Когда меня сельчане хоть как-то вспоминают
И говорят, что Пушкин — это тоже я.

Ну, насчет Сергеича перебор тут явный,
Просто свои мысли в рифму я ложу,
Но, однако, Пушкину я не буду равный,
Хотя его поэзии я ревностно служу.

А что ей не служить, коль рифма донимает
Днями, вечерами, даже и во сне?
Может быть, читатель меня не понимает,
Но я стихи кропаю даже при луне.

Она меня каким-то светом наполняет
И собой какое-то дыхание дает,
Где-то и надежду она в душе рождает
И даже призывает в творческий полет.

Ослушаться светило мне никак не хочется —
Все-таки с луною мы всю жизнь живем,
Она ночной порою по небу волочится,
Волочится своим космическим путем.

У светила, говорят, безумная холодность,
Только Луна все же поэтов согревает,
Она даже придает им былую бодрость
И на стихотворство ночами поднимает.

Такое, между прочим, бывает и со мною,
Тут «дембельские» годы по всему виной,
Ведь работать хочется свежей головою,
Когда стихи со мною, а то и не со мной.

А памятным с годами становилось детство,
Какое на военные выпало года,
Тогда и правда жизнь сравнивалась с перцем,
Какая не забудется, наверно, никогда.

Холода и голод, и карточки лихие,
Какие все-таки хоть как-то да кормили,
Случалось, оставались чугунки сухие,
Но люди никого за это не корили.

Пацанве селянской есть всегда хотелось,
Вот и шли оравую мы на большой паслен,
От него, конечно, нам никак не пелось,
Но маленьким кормильцем выступал и он.

А в День Победы матушка, как юла, крутилась,
У нее светилась русская душа,
На столе откуда-то лепешки появились
И даже расчудесная домашняя лапша.

Теперь тот день сегодня только вспоминается,
Тут не нахожу я собственной вины,
Если что-то в жизни, бывает, повторяется,
Только бы на свете не было войны!

29-30 мая 2016 г.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Мне однажды мама как-то говорила,
Что родился я в марте на женское восьмое,
А медсестра ее как раз разубедила:
Нет, не на восьмое, на самое седьмое.

Так седьмое марта мне и записали,
С этим седьмым марта по жизни я иду,
Мне цыганки как-то даже нагадали,
Что у женщины ласку я-таки найду.

И таки нашел — правда, так давненько,
Аж целых шестьдесят осеней назад.
Я уж старый дед, ссутулился маленько,
Но своей милой женке я по жизни рад.

Мы с ней идем по жизни шестьдесят годочков,
Наши дети выросли и тоже уж деды,
А мы с женкой так прижмемся в уголочке
И смотрим друг на друга — как же мы седы!

Ну что ж, нас седина достала на восьмерке,
Как-никак, а это все-таки года,
Жизнь нам отмерила свою большую мерку,
За что ей будем кланяться сегодня и всегда.

31 мая 2016 г.

Поэтические этюды

Поэма

Часть первая

Поэт о поэтах и поэзии

О поэтах, поэзии и вообще о писательском труде нынче отчего-то нечасто приходится читать. Выручают республиканские журналы «Нива» и «Простор», где о том или ином поэте-писателе бывает замолвлено слово. Простому читателю это и отрадно, поскольку писателей этих он читал, а кто они, он не ведает, не знает. Читал я «просторненских» авторов и сотрудниц журнала «Простор» Любовь Шашкову и Надежду Чернову. Добрые, хорошие у них жизненные и литературные вещи, а кто эти авторы — не знал, хотя хотел им хотя бы мысленно поклониться. Благо журнал «Простор» оповестил данные о жизни и деятельности этих женщин-поэтов, и теперь я не остаюсь профаном с большой дороги в творческой деятельности этих авторов.

С поэтом Владимиром Гундаревым, редактором астанинского журнала «Нива», встречался я какбы нетрижды. Ну, через Астанудороги мои проводили часто, поскольку Астана от Агадыря всего лишь в каких-то восьми часах езды, а в двух часах от Астаны и вовсе расположена моя родная станция Жалтырь, где я жил и учился с матушкой, сестрой и братом с четвертого класса подесаьтый. А дальше меня мобилизовала целина, какой я отдал два года, где на своей ДТэшке поднимал целинный пласт. В каком бы почете я ни был на целине и как бы она не вывешивала меня на доску почета, к своим двадцати тогда годам я понял, что целина - не моя судьба и не мой будущий хлеб, почему я и подал заявление на расчет и 1957-ом подался в Акмолинское железнодорожное училище, после окончания которого вместе с пятнадцатью выпускниками своей же тепловозной слесарной группы был направлен в депо Агадырь, какому отдал сорок лет.

Последний раз с Владимиром Гундаревым мы встретились 16 сентября 2011 года в Караганде, на 80-летнем юбилее газеты «Индустриальная Караганда». В перерывах беседовали с Владимиром Романовичем. В его «Ниву» меня приводили попытки тиснуть что-то из мною написанного. В апрельском номере «Нива», к моему удивлению и счастью, тиснула мои

«Дорожные истории» в восемь страниц, а второй номер уже 2009-го так расщедрился на мои «Жалтырские картинки» уже в целых десять страниц. Подумывал: голова у меня наверняка варит, а потому из нее надо брать все, что она выдает...

Перечитывая «Ниву», усек соседку Агадыря, карагандинку Людмилу Мельникову со стихами «Музыка души», «Прости», «Наедине», для какой составляло счастье «улавливать мерцание первых звезд в вечерней вышине». Из Паалодара так заинтересовала своими стихами «Путь», «Зов», «Рай», «Мечта», «Судьба» Светлана Денисова. Как-никак, не мог пройти мимо стихов астанинки Марии Уваровой в ее подборке «Синий дом у прозрачной реки». И, конечно же, крепко останавливал взгляд на вещах «просторненки» Ольги Шиленко и ее талантливой подборке «Человек прекраснее цветка».

Как-то в разговоре с Владимиром Гундаревым последний спросил: не вяжу ли я свою стихотворную плетень? Я ответил, что из меня поэт, как из сонного Обломова Лев Яшин, хотя моими стихами можно устелить всю дорогу от Агадыря до Астаны. Владимир Романович посмеялся и сказал, что хотел бы взглянуть хотя бы на один из них. Я сказал: «А чего далеко ходить? Я вам прочту, что у меня зацепилось в голове».

Деревенька моя тоже в Казахстане есть,
Гляжу я на нее, рукой не прикрываясь,
В ней сызмальства росли мои дух и честь,
Какие синевой с росой умывались.

Нынче деревенька — вовсе не колхозница,
Ее улыбка нынче от людей сокрыта.
Может, мое сердце к ней оттого не просится,
Что она безлюдна и к ней пути изрыты?

Нынче деревенька целинная без песен,
Нету ней покосов, пельменей и грибов,
Нет у ней веснушек, как нет и самих песен,
Нет, как прежде, улиц, как нет и всех домов.

А куда все это, братцы, подевалось?
Говорят, спросите у СНГ ответ,
Все, что раньше строилось и крепко развивалось,
Нынче развалилось, ему жизни нет.

А все как мы сегодня вовсе не такие,
Нам сегодня башли с теньгою подавай,
С ними мы и вовсе огненно-крутые,
Наш девиз сегодня: «Удачу не зевай!»

Владимир Романович был искренне удивлен и сказал, чтобы я пришел в журнал со всей своей стихотворной деревней. Я не стал собирать все, что мне надиктовал мой поселок за все годы целины и после нее, но «Индустриальная Караганда» от 28 августа напечатала печальную весть о внезапной смерти Владимира Романовича Гундарева, большого поэта страны, автора песни «Деревенька моя деревянная», какую так давно пел большой Советский Союз со всеми своими окраинами.

О Владимире Гундареве вспомнил я, перелистывая все, что писали о нем прежде. Наткнулся на «Казахстанскую правду» от 17 июля 2004-го, удивительно не избежавшую растопительного процесса в агадырских печах времен Александра Сергеевича и Арины Родионовны. Статья называлась «Три планеты Владимира Гундарева», автором какой был Александр Тараков, журналист «Казправды».

Из статьи я узнал о гундаревской Кыштовке Новосибирской области, где он родился и, наверно, смотрел на нее и на Тару-реку, протекающую рядом, истинно прикрывшись рукой. Кыштовка — Россия, родина, но затем и Казахстан в целинные годы стал родным Отечеством, сердечно принимавшим его и с великой горечью проводившим его в последний путь. Эта горечь натолкнула и меня сказать:

Не верится, что с нами Гундарева нет,
Он будет жить в сердцах, как и его песня,
Для поэта жизни, смерти просто нет,
Он будет жить в веснушках казахстанских весен.

Александр Тараков встретился с Гундаревым в день его 60-летия. Говорили о ритмах сегодняшней жизни, о целине, с какой поэт связан с юношеских лет, какую всегда любил и посвящал немалотеплых поэтических и душевных строк. Целина являлась для Гундарева «планетой любви», какой были отданы стихотворная душа, судьба и ее помыслы.

После 60-летнего юбилея прошло всего лишь восемь лет, и вот не стало большого казахстанского поэта, писателя, извечного редактора журнала «Нива», какой тоже умер вместе со своим редактором, но через три года после него — в августе 2015-го. Физический поэт с нами нет, но его стихи, свет его любви к жизни, к людям, к родному Казахстану и к родной Кыштовке останутся в памяти казахстанцев и в памяти живой и немеркнувшей литературы.

Н. Слепцов, Агадырь

1.

Считаю, я поэт, хотя и первопробник,
Потому меня свет белый не ведает, не знает.
Друзья же мне в глаза: ты не поэт, а дворник,
Какой не только двор, но и мысли подметает.

Ему барибер, что в доме есть поэт,
У кого ни денег нет, ни имени, ни звания,
У кого ни одной известной книжки нет,
Оттого он не имеет во дворе признания.

Метет он все подряд на глазах народа,
А мысли — он не ведает, что это такое,
Он слышал, что поэты в этот дом заходят
И здешнему поэту не дают покоя.

Смотрю, на что внимание поэты обращают
На своем веку, во времени своем
И в своих стихах о том оповещают,
Что есть и в нашем времени, в котором мы живем.

Есенин так заметил раскол в своей стране
И грусть какую-то в кипении веселом,
Отчего, сказал он, хочется и мне,
Задрав штаны, бежать за комсомолом.

Ах, где то время детское мое,
Когда я был отменным пионером?
Тогда послевоенное лишь началось житье,
И мы во всем старались быть примером.

И правда, мы учились отменно, хорошо,
Красный галстук свой по-ленински носили,
Хотя питались скудно, горохом далапшой,
Посколь мясные лавки мамыши обходили.

Всем жилось, по виду, бедно, нелегко,
Поскольку все военное поветрие гоняли,
Добирались до работы часто далеко,
Но планы и задания исправно выполняли.

А дальше пионерский галстук я сложил,
Поскольку стал исправным, настырным комсомольцем,
Им я и на службе ответственно служил,
В какой был по призыву, а не добровольцем.

Армейские три года нас хорошо трясли,
Какие закаляли нас и уму учили,
Мы по жизни нашей попутчиками шли,
Поскольку у нее нахлебниками были.

Ну, а дальше дембель, свое житье-бытье,
Учение, работа, партийные задания...
Партия так знала назначение свое,
У нее был Кремль и ленинские знания.

Был я коммунистом много-много лет,
Пока родная партия не сложила крылья,
Теперь уже Компартии и Союза нет,
Какие в свое время живою были былью.

Есенин так сказал: я время не виню,
Где нам, старикам, за юношами гнаться?
Время то осталось натлеющим корню,
И его колосья стали осыпаться.

Есенин власть Советскую нисколько не винил,
Он видел в ней бои и видел становленье,
Он этой власти тоже много отдал сил,
Поскольку жизнь искала свое обновление.

Мы тоже нынче ищем наш казахстанской путь,
У нас есть Независимость и наши «Сто шагов»,
Мы себя не будем под коммунизм гнуть,
Мы ушли от старых и затхлых берегов.

У нас сегодня твердый и широкий шаг,
Мы идем путем никак не СНГэвским,
Каждый у нас нынче не менее как маг,
Маг только казахстанский, вовсе не советский.

Нашей Независимости двадцать пять годов,
Мы за эти годы крепко изменились,
Мы далеко ушли от старых берегов
И на переднем крае в мире очутились.

Мы крепко строим жизнь чужую и свою,
Чужую — это пришлых бедных оралманов,
Какие возвратились на родину свою,
Какая их лелеет прилежно, без обмана.

Им родина дала работу и жилье,
Наш казахстанский мир, надежду и свободу,
У них теперь и счастье родилось свое,
Они теперь в ряду казахского народа.

А было, они жили в Монголии, в Китае,
Были хлеб, богатство, дети и семья,
Но все же своей родины так часто не хватало,
Потому и снились родимые края.

Кому-то часто снилась Чуйская долина,
Кому-то Приишимье и озеро Балхаш,
На родину путь вел по СНГэвский длинный,
Где у всех границы, свой дом и свой шалаш.

Здесь родные степи с отарами, конями,
Всюду бесконечная степная синева,
Оралманы нынче со страной и с нами,
У них на счастье новое есть свои права.

Что ж, хочется и к нынешним поэтам обратиться,
У них, как у Есенина, своя душа, судьба,
Они тоже могут по-своему трудиться,
У них бывает с жизнью то мир, а то борьба.

Я встречаю мир у Шиленко Ольги,
Какая угоститься может и айраном,
Восток ее опаивал бесконечно долго
Чаем и подкармливал кониной и бараном.

Пила Ольга и кумыс — напиток полнокровный,
От какого, говорят, хочется любить,
А коль жизнь катится на сегодня ровно,
Значит, надо просто полнокровно жить.

Жить, чтобы слышать песню сердца и металла,
Чтобы видеть звезды, небо и луну,
А потом войти в шум своего вокзала
И своему бездействию объявить войну.

И поехать по стране, любуясь ее небом,
Угощаясь в поезде чаем с сдобным хлебом,
Ехать из Алма-Аты в крутую Астану
И видеть из окна свой век и всю страну.

В жизни, как известно, всякое бывает,
Поэтесса Ольга есть дитя природы,
Ей парного молока, бывает, не хватает,
А так она в кругу друзей и своего народа.

Ее стихи читает свет, читает — удивляется:
Неужто Русь ушла в запой, поэты — в христианство?
Как бы ни было, стихом читатель умиляется
И бесконечно верит в наше в Казахстане братство.

У поэтессы есть друзья, читатели лихие,
Был любимый Иссык-Куль и заповедный край,
Есть у ней свои стихи очень неплохие,
А Иссык-Кулю говорит: прощай, мой друг, прощай...

Читатель отвергает призывы поэтессы
Принять поражение далеких прежних лет,
Мир нынче полон всяких жизненных процессов,
Какие должен видеть своей душой поэт.

Сегодня СССР в космос удалился,
Неведомо, как долго он будет там летать.
В миру так говорят: СССР побрился
И будет молодым, надушенным гулять.

Будет себе сватать новые республики,
Неведомо, какая на него пойдет
И какая будет в его мире публика,
Что нынешнюю жизнь по-новой поведет.

СНГ, возможно, воткнет в свою историю
И просто позабудет, что он существовал,
В миру должна пойти особая гармония,
Не та, что СССР когда-то выдавал.

Из всего союзного надо нам оставить
Бесплатными лечение, лекарства, обучение,
Вот тогда и сможем мы свою страну поздравить
И забыть все СНГэвские боли с огорченьями.

Помочь тому, конечно, могут и поэты,
Посколь они всегда на острие пера,
Об изменениях в жизни они пекут сонеты
И скажут: жизнь нынче лучше, чем вчера!

В целом же поэтов мы должны любить,
Поскольку они в жизни всегда на первом плане,
Они нам помогают в новом веке жить
И носить его в душе, а не в своем кармане.

Они нам помогают и этот век понять
И даже нам советуют, как им распорядиться,
Советуют, какие амбиции унять
И своим богатством с народом поделиться.

Богатство — это наша дружба и любовь,
Наше объединение и работа наша,
Наш любимый край и наш общий кров,
И мечта большая идти к победам дальше.

Чтоб были у нас всюду детсады и школы,
Чтоб у нас жилья каждому хватало,
Чтоб у нас по жизни не было проколов
И чтобы нас не жалило никакое жало.

И чтоб у нас никак не пропадали дети,
А только бы почаще они в стране рождались,
Чтоб по рождению были мы первыми на свете
И самыми богатыми на Земле считались.

Мы сделать это сможем при нашем Президенте,
При воле и желании наследников Абая,
Мы волю закрепили в собственном конvente
И его задачи успешно постигаем.

Пока мы видим нашего счастья зарницы,
Но мы увидим и ее полную зарю,
Может, СН Гэвский мир тогда и удивится
И казахстанскому поклонится живому алтарю.,

2.

Опять склоняюсь я над родным «Простором»,
В комнатах приглушены хожденья и движения.
Увлекся: то Надежда завлекла Чернова
Своим эссе не первым с названием «Наваждение».

Наверно, не ко времени завел я разговор
В свой не юбилейный, но все же день рождения,
Хотелось агадырцу бы пробиться в свой «Простор»,
Вот истинно то было бы святое наваждение.

У поэта жизнь своя со временем и небом,
Со снами и поэзией, с загадочным томлением,
Где-то и с мечтами, где-то с теплым хлебом,
Рождающими в сердце стих и наваждение.

Не наваждение ли это, когда источник жизни
Питает нашу душу собой и вдохновением?
Я ангелу-хранителю скажу для укоризны:
Не нужно зажигать в каждом наваждение!

Зачем оно, к примеру, тому же агадырцу
Или парню у калитки с любовными томленьями?
Да и всем поэтам с задумчивыми лицами —
Им больше нужен стих, а не наваждение.

С Надеждою Черновой во многом соглашусь:
Да, слово преисполнено остановить мгновение!

Под всеми же стихами Черновой подпишусь
И буду ждать от жизни свое лишь наваждение.

Когда тебе за семьдесят, то тело и душа,
Бывает, твоей воле и жизни непослушны,
И меня порадовать вовсе не спешат,
И к благостям житейским так же равнодушны.

Теперь меня, как прежде, не влечет футбол,
И шахматы, посути, сердце не колышут,
Не радует и старый военный патефон —
Его пластинки старые душа моя не слышит.

Теперь милы мне больше дом и тишина,
Моя уютная и милая квартирка,
Какая жизнью и мечтой полна,
Где телек, чай да маленькая стирка.

А к ним в придачу вечный спутник мой —
Моя женка, что жизнь счастьем полнит,
За мир в семье стоящая горой,
Войну холодную какая тоже помнит.

А мои мысли нынче, посути, набекрень,
Посколь они большими сдвинуты годами,
Общаться даже с друзьями становится мне лень,
Лень даже слать куда-то телеграммы.

Хотя бы в мой любимый для меня «Простор»,
С каким дружу давно, как с давним добрым другом,
Он даже начинал со мною разговор,
Взметнув пласты надежды, словно неким плугом.

«Простору» кланяюсь за строки мои в нем,
Но перво-наперво Шиленко и Гирею,

Их вниманием был я окружен,
Каким и нынче свое сердце грею.

Но вот судьба: оставили «Простор»
Сагин-Гирей и Шиленко Ольга,
Они на творчество подвигли мой задор,
За что люблю их по-слепцовски долго.

Я ждал от них: «Найди другое хобби,
Коллекционируй марки иль зонты,
А коль придет писательства хвороба,
Сжигай к ней все тропинки и мосты».

Но ничего такого они мне не сказали,
А поместили первый мой рассказ
И в назиданье тихо указали:
«Писать вам нужно завтра и сейчас».

В сентябре две тысячи минувшего седьмого
Вдруг вышла моя повесть в двадцать пять страниц,
Не ведал прежде я внимания такого,
Сронив слезу со старческих ресниц.

Тогда и правда слезы не скупилась:
Печать заметила в глубинке старика?
Такое прежде мне и во сне не снилось —
Тропа рабкора к музе нелегка.

С той поры минули месяцы и годы...
То ли я скукожился, а «Простор» прозрел,
И глубинка для него потеряла моду,
Поскольку век глубинки сильно устарел.

Десять лет «Простор» мою судьбу не ладит,
Не напечатав даже и простой строки,

К себе известных более он на страницы манит,
Посколь они читаемы, понятны и легки.

В том, видать, и есть резон и разуменье,
И своя, наверно, литературная стезя,
Ведущая по-пушкински к таланту и умению,
Чем пренебрегать всем пишущим нельзя.

Я кланяюсь редакции «Простора» и сегодня,
И людям, как Шиленко и Сагин-Гирей.
Может быть, когда-то был в стране я модным,
Оттого не закрывали для меня дверей.

Журнал меня обрадовал повестью с рассказом,
Их читал я, помнится, в осеннюю грозу,
Я бросился на них при поступлении сразу,
От счастья роняя с ресниц моих слезу.

Да, было для меня время расчудесное:
В «Просторе» я случайно, но все-таки мелькнул,
Имя агадырца стало вдруг известное,
А это распалило мой творческий разгул.

Те годы золотые для меня минули,
Прежние редакторы оставили свой пост,
Но страсть мера к бумаге они во мне сомкнули,
К ним я и теперь прокладываю мост...

Каким он станет нынче, прочным или шатким,
Покажет только время и к перу любовь.
Видать, я стихотворной не уйму повадки,
К ямбу и хорею тянуться буду вновь.

Как-никак, а все-таки общаюсь со стихами,
Какие я в «Просторе» по утрам ловлю,

Поскольку просыпаюсь точно с петухами
И потому как издревле я стихи люблю.

Ну как быть равнодушным к творчеству Черновой,
Хотя бы к «Превращению» из цикла «Ты со мной»,
Где что-то видишь старое, но и вовсе новое,
Как, скажем, «закружиться в пыльце слюдяной»?

Ну, а, скажем, «лето, солнце и цветы»,
А то и вовсе «то васильки, то незабудки,
Цветут над озером кусты,
Кричат разбуженные утки»?

Где такое встретишь в наш машинный век,
Когда кругом машины с утра и до утра?
Видно, жизнью правит только человек,
Оттого она не будет никогда стара.

А все посколь «она словам любви внимает,
Уходит в рощи птичьи, манит и зовет».
Поэта, может быть, поэты понимает,
Оттого как «папорт огненный цветет».

Мне цвести, как папорт, не дано судьбою,
А скорее, все же временем моим,
Но нынешнее время не идет со мною,
А я так, спотыкаясь, спешу идти за ним.

«Жизнь проходит, как прежде проходила», —
Так, видать, она и для меня пройдет,
О том в «Книге пепла» Чернова говорила,
Жизнь же со мною попутчиком идет.

А приведет она, как и все земное,
К одному известному на земле концу —

Жить достойно то, что в цвете, молодое,
А старость так умчит в небесье к Мудрецу.

К нему ушли и Пушкин, и Сергей Есенин,
Бальзак, Гете, Гейне, Белинский, Языков,
Ушли Толстой, Жуковский и великий Ленин —
Жизнь их водила свободно, без оков.

Видать, мне со стихами придется распрощаться,
Предвижу, им «Простор» движения не дал,
В бездарности своей готов я расписаться,
Хотя я над стихами мурлыкал и страдал.

В свою восьмерку круглую можетбытьтакое,
Но огонь к стихам моим не гаснет и не гас,
В душе он оживляет все старое, святое,
И вновь я стихотворству посвящаю свой подлунный час.

Мир видит: СНГ — не праздная эпоха,
В нем много непонятого для нас и для потомков,
В нем что-то есть хорошее, где-то и плохое,
В нем где-то идет стройка, а где-то просто ломка.

Нам же, современникам этих дней суровых,
Для жизни полноценной надо лишь сплотиться
И на обломках старого родить законы новые,
Какие нам позволят к победам возвратиться.

Что может это самое СНГ воздушное?
Ведь у него нет стойбища, даже нет границ,
У него и имя-то по смыслу равнодушное,
Где нет единой партии и руководящих лиц.

Что этот СНГ собою нынче кажет?
Это не республика, не страна, не штат,

Мир планеты нашей СНГ лишь мажет,
Оттого что состоит лишь из одних цитат.

Он, по мнению многих, целеустремленный,
Он и независимый, и на своем пути
В поставленных задачах он неугомонный,
И счастье свое сможет лишь сообща найти.

А сообща — то значит всем объединиться
И жить, как было прежде, единою страной?
А объединение родит свою столицу,
Какая, может, станет вовсе молодой?

Была у нас Москва — старушка златоглавая,
Считавшаяся матерью для всей большой страны,
Во всем СССР она считалось главною,
И дети для нее были все равны.

Дети Казахстана и Беловежской пуши,
Киргизии, Армении и горного Кавказа,
Тажкии с Туркменией жизнь не искали лучше
И брали, что Москва давала врозницу и сразу.

Наверное, Москву мы помнить долго будем,
Будем помнить и Москвы нашей красоту,
Кремль с Мавзолеем тоже не забудем
И ее Казанский, что вел нас в Алма-Ату.

Теперь былую жизнь СНГ сменило...
К друзьям бывалым нынче никак не попадешь,
Нынче, как бывало, за шилом да за мылом,
Да и за любовью с границы не шагнешь.

Не шагнешь, поскольку возведены границы,
Нынче в любом поезде устраивают шмон,

Казахстан взаимно не глядит на лица,
Шмонает их вещички, как пес, со всех сторон.

Грузины зажимают светлую Абхазию,
Говоря, что таковой на свете больше нет.
Такого не допустим мы тупого безобразия,
Абхазия есть Грузия, в том и весь секрет.

Чечня перед соседями свои права качает,
С Россией и Осетией свою культуру гнет,
Напряженья всякие повсюду нагнетает,
Не ведая, что новый век без СССР идет.

Куда нас приведет СНГ невнятное?
Прежние республики оно объединит?
Нынче ж СНГ — вещь миру непонятная.
Есть ли для дальнейшей жизни у него лимит?

Сделает ли он какие-то подвижки,
Чтоб со всеми стать единою страной,
Чтоб были у ней общими дела, мечты, делишки,
Чтоб жили, как бывало, все единою семьей?

Или нам отведено в своем соку вариться
И видеть свою жизнь лишь в своих границах,
С собственными проблемами так у себя крутиться
И встречать родных людей как чужие лица?

3.

Всякий раз, читая далекого Есенина,
Завидно удивляюсь его сельскому родству,
С гармонью познавал он сельское веселье,
Тягавший мех гармони, как Гектор тетиву.

Поэт под рюмку горького и русскую гармошку
Частенько на себя наваливал сей груз,
Но пил все больше квас с домашнею лепешкой
И славил свой рязанский край и святую Русь.

О Руси поэт сказал: она земля святая,
Он всегда считал ее родиной своей,
Она и впрямь была ему, что матушка родная,
Дороже всех богатств земли и России всей.

Эх, нам бы, СНГэвцам, иметь такую статью
Да любить свой край, как он любил рязанский,
Мы в целом разучились в жизни наступать
И больше ходим крадучиеь, точь-в-точь по-партизански.

В детских садиках нет мест, а нам трын-трава,
Нам сказали: ждите до скончания века!
Наверно, у начальства не пухнет голова,
Посколь она не думает о благе человека.

Вот наступит Новый год — потекут вложения,
Атом, согласно им, родится детский сад,
Без акши не будет другого положения,
Чему народ не верит и чему не рад.

Так вот жизнь и катится партизанским шагом,
Если что и деется — без шума и отваги,
Баню отсобачили — тоже людям благо,
Какие так щедры в стране со своей бумагой.

Партизанский метод — изысканный наш метод,
Крадем у государства — тишь да благодать,
Крадем людей, машины, даже малых деток,
Кто все это делает, свет не должен знать.

Не знает он убийц Владислава Листьева,
Прочие убийства тоже не раскрыты,
А жизнь так рисуется художественной кистью,
В какой не разобраться, где друг, а где бандиты.

Други сплошь и рядом, а ножку подставляют,
Ельцин так подставил целому Отечеству,
Какое вверх ногами, и мир теперь не знает,
Послужит ли оно, как прежде, человечеству.

Ушли из жизни Ельцин и брежневская клика,
АСССР для мира никак не возвращается,
СНГ не иначе как сгусток многоликий,
Какой по принуждению с народами встречается.

У всех теперь свои земли и границы,
Свои президенты и свое правление,
Есть символы страны и свои столицы,
И свое по жизни к счастью направление.

Что есть уСНГ — мир того не знает,
Поскольку у него нет даже президента,
Этот СНГ как в космосе летает,
И наделен ли он посадочным моментом?

Много непонятного в СНГ аморфном.
Думает ли он в Союз объединяться?
Союз, известно, станет единым и комфортным,
С каким приятно будет как со страной общаться.

Но время свои воды катит в мир безбрежный,
А СНГ, как видит свет, никуда не катится,
Он средь моря стран остается смежным
И, по сути, сам в себе отвлеченно варится.

Как этим самим СНГ мир распорядится,
О том как самСНГ и мир того не знает:
То ль как бывший СССР он объединится,
То ль раздробленной семьей по свету похромает?

Будут эти семьи по земле ползти,
Будут выживать, как они умеют?
Они теперь не видят единого пути,
И где их путь конечный, они не разумеют.

И все же им хотелось бы иметь одну страну,
Как Франция, как Англия или таж Америка,
Враги на их свободу никак не посягнут
И не доведут людей до слез и до истерики.

В соседнюю республику сегодня не разгонишься,
Того не позволяет наш СНГэвский век,
У таможни гневно постоишь, поссоришься —
Ах, как ты опустился сегодня, человек!

Где святая дружба, доверие друг к другу,
Когда мы называли и напевали: «Брат!»,
Когда казах в России находил подругу
И отдавал соседу то, чем не был сам богат?

Тогда не знали люди никаких помех,
Никаких границ и никаких таможен,
Была одна страна — для многих и для всех,
И въезд в любую область был каждому возможен.

Сегодня позабудем про старое житье,
Нам сверху: «СССР с любовью вспоминайте!»
Теперь мы анахоретами у себя живем,
За это, дорогие, себя и обвиняйте.

За то, что не сумели СССР сберечь,
Подкупившись Ельцину, его друзьям и прочим,
Теперь вот СНГэвскую укрепляйте сечь,
А дальше жизнь свою вам правду напроорочит.

Коснется эта правда республик СССР:
Жить одной семьей что нам помешало?
Америка со штатами — не худший нам пример,
У какой на всех одно по жизни одеяло.

И все же есть резон нам вновь объединиться
В какой-то СОСР, какой нас всех сплотит,
О нас, великих, сможет любовью извне разбиться,
Если он с оружием к границам прилетит.

СОСР — Союз Объединенных Свободных Республик,
В этом есть лихая схожесть в бывшем СССР,
Россия бы должна сварганить этот бублик
И понести то знамя, как бывший пионер.

Тогда исчезнут чертовы таможни и границы
И у властей не будет кружиться голова,
А у СОСРа, видимо, появится столица,
Какая общим мнением прозвучит — Москва!

Мир на СНГ глядит, как на пародию,
У какого ни границы, ни столицы нет.
СНГ — отжившая, глухая категория,
Потомки не оценят его живой портрет.

Оттого и следует с СНГ расстаться
И породить единую красивую страну,
В какой просторы будут близко прикасаться
И, как в годы Ленина, с дороги не свернут.

Н. Слепцов

Пусть в СОСРе мы не будем порождать колхозы,
Пусть частник, как в Америке, всюду правит бал,
Пусть всюду под окном у нас алеют розы
И прежний нищий станет изысканный капрал.

Пусть в СОСРе том пшеница не слишком колосится
И не поднимается до колен трава,
Но улудей пусть будет единая столица,
Пусть ею остается по-прежнему Москва.

Все остальное, видимо, придет и утрясется —
Единый хлеб и рубль, единая семья,
И если горе общее над миром пронесется,
Еще тесней сомкнутся у СОСРа все края.

Великая страна всегда непобедима:
Единство даст ей силу, богатство, торжество,
Потому единство всем нам необходимо —
Как вера в нашу правду и наше божество.

Ну, а коли СОСР на карте не родится
И СНГ пытаться будет жизнь свою влачить,
Придется веку этому просто подчиниться,
За что современники не смогут нас простить...

4.

И вновь к «Простору» я, как к другу, обращаюсь,
На его страницах я не был десять лет,
Со своими виршами кручусь, черкаю, маюсь,
Оттого что я, наверно, все-таки поэт.

Конечно, не Твардовский и не Сергей Есенин,
Но все ж любитель нашей поэтики живой,

У какого на душе — жить красой осенней,
Когда природный лист страны и сердца золотой.

Для Любви свет Шашковой «Простор» — ее душа,
В нем у нее рождается свой стиль и своя статья,
Не каждая вещица в журнале хороша,
Она ее же заставляет светиться и блистать.

Как заблистали золотом стихи Шиленко Ольги,
С легендой и надеждой, что яблоневый дух.
Встревоженный людьми, становится он болью
И сладостною негой, изжившей злой недуг.

И правда, я ликую, что живу в стихах,
И в ночи завьюженной с Эрато обретаюсь,
Какая мне лепечет: ты предо мной в долгах,
Долг отдашь стихами, я за тебя ручаюсь.

Ты должен то найти, что всегда искал,
Чтоб строка поэта согревала душу,
Найдя крупичицы золота, их людям отдавал
И связь с литературой не терял, не рушил.

Долги те для поэта — с музою дружить
И своей богине кланяться Эрато,
Дружбою с какою ты должен дорожить
И быть ей не иначе как другом или братом.

Который, как Шиленко, спросит человека:
«Зачем ты вырубаешь на земле сады,
Делая природу поистине калекой?
За это человеку не миновать беды!

А ведь без сада, знаешь, птицы не гнездятся
И пчелы жизненным нас медом не сладят.

Рубить сады грешно, и надо б опасаться,
За что они людей листвою отблагодарят».

А дальне у Шиленко шиповник и цикорий,
Цветы, рассветы в сопках, восточное житье
И отчего-то подсолнечное море,
Какое станет жизнью и гаванью ее.

Молилась поэтесса Кришне и Аллаху,
Прося дать радость юрте, старцу и юнцу,
Ая бы попросил, чтоб Андрей Малахов
Упросил Шиленко к московскому дворцу.

Чтоб выступить прилюдно, душою отдыхая,
С «Зеленой колыбелью», «Творчеством», «Молитвой»,
С «Кудоргой», «Кунгуром», с «Зелеными стихами»,
С раздумьями над жизнью, над миром и над битвой.

Пусть ей в том помогут искусства свет и боги
И людская память, поросшая быльем,
Коль к слову у поэта есть своя дорога,
К ней и в непогоду он себя найдет.

Читатель казахстанский у нас равнодушный,
Он склонен к беллетристике, падок на стихи,
Умеет и хвалу, и критику прослушать,
Зреть творчество талантов хороших и плохих.

Мне ж хочется объять поэтов откровения,
Сделал бы я это и для бывшей прачки,
Знавшей жизнь нелегкую былого поколения,
Живущего сегодня без всяческой заначки.

И все же мы сегодня подмечать умеем
Нашей жизни праздники и нашу злобу дня,

Рождающих в поэтах разные идеи,
Мудрость в них людскую и любовь храня.

Меня так все же тянет мой стих живым увидеть
В «Просторе» хоть куплетом в одном из номеров,
Сокращения всякие вовсе не обидят,
Как и в назидание пара крепких слов.

А я поинтересуюсь, закулив сигару
И думая о бренности у нас литературы:
Мы ее сужаем иль подцаем ей пару,
Она теперь на гребне или в хвосте культуры?

Где романы типа «Абай» или «Обломов»,
Фильмы с казахстанским Бровкиным Иваном,
Мы на перепутье иль на переломе,
На крутом подъеме или на диване?

Где двадцатилетние Чоканы Валихановы,
Грибоедов, Лермонтов и Есенин свой,
Поэзия которых в небесном полыхании
Излучала жизни светтолько огневой?

Поросль, однако, мы пестовать умеем:
Колесников, Сараев, Татьяна Кушулун,
Орешкина и Кротов, мы их сберечь сумели,
Журналы ждут их на страницах в стране в любом году.

Владимир Третьяков, что втихом Кокшетау,
«Блуждающего форварда» не хочет повторить?
Читатель ждет стихи Широкова Виталия,
Может ли «Чингиза» он нового родить?

Татьяной Кушулун и нынче восхищаюсь
И верю ей, что осень горчила и горчит.

Может, оттого, что негаданно умчались
С земли обетованной залетные грачи?

Хочу и Полубоярцеву руку я пожать —
Он все-таки с забытой далекой перестройки,
Хочется потискать и душой понять
Его белый стих, нескладные их строки.

Наверно, я от жизни и вправду отстаю,
Повеет ли литературы не ведаю, не знаю,
Читаю, что журналы собою подают,
Где светил извечно я встретить ожидаю.

Хотел бы и себя увидеть на страницах —
Ах, какой душевный бы разгулялся той!
«Простор» же агадырцу можеттолько сниться,
Он поэт в кавычках и вовсе не крутой

«Есть стихи, что тотчас увядают,
Ибо корень их неглубоко,
Есть стихи, что, родясь, ожидают
Своего отдаленного срока».

В этом я с Мартыновым в корне соглашусь,
Хотя мне сроки дальние отродясь не снились.
С поэзией, однако, я в журналы рвусь,
Хочу, чтоб и сегодня там трошки потеснились.

Читая временами трудную поэтику
В крытом палисадничке или в гараже,
Душа не принимает чужую энергетику
И шлет на всех поэтов самого Беранже:

«О, гром стихов высокопарных!
Как ты противен мне и дик!

Толпа новаторов бездарных
Совсем испортит наш язык».

Чтоб того не делать, говорю: читай
Шашкову да Чернову, Абая, Ян Вон Сика,
Поэзию Сараева из Кокшетау знай
И в целом мир поэтики ведай многоликий.

Мне хочется проникнуть в мир нашей тишины
И видеть мир спокойным, без войн и без смерти,
И видеть Казахстана праведные сны
О жизни человеческой без всякой круговерти.

Читаю я поэтов в голубом «Просторе»,
За что я как читатель его благодарю,
Сколько б ни велось в журналах разговоров,
Я поэтов этих искренне люблю.

Мои ж стихи ничуть поэзией не блещут:
В них улично-дворовый, бедный лексикон,
Михайлова, Черновой и Шашковой вещи
Уж точно вызывают читателя поклон.

Мне ж с моей поэтикой бедной и безликой
Некуда податься, но стих во мне живет!
Хотя и понимаю — в поэтике я дикий,
Достойный одной визы: «Топорно, не пойдет!»

Я полною ряд поэтов слабых, первопробных,
Со смысловой сумятицей и языком небрежным,
В стихах своих корявых, хоть сдобренных и сдобных,
Все равно глядятся смешно и безнадежно.

А коли присмотреться — стихи мои избиты,
Они хранят не иначе одну лишь пустоту,

В них истый нафталин и сухость не изжиты,
И слишком они дают собой на простоту.

Мне бы надо в классику поглубже окунуться,
Чтоб объять в ней в целом поэзии материю,
И перед «Простором» залечь и зарекнуться
Выставляя подобие рифмованной мистерии.

Обозревая нынче наш творческий процесс,
Его пути развития и существования,
Литература в Казахстане — упадок иль прогресс,
Сил хватит у нее для роста с процветанием?

Видать, «Простор» любимый, тут логика верна,
Нас с вами седина и вправду уравнила.
Ах, только б в жизни этой наша седина
В нашу жизнь поэзии вторгаться не мешала!

Тому, кто все же книгу втихо молку пишет,
Я от себя и Бога хотел бы пожелать:
Пусть все ваши книги только правдой дышат
И никогда дитяток не бросает мать.

Наверно, я в поэтике с поэтами поверю,
Что мы часто мчимся в объятия листа,
Уподобляясь где-то блуждающему зверю,
Ищущему место пригреться и пристать.

Читал когда-то в «Ниве» Юрия Поминова:
«Хроника страны» — для меня шедевр,
Ту «Хронику» я истинно сравнил бы даже с гимном —
Так крепко в ней натянут человеческий нерв.

При Ельцине страна бурлила, кувыркалась,
С нею СНГ и немая Россия,

Здравые умы в миру лишь улыбались —
Ленина страна угроблена без силы?

Угроблена без войн и всяких революций,
Посидела тройка, тряхнула стариной,
Тут же породив охапку резолюций:
СССР не будет единою страной!

Но у Казахстана были волшебство и сила,
Это волшебство — его народный дух,
Какой развал Союза с горечью, но выносил,
И пламень к СНГ в нем тоже не потух.

Шаг страны Абая к ечастью и прогрессу
Нынче тверд и верен, печатен, как в строю,
Она стоит на страже народных интересов,
Видя в том и значимости, и долг, и жизнь свою.

«Что я желал бы под шатром судеб?
Всего, что вы желали бы, того же,
Чтоб легче и дешевле стал бы нынче хлеб,
А слово — и весомей, и дороже.

Наполним кружки, мудрствовать не будем
И первый гост такой провозгласим:
«Пусть будет хорошо хорошим людям
И по заслугам плохо всем плохим!»

Еще нальем и вспомним изречение,
Достойное громокипящих рек:
Пусть детство будет кратким, как мгновенье,
А молодость пусть длится целый век».

На том, друзья, закончим наш агадырский той,
Гамзатову за стих так от души поклонимся,

Поэтике же нашей, любимой и святой,
Как матушке родимой крестно и помолимся.

А я так, между прочим, и в «Ниве» помолюсь —
Здесь редактор Гундарев беседовал со мною,
Спрашивал, давно ли я своим стихам молюсь,
И «Ниву» отчего они обходят стороною.

Я сказал поэту: «Я лишь стихоплет,
С прочими известными равняться даже стыдно,
На свои марашки гляжу, как на помет,
Потому в печати их до сих пор не видно».

Я всего лишь слесарь сжелезнодорожной коркой,
А потом — снабженец, нужный, боевой,
Сорок лет поэтику считал своей морокой
И только лишь на «дембеле» стал ей вроде свой.

Время пенсионное — хоть трамбуй в кубышку,
Телек злополучный — тоже не родня,
Иногда заглянешь в потрепанную книжку,
Но и она не может разогреть меня.

Стали ж согревать лишь стихи и слово:
Откуда наваждение седому старику?
Женка так заметила: ты такой не первый,
В поселке не один поэт поет: «Ку-ка-ре-ку!»

На пенсии поется им отлени и безделья,
Потому как времечко им некуда девать,
Воттак-то и рождается их творческое зелье,
Какое кое-где приходится читать.

Бывают удивительно в них вкусы лихие,
Какие не мешают создать и седина.

Может, наступили времена такие,
Когда лишь сплошь поэтами заполнится страна?

Хотелось, чтоб поэты наши сроду не болели,
И родным им станет этот год Змеи,
А кошельки их нынче, как верблюд, полнели,
И чтоб они в свет Божий несли стихи свои.

Чтоб блистал стихами рабочий Темиртау,
За ним помчал вдогонку и городок Абай,
Чтоб Караганде и области они пели славу
И в целом прославляли карагандинский край.

Сеготаким красивым молодым народом,
Шахтерскими привычками края своего,
Где вперемежку шахты, фабрики, заводы,
Дающие работу всем до одного.

Караганде, как видит свет, есть чем погордиться,
В ней есть Юго-Восток, канал и Сортировка,
Ну, а молодежи есть где жить, учиться,
Ну и показать свою спортивную сноровку.

Вот и поживает мой шахтерский край,
Видать, и в нем рождаются писатели, поэты.
Их произведения на выбор — выбирай!
Только пусть журналы наши думают об этом.

5.

Полста лет я не был в своей столице южной,
Какова она сегодня со своим метро?
Ах, побывать бы в ней сейчас прямо или окружно!
Наверное, метротакой столице нужно,
Как и для читателя журнал страны «Простор».

Н. Слепцов

Ах, как хотелось б побывать на его страницах,
Годы мои старческие тогда бы впрямь продлились!
Над стихами старику и теперь не спится,
Его строки старые и нынче сохранились.

Мне сегодня восемь-ноль — годы не дерзання,
А перо, как в двадцать лет, тянется к бумаге,
Только нынче то перо на грани увяданья,
Посколь ему в мои года не блистать отвагой.

Утверждают, что «Простор» — это «Современник»,
Только не Некрасова, у нас Михайлов свой,
Какой влитературе, как в космосе Коперник,
Что подтвердил «Один меж небом и землей».

Мы можем и Михайлову, и времени поверить,
Что «Лермонтов словом заклал свое бессмертие»,
А жизнь так и сделала, судьбе его отмерив
Известность мировую на многие столетия.

О Лермонтове можно говорить бессечно,
Но я все ж Михайлову больше поклонюсь,
Михайлов о поэте имел свои расчеты,
Я тому ж Михайлову с «Простором» покорюсь.

Пусть говорят о Лермонтове многие и многое,
Но, как сказал Михайлов, видать, никто не скажет,
Оттого его эссе нашло к сердцам дорогу,
А новое другое вряд ли к сердцу ляжет.

Говорят, Михайлов — литературный гений,
Я народу верю, как и тому ж «Простору»,
К какому я иду отважно и без лени,
Надеясь с ним затеять о жизни разговоры.

Думаю, что разговор моих стихов коснется,
Когда они в «Просторе» перешагнут порог,
Тогда, быть может, молодость ко мне опять вернется,
И «Простор» преподнесет мне праведный урок.

Не ведаю, как мой «Простор» мной распорядится:
Таких, как я поэтов, в Казахстане море!
Тиснет он Слепцова или постыдится —
Я так проглочу мою мечту и горе.

Мне женка так бросает: «Брось ты это дело!
Писательское дело — не твое такси.
Ты лучше с мужиками развлекайся смело
И принять их в компанию начальства попроси.

Будете вы бить в домино, в костяшки,
А то и вовсе в шахматы станете играть,
Как водится, поднимаете с водочкой рюмашки,
За что не упрекнет вас ни отец, ни мать,

Поскольку вы уж сами дважды-трижды деды,
Пред вами даже правнуки, развлекаясь, скачут,
Вас обходит бедность, болезненность и беды,
Ваши бабки так поют и никогда не плачут».

А мой стих в «Просторе» будет мне лишь сниться,
Означать то будет — ты к мечте идешь.
Мечта эта одна — в «Просторе» появиться,
А там ты, может быть, до «Зазуши» дойдешь.

Что будет со стихами, не знает и Всевышний,
Все-таки «Простор» в стране — влиятельная сила!
Читатель, как мне кажется, «Простором» крепко дышит,
Посколь родился до войны, его везде носило.

Был он на полях страны и в животноводстве,
На стройках Балхаша, Сатпаева, Актау.
Оповещал, как шло в стране родное овцеводство
И как строится завод в новом Темиртау.

А поэты как-никак в «Просторе» появляются:
Шашковада Чернова, Рахманова Татьяна...
Мои ж стихи неведомо в каком углу валяются
И выйдут ли когда-нибудь, я того не знаю.

В «Просторе» появиться мне? Того мне не подарят,
Судьба такое счастье мне не прописала,
Коль мои стихи «Простор» как-то да отгладит,
То, может, и появится какое-то начало.

Случится ли такое — не знает и Всевышний,
У меня и вовсе слабая надежда.
Уверяю, что стихи какой-то жизнью дышат,
Хотя в стихах я стихоплет и полная невежда.

Мне уж вточь не дотянуть до поэтов этих,
А все как мне уж стукнуло восемьдесят лет,
Шашковада Чернова — истые поэты,
У меня такого дара не было и нет.

У них ведь родились и собственные книжки,
У меня ж набор стихов много лет пылится,
Вот и нынче я к «Простору» делаю подвижки:
Какой-то, может, колос мой в нем заколосится?

Надежда эта как-никак, а мою душу греет,
Хотелось бы подарок — стих хоть в старость получить,
«Простор» делать это у себя всё-таки умеет,
Мне так ради этого хотелось бы пожить.

В мою восьмерку длинную засветиться — счастье,
Это моя жизнь и моя судьба,
Я все же преодолел множество ненастий,
Мной владели стих, любовь, надежда и борьба.

Жизнь так сложна и все же так практична,
Не каждому дано ее и себя понять,
Поэты ее видят, как Пушкин, поэтично,
Готовые живую жизнь душой своей обнять.

Наверное, и я обьял мир какой-то жизни,
Жизнь детства, школы, работы и друзей,
В хрущевскую годину строил коммунизм,
А при перестройке — свой истый Колизей.

В него вместил я жизнь моего народа,
Со своей судьбою, сердцем и душой,
Как поэт я делал и свою погоду,
Увлекаясь жизнью и стихом — «лапшой».

На уши ее я никому не вешал,
Сам ее накручивал, сам же и глотал,
Мной руководил не иначе как леший,
Какой от стихотворства уйти мне не давал.

Менялись годы, люди, да и жизнь менялась,
Что-то в ней слабело, крепилось и росло,
Что-то старомодному со скукой подчинялось,
Напоминая старое без жизни ремесло.

Вдаваться в старину нынче неэтично,
Это и «Простор», думаю, отметит,
Со своей манерой классической, привычной,
Может, и мои марашки встретит и приветит.

На «Простор» хочу я возложить надежду,
Стих мой неказистый теперь в его руках,
Не думаю, он скажет: в поэзии — невежда,
Видящий себя парящим в облаках.

В моей душе блуждают грозовые тучи,
Слышатся раскаты, а то и вовсе гром,
«Простор» так остается моей мечтой летучей,
Хотя он и не ведает, по-моему, о том.

Но нужны ль ему летучие поэты?
У «Простора» к ним особое чутье,
Они блуждают мыслью в космосе и где-то
И потом приносят житие свое.

У меня так в житии — проба стихотворная,
От студенческой скамейки до седых волос,
Стихи рождались разные, времени покорные,
Однако до Есенина я так и не дорос.

До кого дорос я, знать мне интересно,
И стоит ли мне дальше с поэтикой общаться?
Ведь я и по сегодня людям неизвестен,
Хотелось бы об этом с «Простором» пообщаться.

Попасть в «Простор» поэту — непростая штука,
Попал — тебя прочтет ажтысяча читателей!
Потому попасть в «Простор» для меня наука,
Какую знают многие поэты и писатели.

Возможно, «Простор» станет для меня судьбою,
Какой на путь Есенина как-то да наставит,
Может, и смирюсь тогда я с судьбою и с собою,
Посколь меня «Простор» хоть как-то да прославит.

Пока же стихи я плету, как когда-то лапти,
Какие ни друзьям, ни свету не нужны,
А что над ними и сегодня не течет, не каплет,
Шашковы да Черновы им более важны.

Им нужны Доронин, Тулушева Елена,
Комов с «Земляками», Рахманова Татьяна,
Они в «Просторе» часты, я ж вязну по колено,
Отчего мои стихи и посылать не надо.

И все же я хотел бы в «Просторе» появиться,
Чтоб меня прочел бы какой-нибудь батыр,
И в глаза сказал бы: стихами надо учиться,
И кто не видел хуже дыр, пусть едет в Агадырь.

Здесь он и найдёт бездарного поэта
Со своей семантикой и своей судьбой,
Который по-есенински стряпает сонеты
С лирической страстью и с русской гульбой.

Я в свою звезду Есенина не верю,
Такая агадырская у меня позиция,
Неведомо, какую «Простор» меркой мерит,
Но, скорей, берет он живую экспозицию.

У меня в ней красовалось детство довоенное,
Военная година, Победа, целина,
Работа на «железке» возвышенно-примерная,
Что даже отмечала и сама страна.

А потом с годами родились дитятки,
Как водится, с годами и «дембель» подкатил,
Пожизни никогда я не попадал вдесятку,
Но творческий свой мир в Агадыре творил.

И сегодня даже в мазаевские годы
Я зайцев стихотворно боюсь и не ловлю,
Оттого, быть может, Пушкина природу
С детства и с отрочества и теперь люблю.

Известно, жить поэзией нужно дарование,
Как у Сулейменова, Ниязбек, других.
Я так постигаю свое самопознание
Из стихов Алма-Аты, их очарованием,
Поэтов Казахстана, мне сердцу дорогих.

Ну как тут не увлечься епископом Геннадием?
Он и служитель церкви, и ректор, и поэт,
Который жив не только божественным посланием,
Он со скрипкой может составить свой дуэт.

Дуэтом этим сможет он божеству молиться,
Перед Богом плакать, петь и попросить:
Дай, Боже, казахстанцам крепче возродиться
И еще богаче, чем Рокфеллер, жить!

А Нургазы Ардак с «Признаком», «Безмолвием»,
С «Клеткой» да «Яйцом», а я опять тут крайний.
С поэзией поэты эти, видимо, помолвлены,
Их «душа сама раскрывает тайны».

Ну, а за горы за Кудыкины зачем нам всем ходить,
Когда у нас поблизости поэт Чернова Надя?
Мы циклами рассказов ее можем жить,
Хотя мне женка говорит: не читай, не надо.

А все как там Полина есть и любовник Саня,
Все, что в жизни было когда-то у нее,
Она своих любимых любила и бросала,
И только лишь со мною у нее доброе житье.

О чем здесь речь ведется, читатель понимает,
Нынешний читатель — истинно Белинский,
Он знает Сулейменова, он и Блока знает,
И кто в стихах сегодня к ним подходит близко,

Мне же, агадырцу, к ним не дотянуться,
Правильно мне женка в экстазе говорит:
«Стар ты, Абдрахман, ты вон в догу согнулся,
Но в тебе любовь к поэзии горит.

И ты ведь, Абдрахман, с годами исписался,
Нет в тебе, как прежде, задора и огня,
Когда ты на скаку в людскую жизнь бросался,
Ни себя, ни черта, ни Бога не храня.

Ты душой своею пережил недуги,
Что ложились на знакомых и друзей твоих,
Им после всех деяний ты становился другом,
Им здравия желавший и подвигов лихих.

Ты людям помогал своим газетным словом,
Печать вторгалась в жизнь маленьких людей,
Жизнь каких ковалась молотком и ломом,
Начальство же вбивало ряд своих гвоздей.

Их не волновало отключение света,
Что вода в колонках зимою замерзает,
И люди нестерпимо ждут наступленья лета,
Но к ним по бездорожью сам черт не заезжает.

У бабушки Агафьи избушка развалилась,
Ее куры ножки подгнили и упали,
Баня поселковая стеною похилилась,
У Корпеша Тажина семь коней угнали.

Кадишу Корпешеву из дома выселяют,
У какой аж четверо маленьких детей,
Ее дом с соседскими под сноску попадает,
Где воздвигнут комплекс в двенадцать этажей.

Жилье найти сегодня — летучая проблема,
Какая и Корпешеву своим крылом коснулась,
Ей не помогли ни власти и ни небо,
А власти так и вовсе в своем кругу замкнулись.

Но ты, мой Абдрахман, как раз и был на стремени,
Строчил свои статьи, заметки, фельетоны,
На нихты не жалел ни себя, ни времени,
А власти упирали на деньги и законы.

Считаю, Абдрахман, ты хорошо работал,
За людей и правду всегда стоял горой,
Теперь же у тебя журнальные заботы,
Где ты ждешь услышать: «Агадырь — герой!»

Да, тяжела известная шапка Мономаха,
Как и твоя попытка выйти с книгой в свет,
Будь ты так талантлив, как Андрей Малахов,
Ты давно имел бы такой авторитет».

6.

Что б ни говорили, а поэзия мирская
Со времен Гомера всегда идет в народ,
Оттого по веку она всегда живая,
Поскольку с человеком за руку идет.

Ну как не поклониться известному поэту,
Который «Этот День Победы» победно написал,

А песенник и вовсе для строк напевных этих
Торжественные ноты у жизни откромсал.

А как не поклониться восточному созданию:
«На Востоке, на Востоке что за небо без луны?»,
Сосредоточивши поэта главное внимание:
«На Востоке, на Востоке что за жизнь без чайханы?»

И правда, жизнь Востока во многом необычная,
Хотя бы и без этой извечной чайханы,
Где поэт к привычному прибавит необычное:
«На Востоке, на Востоке что за жизнь без Астаны?»

И впрямь у Астаны обличие восточное,
По-своему особое восточное житье,
С той же чайханой желанной и привычной,
Со своим бывалым восточным бытием.

У Астаны, конечно, присутствуют нотки
И всеевропейскогживого бытия,
Она и путь прошла-то немеряно короткий,
Что малодля привычного восточного житья.

Однако в Астане Европа превалирует,
Что видит местный житель и издали заезжий,
Свою красу столица и нынче нивелирует,
А значит, она станет красивее прежнего.

Перво-наперво, скорее, красоту заметят
Писатели, поэты, весь пишущий народ,
Новшества у них извечно на примете,
От них же та примета к людям и идет.

У Астаны непревзойденно короткая история,
Мир как вечный Рим рождал тысячелетья,

А Казахстан наперекор всяким аллегориям
Воздвиг свою столицу за два десятилетия.

Сейчас в ней миллион постоянных жителей,
Это больше, чем в Караганде, Таразе да Шымкенте,
Город возводили разные строители,
Какие проживают на всей земной планете.

Какою станет в будущем Астана-столица,
Мир того не знает, не знаем и мы сами,
Кому-то она, может, будет только сниться,
А кто-то уже мчит по ней, как встарь, под парусами.

Что ж, пусть она под солнцем по-своему красуется,
Годы ее сделают, как и страну, моложе,
Ею наши предки тоже полюбуются,
И она им станет всех богатств дороже.

У Казахстана видится заметное богатство,
Отваги ему тоже с небес не занимать,
Казахстан так крепит со всеми свое братство,
А это помогает друг друга понимать.

Понимает Казахстан: Россия обновленная,
Которой и теперь мы крепко руку жмем,
Нам приветы шлют кавказцы отдаленные,
И мы им через горы свои приветы шлем.

Украина славит наше обновление,
Белоруссия приветствует страны Абая взлет,
Какая принимает любые поздравления
И ответный долгушевно отдает.

Что мы оставляем поколению нашему
В этот прагматичный СНГэвский век?

Целину мы двадцать лет не сеем и не пашем,
Сегодня о ней помнит лишь старый человек.

Что ж, не ожидали мы собственного флага,
И собственного гимна не ждали, не гадали,
У кого поболее богатства и отваги,
Тот смело жмет на нужные для скорости педали.

Пробиться нынче в Ашхабад или Ташкент проблема,
Наперво их денежку потребно заиметь,
А заиметь их можно по обменной схеме,
Какая нас не сможет обнять и обогреть.

А Европа, как-никак, свершила революцию
С марками да франками, да с итальянской лирой,
Их не подвергали какой-то экзекуции,
И евро столько лет уже живет в подлунном мире.

А почему бы в Алматинско-Ташкентском регионе
Среди пяти республик не родить валюту
Единую, которая, как евро, живет в любом районе,
Ато похлеще евро развернется круто?

К российскому рублю, к доллару и евро
Прибавится, возможно, какой-нибудь тенге,
Новая валюта не станет портить нервы
И даже приживется в азиатской стороне.

Пять республик наших с единою валютой —
Так это же великий Азиатский регион!
В нем новая валюта потечет попутно,
Чему и позавидовать заставить может он.

Может, позавидуют кавказские республики —
Единая валюта их сильней сплотит,

И мировую публику, изысканную публику,
К себе своей загадкой и богатством поманит.

А к России, может быть, подкатит Украина,
Белоруссия с Молдовой — вот это будет сила!
Трудно все же жить какой-то половиной,
Ведь жить такую жизнью люди не просили.

Не просили люди СНГродиться,
Не просили, чтобы им раздельно жить,
Они одной столице привыкли все молиться
И одной семьей в одной стране дружить.

Наверно, все же время нашу мысль разбудит
И как объединиться покажет нам пример,
Все прежние республики по-новой приглубит
И, может быть, родит подобный СССР.

А валюту новую, нашу азиатскую,
Мы все-таки обязан как-то да родить,
Мы ее, как гостью, встретим по-казахски,
Накормим бешбармаком и чай дадим испить

Из чаши золоченой с серебряной каймою,
Дав ей по-восточному и наказ восточный:
Быть всегда с народом вольной и живою
И отмечать все кризисы, урочный с неурочным.

Прочее блаженство время приумножит
И, возможно всех нас вновь объединит,
Союз объединенных нам и жить поможет
И дружбу еще более в народах сохранит.

А «Простору» я со старческой позиции
Пожелаю тиража, здоровья и друзей,

Поэтические этюды

А я в своей ухоженной в Агадыре светлице
Буду ждать набора всей «лапши» моей.

Ну, а коль «лапша» моя выльется в книжонку,
Я уж точно песню в экстазе запою,
Порадую друзей, прежде мою женку,
Я за победу эту за ценой не постою.

Конечно, за Есениным мне нынче не угнаться...
А нужен ли сегодня такой по жизни бег?
Наверно, все же лучше мне собою оставаться
И тискать на висках мой серебристый снег.

Жизнь для меня катит безмятежно,
Стихи в спокойной лежке, но не спит перо,
Иногда накатывает и рассказ прилежный,
Хотелось, чтоб «Простор» ему посулил добро.

Мне женка говорит: «Простору» помолись
И проси Всевышнего издать твои стихи,
Все-таки писать их, друг мой, не ленись,
Некоторые все же вовсе неплохи.

В целом же, жолдас мой, Абдрахман сердечный,
Все, что для «Простора» ты готовил и писал,
Думаю, пригодно лишь для растопки печи,
Потому как по-казахски ты простецкий шал.

Ну, а шал — по нашему просто старикашка,
Но старики, бывает, такое выдают!
Чему, бывает, рады читатели-милашки —
Те произведения в их сердцах живут.

В тебе я, Абдрахман, таланты обнаружила,
Таланты эти в прозе и в твоих стихах,

Ради строчек нынешних ты даже и не ужинал
И, кажется, молился, как истинный монах.

Считаю, Абдрахман, стихи твои читаемы,
В них живая жизнь и новый человек,
События, судьба и время узнаваемы,
Как и весь наш новый СНГэвский век.

Нынешнее время все-таки другое,
Не то, что было двадцать лет назад,
Мы песни не поем про Ржев и Бологое
И даже не выходим на праздничный парад.

Мы со своим достатком просто обленились,
Это видит СНГ, да и весь народ,
В своих проблемах новых мы просто закрутились
И отчего-то топчемся, не двигаясь вперед.

Как верблюды, топчемся с нашими машинами,
Какие, хоть убейся, а приносят смерть,
Где пешеходов давят выпившими шинами,
Что совсем нередко нам удастся зреть.

Законы в этой части крепко зачерствели,
Зачерствела тут же и душа шофера,
Точно в космос мчат они свои «Газели»,
Рождая на дорогах смертельные аферы.

Взметнули власти штрафы чуть ли не до неба,
За смерти так и вовсе бросают за решетку,
ДТП, однако, где бы шофер ни был,
Машины превращают в измятые коробки.

Наверно, мы привыкли с машинами возиться,
А для пешехода они осточертели,

Однако заставляют просто удивиться:
Почему на Западе ДТП исчезли?

На Западе извечная законная трезвянка:
За рулем поддатым? Да Боже упаси!
У нас так умудряются даже спозаранку
Засосать стопарик и сказать: «Мерси!»

Виной тому тут наша русская натура
С ее такой открытой и простой душой,
Какая по своей изысканной культуре
Старается всем сделать только хорошо...

Ладно, Абдрахман, про ДТП забудем,
Давай коснемся лучше всех твоих стихов,
Вдаваться в их концепцию и качество не будем,
Потому как все-таки ты истинный хохол.

Ну, а хохлу положено иконе помолиться
И просить Всевышнего твоим стихам помочь,
Со святой водою пред связкой появиться
И листки побрызгать в праздничную ночь.

Все проделки с рукописью «Простору» так до фени,
Важно, чтоб стихи твои дышали всей душой,
Знаю, ты писал их с любовью и без лени,
Хотя и называл их презрительно «лапшой».

Но из лапши бывают вкусы отменные,
От каких и правда слюнки истекают,
Некоторые блюда, как для царей — примерные,
Пробы из которых гурманы еничают.

Есть в миру такое мудрое поверье:
Коль святой водою страницы окропишь,

Книге не страшны никакие звери,
Ты со своею книгой в космос улетишь.

Кто ведает, кто нами и нашей жизнью правит —
Время, люди, боги иль сама судьба?
Кто наши подвиги и нашит книги славит —
Везение, удача, деньги иль борьба?

В жизни нашей многое, Абдрахман, неясно...
Как рождаются добрые и смелые стихи?
Что-то в них прекрасно, что-то и ужасно,
Где-то в них безгрешность, а где-то и грехи.

Возьми, к примеру, Лермонтова стих незабываемый —
Ну, тот, что он на смерть поэта написал.
Ах, сколько в нем огня, экспрессии желаемой
И сколько черной желчи, чем свет он обличал!

Иль возьми стихи о войне минувшей:
У каждого поэта в стих вложена душа,
Никто из них не стал вельможей иль чинушей
И не смотрел на жизнь глазами малыша.

Он видел в жизни нашей историю народа,
Жизнь многих поколений и своей страны,
Он различал в той жизни борьбу и непогоду,
И все же люди были своей стране верны.

Они служили ей и умом, и сердцем,
В жизни были тружеником, а не игроком,
Сама же жизнь бывала солона и с перцем,
Но ей не удавалось сбить шедших с каблуков.

Война рождала подвиги, смерти и героев,
Труд рождал в народе его доблесть, честь,

Какие проявлялись в небесах и в море,
Всюду, где наш человек был, бывал и есть.

О войне и вовсе наше поколение
Начинает книжек просто не читать,
Сегодня и поэты живут в своем забвении,
Им о войне не хочется думать и писать.

Она была жестокой и кровопролитной,
Но было это в старину, при царе Горохе,
В ней на века прославилась военная элита,
А простой Матросов не смотрится эпохой.

И сегодня на виду Жуков, Рокоссовский,
Конев и Панфилов, Ватутин и Чуйков,
Берзарин, Кузнецов, Петров и Малиновский —
Они нынче в памяти земли и стариков.

Им памятники люди воздвигли боевые,
Для памяти народной открыты их музеи,
Мы сегодня, правда, вовсе нетакие,
Мы на их портреты лишьлюбя глазеем.

А войне бы надо посылать проклятья,
Что способны сделать только лишь поэты.
Почему бы, Абдрахман, не поклониться братьям,
Что на войне погибли, и не черкнуть об этом?»

Часть вторая

Моя поэтическая осень

7.

А о войне мы в мае усердно говорили,
Что-то, между прочим, пролепетал и я,
Поэты о войне так опусы творили,
Что-то появилось и в моих краях.

Зайцев Николай промелькнул в «Просторе»
Со своей статьею «Нарисовать войну»,
О войне и батьке вел он разговоры,
О том, как батька с прочими защищал страну.

О том, как из «дегтярева» он косил фашистов,
Уничтожал пехоту и вражеских танкистов,
Как гранатной связкой танки подрывал,
Словом, жить спокойно фашистам не давал.

Слава богу, День Победы люди не забыли,
Не забыл, как видим мы, и доблестный журнал.
О войне немногие, но всё же говорили,
А Зайцев даже стих военный вслух нам прочитал.

Мне лишь остается поэту поклониться,
Ведь батька его даже в Агадыре бывал,
Чтобы из него в Акчатау пробиться,
Где он до войны с семьёю проживал.

Ах, как же мне знакомы Акматау с Шетском
И районный центр Аксу-Аюлы,
Зайцев-старший там бывал при времени советском,
Теперь они лишь стали памятью войны.

А Агадырь есть мой причал и мое начало,
Я здесь свою работу когда-то начинал,
С тех пор уж шестьдесят годочков пробежало,
Здесь и проявил я свой творческий накал.

На «дембеле» и вовсе он крепко укрепился,
Породив роман и вагон стихов,
С парюю из них в «Просторе» я крутился,
Что, видно, означало — был я без грехов.

Теперь же я, видать, пред Богом провинился,
Поскольку на стихи стал снова налегать,
Своей творческой богине вновь я повинился
И вновь стихи стараюсь старчески кропать.

Есть у меня и проза — очерки, рассказы,
Название для них я у Салтыкова умыкнул,
У Щедрина, конечно, по его книгам лазал,
И «Пестрые письма» похитить я смекнул.

И умыкнул, и ничего, вроде прижилось,
А вот что редакция на подвиг сей смекнут?
Сам Щедрин, наверное, мне б оборвал волосы —
Куда это потомки в своей стране идут?

Пред Щедриным я как-то все же повинюсь
И скажу, что пестроты и нынче нам хватает,
Хотя он пред собою видел только Русь,
Жизнь эту пестроту повсюду порождает.

Лет эдак двадцать пять в миру существовал
Район Агадырский, красивый и живой,
Он стране и хлеб, и пример давал,
В стране железнодорожной был он только свой.

Поезда водил он в южную сторонку,
А в другую сторону — в свою Караганду,
С поездами Агадырь справлялся очень ловко,
Но власти на него накликали беду.

Чем помешал стране Агадырь известный
Неизвестно людям и миру до сих пор,
Видно, Казахстану он стал неинтересный —
Его расстреляли по-нашенский, вупор.

Вот взяли расстреляли, как врага народа,
В том злополучном девяносто седьмом,
Район Агадырский, видно, стал не в моде,
Оставаясь модным лишь в себе самом.

В Агадыре сегодня одиннадцать тыщенок
Жителей — и старых, и больно молодых,
Он видит свои зори утрами спозаранок
И строит свои планы, людям дорогих.

У него повсюду залатаны дороги,
У него повсюду ложат тротуары,
Его не донимают несчастья и тревоги,
Только «Агадыр таны» с вывески убрали.

«Агадыр таны», мы помним, в переводе
Означал не иначе «район Агадырский»,
Какой был просто дорог местному народу,
Он ко всем селениям подбирался близко.

Люд железнодорожный сюда добирался
Поездом за самые малые часы,
В райцентре Агадырь с делами управлялся
И говорили райцентру: «Дорогой, мерси!»

Нынче же райцентр в Аксу-Аюлы утнали,
Который от «железки» за сто верст стоит.
О чем распорядители думали-гадали?
Но им население проклятья говорит.

Еще они убрали район Молодежный,
Который в Осакаровку за двести верст свели,
Неведомо, чьей властью было то положено,
Но, говорят, то напасть от неба и земли.

Кому-то помешали красивые районы,
Тот же Агадырский, тот же Молодежный,
Получили ль главари медали и кулоны,
Только людям без районов стало невозможно.

Об этом в «Пестрых письмах» я и говорил,
Но кто их прочитал — не ведаю, не знаю,
Сказать об этом вслух хватило моих сил,
Себя же поучительно я и поучаю:

Прежде чем писать о вещи, человеке,
Ты его природу и жизнь изучи,
Не влезай в их душу, как нынче в ипотеку,
И не слишком громко о их судьбе кричи.

Конечно, «отрешиться от забот с волнениями»,
Которые своя же политика несет,
Мы врядли сможем сделать с нашим поколением,
У нас в эпохе нашей теперь не тот народ.

Уже двадцать лет как СССР распался,
Ему в одной семье надоело жить?
На свои республики под небом он распался,
И какому черту обязан он служить?

На этом бы и надо поставить многоточие,
Вроде что давило, то и рассказал,
Но что-то шевелится — мысль не закончена:
Ты картину жизни в миру не показал.

Не показал, что в свете и в миру творится,
У нас так День Победы, а в миру война,
У нас салют Победы огнями возгорится,
И великой поступью вперед пойдет страна.

О Казахстане нынче знает мир безбрежный,
Знает даже самая отсталая страна,
Знает, что живет он своей мечтой надежной
И что власть народа в нем как никогда сильна.

В нем слиты воедино Президент и люди,
А это восемнадцать миллионов человек,
Какие чтут себя и Президента любят
И хотят, чтоб не кончался их счастливый век.

А год Обезьяны и для поэтов важен:
Он нам Независимость в который раз принес,
Для поэтов станет он творческою блажью,
И даже для таких, кто сединой зарос.

Были мы детьми войны, ими и остались,
Мы послевоенные залечивали раны,
Республики в Союзе дружили и братались,
Сплетал воедино Библию с Кораном.

Об этом замечали писатели, поэты,
Об этом говорил и весь честный народ,
Нынче в век нелегкий говорят об этом,
Но мир сегодня к миру по-своему идет.

Арабский мир над миром только насмехается,
Для него святые — терроризм, огонь,
Он в своих границах отшельником мотается,
Готовый лить морями хоть какую кровь.

И льет, сжигая заживо пленников несчастных,
И отрезает головы у живых людей...
Мир цивилизованный, почто ты безучастен,
Зачем ты допускаешь фашизм наших дней?

Арабское невзгодье шагнуло в век Гомера,
В первобытный век, в рабство Спартака?
Резать живым головы — мир не знал примера,
Достойный мирового большого кулака.

Так нет его в миру, и головы слетают,
Какие человечество в свои приборы зрит,
Зрит и ничего в миру не принимает,
Надеясь, что арабы укатятся в зенит.

Мир нынче для поэта просто непонятен,
Его и человечеству часто не объять,
Арабские подвижники просто неохватны,
Но мир и не намерен что-то предпринять.

Земное человечество в двадцать первом веке
Допустить не должно никакой войны,
Планета наша красится только человеком,
В нем все процессы жизни как никогда сильны,

В нем наше долголетие и наш далекий космос,
В нем жизнь человечества на бесконечность лет,
Понять народу это и теперь непросто,
Понять того не может даже и поэт.

И все же пред поэзией склоняю голову,
А перед поэтами и вовсе поклонюсь,
Поэзия, считаю, дала мне нечто новое,
От чего и в старости я не отрекюсь.

Осталось лишь просить у Бога долголетия,
Чтоб себя увидеть в голубом «Просторе»,
Сегодня вновь надеюсь на пламенное лето:
Со мной журнал, возможно, затеет разговоры?

Мне есть чего сказать ему проседью поэта,
Как дитя войны я много повидал
И даже написал про жизнь вот поэму эту,
Видать, она и подведет мой творческий финал.

И все же сказать спасибо надо казахстанцам
За новую столицу, за наш новый век,
За Президента нашего, какой от иностранцев
Нас все же отличает — в нас новый человек!

Жив он своими мыслями и своим стремлением,
Жив красивой жизнью, счастливой и богатой,
Большому миру в СНГ — на удивление,
Когда у всех есть родина, дом родной и злато.

И все ж гляжу поэтом я в небо голубое,
В нем звездам нет числа, и с ними Млечный Путь.
Ясно, это космос. Но что это такое,
Скажет кто-то в мире сейчас, когда-нибудь?

Откуда этот мир бескрайний появился,
Откуда эти звезды, Солнце и Луна?
Наш предок-человек тоже удивился,
Когда Земля лишь мамонтами была заселена.

Почему Земля вокруг не везде приветная,
Где-то горы, море, где-то лишь пески,
Где-то сплошь леса и благодать конкретная,
А где-то ширь безбрежная и малые лески?

Но человечество Земли повсюду проживает,
Живет оно в лесничестве, близ моря и в песках,
Оно вершины гор и шири обживает
И даже строит жизнь на водах и морях.

Природе, может, стоит судьбу благодарить,
Что человек в контакте с ней, с любовью и в борьбе,
С мамонтова времени он продолжает жить,
За жизнь свою обязанный природе и себе.

8.

Пушкин был убит где-то втридцать восемь,
Лермонтов и вовсе ровно в двадцать семь.
Где ты в своем злате, поэтическая осень,
Дающая плоды народу каждому и всем?

Ты всегда цвела в поэтах неустанно,
Жизнью поэтов не ведала конца,
Она вела по жизни всегда и беспрестанно,
Рождая в каждом веткутворца и мудреца.

Пусть та ветвь цветет и нынче своим солнцем,
Радую и жизнь, и космос, и людей,

Склоняя свет и счастье над любым оконцем,
Чтобы мир не ведал ни о какой беде.

И чтобы век поэта длился долго-долго,
Чтоб у него не старилась ни песня, ни душа,
Чтоб она бежала, точно речка Волга,
Какая, как и песня, светла и хороша.

Пусть жизнь у поэтов сроду не кончается
И будет много длиннее, чем у того же Блока,
Где жив поэт земли, там песня не кончается,
Бегущая по миру радужным потоком.

Были дни... Прожил я две длинные семерки,
И что ж я оставлю свету своему?
Одну в блокнот задрипанную тонкую книжонку,
Не нужную, как видится, на свете никому?

В книжке той всего лишь сто одна страница
С каким-то завихрением и дюжиной стихов,
В каких мелькают больше лишь старческие лица
С обилием у них обетов и грехов.

Две семерки, говорят, это все же жизнь,
В какой я жил, работал, учился и писал,
С целинниками строил хрущевский коммунизм
И на целинных свадьбах молодцем плясал.

Где нынче те задорные свадебные пляски,
И где она, бывшая родная целина?
Она теперь не иначе как в волшебной сказке,
Какую забывает мир и даже вся страна.

А вот нынче осень снова подкатила,
Подкатила к школам и наша ребятня,

Да, нынешнее время колесо родило,
Какое удивляет время и меня.

А вот в свою аульную школу мы ходили
С тряпочными сумками и даже босиком,
И все же свою школу мы трепетно любили,
Какую вспоминаю я даже стариком.

Война еще далеко где-то продолжалась,
А я уже ходил в класс первый и второй,
Сверстники и я не слишком наряжались,
Главное, мы были дружною семьей.

Ели только то, что карточки давали,
Отчего нам кушать день и ночь хотелось,
Магазины вообще нас не одевали,
На торжествах каких-то нам никак не пелось.

Вот так мы и росли, учились, выживали
И встретили Победу горячею душой,
И, может быть, впервые песни запевали,
А мама накормила домашнею лапшой.

Ах, время то минуло и погрузилось в вечность,
Но память отчего-то его в душе хранит,
Были в том далеком бедность и сердечность,
Только стих об этом и может говорить.

И все же проснуться хочется в далекой деревеньке,
Где ни машин, ни шума, ни вечной суеты,
А с позаранку женщины, прищурившись маленько,
Любуются восходом солнца и мечты.

Выгнаны на пастбища корова и телята,
Кувшины наполнены до края молоком.

А тут и просыпаются детишки и цыплята,
Катятся к питанию враз и кувырком.

Встаю и я с натягом и люблюсь небом,
Оно здесь не такое, как в городе моем,
Здесь оно не иначе как пахнет теплым хлебом
И травой зеленою, какой к реке идем.

Речка в деревеньке — счастье и загадка,
Она всегда искрится небесной синевой,
У воды я делаю привычную зарядку
И бросаюсь в воду навзничь головой.

А потом люблюсь тихим переплеском,
Кваканьем лягушек в заводи густой,
Плюханьем прилетных, вздымавших волны плеском
На речном зеркалье с вечной красотой.

Так и просыпаюсь я в далекой деревеньке,
Любуюсь разнотравьем и пеньем соловья...
Ах, где ты, моя матушка, где ты, моя нянька,
Какую забывать стал на этом свете я?

Жена сказала: «Абдрахман, вроде ты потертый,
Но в тебе я вижу Ивана Калиту,
Ты перешагнул уже свой семьдесят четвертый
И постиг в поэзии живую высоту.

Не знаю, как откликнутся журнальные товарищи,
Но в твоих стихах жизнь всегда живая,
Ты никогда не пишешь о смерти и кладбищах,
Тогда как в нашей прессе тенденция такая.

В газетах и журналах со смертью ты встречаешься,
Строки их извечно панихидой пахнут.

Одни так уверяют: жизнь уже кончается,
Нам лишь остается коллективно крикнуть.

В твоих же, Абдрахман, стихах я вижу только небо
Извечно голубое, как и жизнь людей,
Ты ни одной строкою на том свете не был,
А люди так и вовсе не знают о беде.

Тебя недаром кличут: ты, Абдрахман, народный,
Народный оттого. что ты с людьми всегда,
А это для народа подвиг благодарный,
Какой бывал в народе отныне и всегда.

В твоих стихах герои дышат только солнцем,
Утрами умываясь рассветом и росой,
И даже дед, проснувшись, отворил оконце
И вышел за околицу потраве босой.

И у тебя такая же жизненная тоника —
Радовать жизнью округу и людей,
Тебя никак не давит террористов хроника,
Ты с живою жизни среди людей везде!

А это дает право жить твоим стихам,
Какие даже лечат израненную душу,
В стихах твоих огонь бессмертья полыхал,
Думаю, бессмертье он и нынче не нарушит.

Оттого, наверно, стихи твои читают,
Они всегда стремятся к дружбе и любви,
Ну, а те, кто любит — никак не умирают,
У них живая жизнь в их сердце и крови.

Чего бы мне хотелось, Абдрахман известный?
Чтоб твои стихи по свету разбрелись,

Они в поселке нашем стали интересными,
Оттого что в них душа и живая жизнь.

А мы с живою жизнью не ахти общаемся,
Нас отчего-то тянет в разборки и во тьму,
На уличных тусовках мы на людей бросаемся,
И в воде мы топим подругу, как Муму.

В подлунные часы нам никак не спится —
В кафе да ресторанах денежки стучат,
Оттого дурная кровь нам в голову стучится,
И мы крадемся к деньгам повадкою волчат.

А все как жить нам в роскоши и богатстве хочется,
Ездить на Канары, отдыхать в Крыму,
За самыми красивыми красотками волочиться
И наполнять теньгою бездонную суму.

Бывает, нам такое как-то удается,
Деньги и преступность руки нам не жгут,
А дома даже женка приветливо смеется,
И дети на поверку свой дневник несут.

Но жизнь свою правду, как точило, точит,
Правда раскрывается, и мы уже в узде,
Следствие особые обвинения мочит,
И мы остаемся в судебной борозде.

Ну, а там отсидка в тюремную решеткой
И анализ жизни собственной своей...
Так о чем же думал этот ум короткий,
В обществе живущий и среди людей?»

Жена меня сегодня по-свойски укорила,
Хотя и накормила гречневою кашей:

«Для тебя поэзия, что суп для крокодила,
И из тебя поэт, что из Обломова Лев Яшин.

А коль ты неудачным сочтешь сие сравнение,
Я тебя открою людям по-советски:
Из тебя поэт — это многих мнение —
Что из Коробочки, по Гоголю, Майя свет Плисецкая.

Хотя ты, дон Амросий, пишешь неустанно,
По-своему кропаешь поэмы и стихи,
Оставаясь прежним — напорным, не усталым,
Хотя к твоим писулькам редакции глухи.

Видно, им нужны Есенины да Блоки,
Твардовский с Евтушенко — они бы нарасхват.
Ну, а ты, мой Педро, от них, как Бог, далекий,
И не говори, что Лермонтов учитель твой и брат.

Полста годков, Акакий, ты стихи кропаешь,
Но ни одной строки твоей свет белый не видал,
Наверно, ты бездарен и людей не знаешь,
Иначе тебя, Абрам, хоть кто-то бы да знал.

Полистай когда-нибудь нашу периодику,
Стихов твоих там испокон и близко не водилось,
Во всей твоей, Крузейро, литературной хронике,
Видно, жизнь такая, что и попу не снилась.

Так что, Абдрахман-оглы, из тебя писатель,
Что из СНГ беспутного великий СССР,
Так ты и остался простой бумагомаратель,
Чему дает весь твой писательский пример.

Ну, кто ты есть на деле? Пятнадцать лет слесарил
И целых двадцать восемь снабжению служил,

На огне холодном ты поэмы жарил,
А на стихи и вовсе полжизни положил.

И на склоне лет ты стихами маешься,
А это есть болезнь с хроническим налетом,
Плохо, что с поэтами ты почти не знаешься,
Они б тебя наставили, как пишутся сонеты.

Думаю, что Лермонтов — гений от природы,
Вряд ли он тебя стихи писать научит,
Лермонтов был в гуще своего народа
И всегда был в жизни боевой-кипучей.

Так что, Абдрахман Сакенулы Калкенович,
Тебе со стихами потребно завязать,
Их белый свет не видывал, ноты чужим завидовал,
Тогда как твои личные умеют лишь молчать.

Молчат, как партизаны у немцев на допросе,
Хотя, как мне известно, им есть чего сказать,
Не знаю, как редакциям, мне ж лично интересно
Твои стихи прощупывать и вдумчиво читать.

Я вижу в них движение совсем не сонной мысли,
В той мысли — жизнь времени и твоя судьба,
Ты шел по жизни смело, не стонал, не киснул,
В тебе жили смелость и твоя борьба.

Тебе лишь остается со стихами ладить,
Может, и учиться придется у других.
Может, просыпаться не стоит с петухами
И корпеть над строчками, тебе лишь дорогих?

Не знаю, как судьба тобой распорядится,
Что будет со стихами — их у тебя вагон!

Ты к ним безразличен, а вот мне не спится:
Наступит ли печатный для тебя сезон?

Сколько зим и весен за жизнь твою промчалось,
Но не одной не скажешь ты: «За стихи мерси!»
С печатью у тебя никак не получалось,
А нынче даже некого о том и попросить.

Таланты пробиваются аж в толстые журналы,
А тебя простая «районка» не берет.
Не знаю, где они, печатные каналы,
Может, после смерти тебе и повезет?»

«Ну, Гульчатай Калкеновна, с этим ты побойсь,
Хотя мне правда стукнуло ровно семь и семь,
А жить, однако, хочется, хоть облаком умойсь,
И о смерти думать не хочется совсем.

Мне до годочков Зельдина вовеки не дожить,
Адо годов Рязанова очень бы хотелось,
Я б родной поэзии еще бы мог служить,
Мне бы с ней жилось и по-стариковски пелось...

Я все ж хочу, Винченция, и ты того же хочешь,
Хотя б на смертном одре стихи мои узреть».
«И все равно редакциям ты голову морочишь,
Ты все равно не сможешь соловьем запеть!»

«Как будет все на деле, наверно, жизнь покажет,
А пока, Винченция, закончим этот стих,
Время моим виршам только кукиш кажет,
Отчего мой голос в поэзии затих».

«Смотри, Мехмет-оглы, ты со стихами борешься
И никак не веришь в их добрую судьбу.

Может, ты под старость посильней расколешься
И начнешь в поэзии вести собой борьбу?

У Горького известно какие университеты,
А какое золото он стране оставил!
Он был настоящим писателем-поэтом,
Оттого и родину на все века прославил.

Тебе ж, Мехмет-ага, есть у кого учиться,
Но кольты со етихами, то учись у Блока.
Может быть, со временем и твой стих сгодится,
И ты никак в поэзий не будешь одиноким?»

«Твои слова б, Винченция, да Богу в уши, в уши,
Чтоб он распорядился мои стихи издать,
Я стал бы тому Богу, как дитя, послушен
И стал бы пуще Блока стихи свои писать».

«Давай на этом закончим наши разговоры
О бренности большого слепцовского стиха,
Литература ведаёт все споры-разговоры
И разнесёт твои стихи по-русски в потроха!

Нынче твои мысли, вижу, набекрень,
Уж точно они сдвинуты, Сегизбай, годами,
Тебе утрами стало даже бриться лень,
Отчего сравнился ты с лохматыми плодами.

Но все равно, Абдукарим, стихи твои играют,
Я вижу, ты ночами судьбу свою творишь,
Стихи твои уж новую тележку заполняют,
А ты все о бездарности Слепцова говоришь.

Не следует противиться к Блоку притяжению,
Пусть стихи твои сейчас бездарственны и ломки,

Когда-нибудь, мне верится, исчезнет напряжение,
И твои книги после нас издадут потомки,

Такое уж бывало в миру на этом свете:
Человек писал стихи, а его не знали,
Стихи ходили подружкам вскомканных конвертах,
Какие не печатали и вольно распевали.

Возьми того ж Высоцкого — какая энергетика!
Его песни стали истинно народными,
Но в брежневскую пору из-за какой-то этики
Стихи его считались почти антинародными.

Так при жизни знатного актера и поэта
Страна стихам Высоцкого дорогу не давала,
Печать и клика Брежнева не думала об этом
И даже Солженицына из страны изгнала.

Такое уж бывало, жизнь не провести,
Предки уважали наш стих живой и слово,
Они могли и в малом золото найти,
Хотя тогдашний мир был все-таки суровый.

Потомки, то есть мы, пережили многое,
Пережили вечный для страны царизм,
Начинали жизнь свою с малого, убогого,
Родив в стране колхозы, «врагов» и сталинизм.

«Враги» своей виновности никак не признавали,
Но их судила тройка судом большевиков,
Их и наговорами, и грязью поливали,
И уничтожали даже стариков.

На каторгу ссылались и те, что воевали,
Но побывали пленными в фашистских лагерях,

Их в конце войны свои освобождали,
Но не пускали к женам, детям, матерям,

А гноили каторгой в рудниках, на стройке,
На глухом сибирском лесоповале,
Сталинская клика орудовала бойко,
Людей уничтожая, как мышей в подвале.

И только смерть вождя и отца народов,
Позволила народу, да и стране вздохнуть,
Кто был «врагом народа» — вышел на свободу
И начал в стране строить просоветский путь...

Вот такие были, мой старик Айпетри,
Дела в бывалом, старом, забытом СССР,
Где жизнь часто пахла каторгой да смертью,
Что не должно в будущем нам давать пример.

Сейчас о тех годах мы просто забываем,
И лишь литература нам что-то и дает,
Сталина эпоху мы, конечно, знаем,
Потому как двадцать первый век по земле идет.

Меня, конечно, больше твои стихи волнуют:
Увидят они белый свет или будут спать?
Они хоть как-нибудь «Простор» заинтригуют,
И смогут ли печатно ихон миру показать?»

И все же «Простор» от Агадыря, как небо, далеко,
То и моя женка узрела, Дарига.
Дойти мне до журнала вовсе нелегко,
А до смерти, может, только три шага.

9.

Люблю листать «Просторы» разных дней и лет:
Читаешь, вспоминаешь, чем-то увлекаешься...
Старческая память им говорит: «Привет!»,
А тут по-новой как-то берешь да ободряешься,

Вот прочел Шашкову, «Спасибо за беседу».
Ах, Господи, когда-то это я читал
И даже поделился мыслями с соседом,
Который о «Просторе» сном-духом не слышал.

Он не имел понятия, кто Любовь Шашкова,
Чернова и Потахина, и поэт Михайлов,
Но меня он слушал, поддакивал и окал,
И говорил, что на «Простор» подписаться надо.

А дома о Потахиной вновь и вновь читал,
Ах, в восемьдесят седьмом и мне полста рвануло!
Меня так в эти годы вообще никто не знал,
И только женка за столом что-то мне шепнула.

А за столом-то мы вдвоем, да сын и его женка,
Вкусности какие-то да красная наливка,
Мы пока не знали огня и напряженки,
Лишь была работа да своя поливка.

А поливали мы тогда свои огороды,
Какие агадырский люд как-то да кормили,
Как помнится, не сладостные были тогда годы,
Какие тогда многих в бедность уводили.

Я в депо слесарил аж три пятилетки,
Был передовиком, был на доске почета.

Был добрым семьянином — нарождались детки,
А жизнь так катилась без всякого учета.

И вот так до «дембеля» спокойно докатилась,
А «дембель» — его просто некуда девать,
Семья сына на Алтае тихо поселилась,
А мы в Агадыре остались жить да поживать.

Вот как раз на «дембеле», надо иль не надо,
Меня стали доставать разные стихи —
Стихи о жизни нашей, о мечтах, отраде,
О хороших людях, а то и о плохих.

А плохие люди взяли да убрали
С карты Казахстана район Агадырский,
Двадцать пять годочков его обожали,
А потом толкнули к развенчанью близко.

Да, плохие люди Агадырь замкнули,
Но он не затерялся, он близ Караганды,
Жители поселок свой в солнце окунули
И районом прежним были все горды.

А был когда-то Агадырь в Джезказганской области,
Какую тоже люди эти взяли да убрали,
Джезказган остался на равнинной плоскости,
Его ветры Байконура часто обдували.

А ведь поэт Потахина что-то вспоминала
О джезказганских буднях еще времен Карлага
И с откровенной горечью о тех днях писала,
Может, даже на клочках скомканной бумаги.

Помнила Шашкова и Тарази Акима,
Известного писателя, поэта, сценариста.

Который Алматы все-таки покинул,
И стал по прописке вечным астанистом.

Тарази в тринадцатом стукнула восьмерка,
Может, и с неожиданным, но крутым нулем,
Свои пьесы зрел он, бывало, и с галерки,
Он все же видел жизнь, какою мы идем.

Шашкова постаралась не упустить Скалковскую,
Какая отмечала восемьдесят пять...
Завидую поэтам завистью слепцовскою,
Какие могут здорово и прозою писать.

Завидую немало я Михайлову Валерию,
Его завидной прозе и большой поэтике,
Хотелось бы в журнальную попасть кавалерию,
Ах, сколько бы прибавилось в жизнь энергетики!

Но, видно, у журнала есть свои законы,
Они определяют творчества таланты.
Я молюсь «Простору», как святой иконе,
Может, «Простор» станет для меня гарантом?

Ну, а женка говорит: «Брось ты это дело!
Ты «Простору» нужен, как зайцу вытрезвитель.
Таланты так в «Просторе» погуливают смело,
А ты — колхозный Ванька, ты простой воитель.

В тринадцатом году тебя в «Просторе» тиснули —
«Диалог с другом», но тиснули отрывки,
А все как твои строки для журнала кислые,
Тогда как ты поэмой разразился пылко.

Чем им помешали, если по-серьезному,
Хотя бы эти строки, ты им навел концы:

«Мы пережили всякое, и сорок первый грозный,
Где сражались наши братья и отцы»,

«Все наши достижения даром не даются,
Вложен труд народа, страны и Президента,
В своем стремлении к счастью они в пути сольются —
Вот когда воспрянут песня и поэты!

Чего нам не хватает, если разобраться?
Наверно, наше счастье делать нам самим,
Сил у нас хватает, надо только взяться
И пожелать такого всем остальным другим.

Хотелось пожелать бы бесплатного лечения,
Бесплатных альма-матер, бесплатного жилья,
Чтобы бесквартирные закончились мучения
И наконец вселились бы в светелки ты и я.

Чтобы у нас были лучшие дороги,
Чтобы у нас строились лучшие дома,
Чтобы мы забыли про всякие тревоги
И чтоб нас не страшили морозы и зима.

Пусть наши годы мчатся чередой
С нашими свершеньями, надежды и мечты,
Пусть Казахстан великий и его народы
Рождают только счастье в объятиях красоты.

Есть у нас для этого мудрость Президента,
Воля казахстанцев, их жизненный порыв,
Планы и стратегию наш Президент наметил,
И Казахстан уж сделал первый свой заплыв.

Плыть придется нам по жизненному морю,
Вест нам не поможет, как и никто другой,

Мы сами покорим его ширь-просторы
И на землю ступим твердою ногой.

Верится, все верят, что так оно и будет,
Казахстан уж сделал первый свой полет,
Всех кто еще дремлет, он все равно разбудит
И ко всем свершениям поведет вперед.

Для многих несведущих наступит и прозрение,
Они все же жили надеждой и борьбой,
Наверное, на всех на нас нахлынет озаренье,
И мы из своей страны не ступим и ногой.

Не станут нам нужны Германия и Штаты,
В нашем Казахстане тоже будет рай,
Мы идем к победе, как шли в войну солдаты,
И сделаем богатым свой великий край.

Хотелось бы, по правде, чтоб к широким далям,
Пусть и по особому восточному пути,
Люди, взявшие за руки, каждый раз желали
Сплоченно к светлым далям всем обществом идти.

Чтоб напрягом дружеских и спаянных усилий,
Своею прозорливостью и светлостью ума,
Сплоченьем средств народных, людской мечты и силы
Народы все творили лишь добрые дела.

И, конечно, были бы счастливы, как боги,
К тому ж здоровы сердцем, телом и душой,
Чтобы обходили их несчастья и тревоги,
Чтобы всем землянам жилось лишь хорошо.

Ну, а выше счастья, пусть даже и восточного,
Нет в мире ничего дороже и священной,

Наверно, ничего нет на земле порочней,
Чем бедность и убогость в век наш просвещенный».

«Что им помешало тиснуть всю поэму?
В ней оптимистичный пролетал конец!
Ты кланяешься людям, времени и хлебу,
Тебе должны бы были сказать: ты молодец!»

«А все же, дорогая, я кланяюсь «Простору»,
Он «Играй, гармонь» мой тиснул целиком.
Сколько у соседей было разговоров!
А я ведь был Хоттабычем, полным стариком...»

Коль такие вещи мне нынче удаются,
Значит, мне потребно переходить на прозу,
Ну, а на стихи, что в холоде куются,
Я должен загвоздить крепкую занозу.

Равнять себя не надо мне с «просторненским» народом,
Мне до них уж точно, что до Лондона пешком,
Они в литературе делают погоду,
А я так остаюсь Хоттабом-стариком.

Старик этот умеет, что и дети тоже —
Всякие слова складно рифмовать,
Нарифмовать он целую вагонетку может,
Какую также сможет друзьям своим раздать.

Хотел бы написать я наподобие Черновой:
«Л итературы нет — литература есть»!
Нет, я никогда не стану в литература новым
И не защищу литературы честь.

Мне суждено в словах корявых кувыркаться,
Они в просто народье, во дворах живут,

А потом случайно в «Просторе» оказаться,
Где им на страницы движения не дадут.

Со мной случалось это, в общем, не однажды,
А все как стихоплет я, а не большой поэт,
Если так писать начнут многие и каждый
То и правда у нас станет: «Литературы нет!»

А она ведь есть как есть! Кто ее движет?
Те же, кто нам дорог — читателям и мне,
Те, кто к литературе и к «Простору» ближе,
Кто на литературной казахстанской стороне.

10.

С «Простором» мы сегодня особо кувыркаемся,
Особо крепко спаяны, ничем не разольешь,
Особо оттого, что с женой мы стараемся
Узнать, чем дышит мир земной, чем дышит молодежь.

Может быть, кому-то это просто барибери,
Только нам обоим уже сто пятьдесят,
Как бы мы с бабушкой того ни хотели,
А годы наши под луной и в космосе висят.

Куда людей уводит старость? В неведомые дали,
В подлунное пространство, в голубизну небес,
Над ними облака другдруга в бок толкали,
И глядит на них в округе придорожный лес.

Правде, стариковские это рассуждения,
Ведь кроме «Простора» нашего нам нечего читать,
«Нива» оказалась в неизвестном удалении,
Какую остается нам только вспоминать.

Мы жизнь свою «Простором» и «Нивой» разбавляли,
В «Ниве» так встречали Балтина, Слепцова,
«Психологию войны» Момышулы читали,
Татарского, Шупейкина, Колинко, Шмигалева.

Читали Жагипарова, Шалаева, Куземко,
Камелова, Киянского, Кажыбай, Поминова,
Зубова, Матвеева, Матвеюк, Лысенко,
Нечаева, Валеева, Костевич и Литвинова.

Как было пропустить Рубцовскую да Стругова,
Шалаева, Беккулова, того же Бекбосына?
Всех я их читал, стараясь быть им другом,
Но быть другом, говорят, надо иметь силы.

Двадцать пять годков журнал выходил исправно,
Радовались Гундарев и публика его,
Был журнал с читателем другом солидарным,
Он ему и слово нес где вширь, где лапидарно,
Какоебы порадовало и Блока самого.

А потом, известно, «Нива» испарилась,
С поля литературного исчезла Казахстана,
Чем она литературе и властям не приглянулась,
Неведомо о том, никто того не знает.

Как-никак, а «Нива» меня в журнал впустила
С романом, между прочим, «Жизнь забубенная»,
В пятнадцатом не иначе как счастье подарила,
Хотя и оставался я серостью казенною.

В пятнадцатом журнал ходил в июне и июле,
А августовский номер в Лету укатил:
То ль литература ударилась в загулы,
Только держать «Ниву» ей не хватило сил.

Неведомо читателю такое положение.
Чем «Нива» пред страной и литературой виновата?
Читатель ждет от родины «Нивы» продолжение,
Где ждут ее подписчики в доме, в юрте, в хате.

Двадцать пять годочков «Ниву» мы читали,
Гундарева, Колина, Кузнецова из Тараза,
Корончук, Велесову, Шухова мы ждали,
Увлекаясь ими порознь, а то и вовсе сразу.

Берик Жилкибаев так увлек поэмой,
Какую озаглавил любовно «Кобланды»,
Он от племен в раждебных защищался смело,
Однако не имея к ним никакой вражды.

Гундарев спросил: какого цвета поле?
Ему механизатор ответил Картаузов:
Целина сегодня в поле и на воле,
Она людей связала в единый плотный узел.

А цвет у ней, конечно, солнца и пшеницы,
И, конечно, тоже задумчивого хлеба,
Над каким склоняются задумчивые лица,
Время, ветры, солнце и голубое небо.

А вот Геннадий Ударцев Гундареву в шутку
Черкнул, чтобы поэт приткнулся на минутку
За столом редактора и тихо прочитал,
Чего ему коллега от души желал:

«Он публицист, поэт, прозаик,
Но этого, представьте, мало!
Писать поэмы, не бросая,
Он стал издателем журнала.

В нем и поэзия, и проза —
Не легкомысленное чтиво.
Назло всем засухам, морозам
Нас урожаем радуй, «Нива»!»

Из Усть-Каменогорска Нечаева Тамара
Прямо написала:
«Мечта моя жива...
Отчизна духа надо мной
Сияет яркою звездой,
Как вечная весна.
Перед Вселенною слаба
Земля в пределах тьмы.
Нас и ее хранят судьба,
Любви и времени борьба,
Любовью живы мы!»

Эх, сделать бы мне стих, как Гундарев «Малиновку»,
С просторами широкими пашен и полей,
Дача, огород с цветущею калиною,
Где сживался с жизнью веселый соловей.

Тут же скворцы и осы кучковались,
Паутинки сетью опутали траву,
А соседи рядом солнцем любовались,
Верстая в своей жизни новую главу.

Поэта ж донимали думы о Кыштовке,
Незабвенной родины в младенчества своей,
Где помнилось зерно янтарное в кошелке
И аромат черемухи с Тары и с полей.

Та его Кыштовка — далекая Россия,
Она же его родина, где родная мать,

Какие он в поэзии и в своем сердце выносил,
Готовый им и жизнь свою по капле отдавать.

А «Нива» четверть века давала урожаи.
Ах, сколько было в ней рассказов и стихов,
Очерков, исследований — мы их обожали!
Я так их читал до пенья петухов.

Ах, память, как же ты нужна любому человеку!
Без тебя уж точно бы не красовалась жизнь,
Без тебя не знали б мы, что было в прошлом веке,
Что был царизм, войны, хрущевский коммунизм...

А ведь были на земле Калита и Грозный,
Татарское нашествие, Разин, Пугачев,
Был Наполеон, враг Руси серьезный,
Был и свой Кутузов, подставивший плечо

Под российский крепкий стяг, воинскую доблесть,
Они как раз и помогли французам всех изгнать.
Оттого Наполеон бежал, забыв про честь и совесть,
Дав зарок на русичей впредь не нападать...

Память же моя так нынче воскресила
Встречу с казахстанским мэтром и поэтом,
В каком жили дух земли, ее любовь и сила
И какой в поэзии мог говорить об этом.

Поэт Владимир Гундарев знал меня едва,
В «Просторе» он, однако, как-то меня видывал,
И где-то даже добрые личные слова
За вещи мои в нем он сказать планировал.

Теперь вот и представился случай нам такой,
Только пред поэтом я преклонил колени,

Сказав, что я поэт, по сути, никакой,
А вот с прозой иду рьяно и без лени.

Два моих рассказа и «Нива» приняла,
Есть еще наметки на роман и повесть.
Сие она приветствует — с прозою дела
Мчатся у меня активно и на совесть.

Повесть — это что-то, так к своей беде
Я родил роман, родил душой и сердцем,
Кропил его слезами, мочил в святой воде,
Читал молитву бабки, пудрил папки перцем,

Чтобы, по преданию, роман увидел свет
В мною уважаемой и любимой «Ниве»,
И к тому ж услышать редактора совет —
Пусть нелицеприятный, однако справедливый.

Быть ему в журнале или никогда не быть,
Затронул ли роман чью-нибудь судьбу?
И сможет ли читатель хоть как-то полюбить
Весь романный люд, его любовь, борьбу?

Вопросов было много, а ответа нет.
Так и остаюсь я до сих пор незрячим:
Что скажет о романе страны большой поэт —
Завязнет он в трясине или скакуном поскачет?

А коли будет сказано: «Дорогой, уймись!
Найди себе другое старческое хобби,
Значками или монетами, марками займись,
Может, и избавишься от писательской хворобы»,

То приму я близко, как на войне, приказ
И со своим романом уж точно поступлю.

О чем когда-то ведал Тургенева рассказ,
Как немой Герасим — со своей Муму.

Поэт Владимир Гундарев, улыбки не скрывая,
Рукопись-роман покачав рукою,
Мне с какой-то думкой, но все-таки сказал:
Романом он займется не раньше как весною.

Ах, Владим Романыч, пошли вам Боже счастья,
Новых ваших книжек и всяческих удач!
А в творчестве Слепцова вашего участия,
Ну, а вашей «Ниве» — решенья всех задач!

Такие мои встречи с Романычем бывали,
Правда, то бывало лет пяток назад.
Романыч зрел меня и мои глаза,
А после на юбилее мы газеты побывали.

Была газета эта «Индустриальная Караганда»,
Ей тогда исполнилась крутая восьмидесятка,
Я ее любил, с ней дружил всегда,
Когда меня печатали, вдарялся в пляс вприсядку.

После юбилея Романыча не стало,
Какой и до семидесяти никак не дотянул,
Литература наша поэта потеряла,
Какой любил Кыштовку, стихи и Астану.

А еще любил он свою святую «Ниву»,
Он ей свое сердце и душу отдавал,
Она была в кругу цветов и жалящей крапивы,
Какая крепко жалит и валит наповал.

В две тысячи пятнадцатом «Ниву» и свалила...
Нет «Нивы» в Казахстане и в литературе нет,

А ведь ее читали, лелеяли, любили,
Теперь же посылают прощальный свой привет,
А поэты на надежду дают свой сонет.

Может, их надежда в миру осуществится,
Надо бы в поэта память «Ниву» возродить.
В две тысячи семнадцатом, может, возродится?
Литература и читатель вновь будут «Нивой» жить?

И я как читатель тоже живу «Нивой»,
Я так же и «Простором», как временем, живу,
Нет у меня для них какой-то половины,
Они со мною были и будут наяву.

Мне лично жить на свете вот хочется и хочется,
Хотя бы до рязановских мне годков дожить,
Ноги, слава Богу, ходят, не волочатся,
Да и по житухе не приходится тужить.

Женка, слава Богу, с кухнею справляется,
Холодильник полон, есть что взять и дать,
Пенсия — что надо, греет, не кусается,
Вот и остается жить да поживать.

Но у меня, конечно, есть своя забота,
Наверно, как у всякого, кто грешит стихами:
Их писать бывает труднее, чем работа
Птичницы с цыплятами и с бой-петухами.

Труднее, чем работа шахтера и шофера,
А то и самого в ракете космонавта,
Учителя, ткачихи, врача да прокурора,
Для которых день прошедший повторится завтра.

У поэта мысль и слово не повторяются,
Они уже однажды впечатаны в бумагу,
К ним только читатели, бывает, возвращаются,
Проявляя знание, смелость и отвагу.

А потому и хочется с «Простором» повстречаться,
Чтобы у него по-дружески спросить:
Может, мне не стоит с поэзией венчаться,
И лучше нам отдельно друг от друга жить?

Если мне «просторненцы» откровенно скажут:
«Топорная работа! Слабо, не пойдет,
Ваши мысли и слова просто давят, вяжут,
А потому их не пускайте в книжный оборот»,

Как начинающий поэт «Простору» подчинюсь
И со стихами неизменно, но с болью поступлю,
Как немой Герасим, от мира отвернусь
И утоплю свою любовь, как утопил Муму.

Видно, в мои годы не стихи писать,
А смотреть на мир сонными глазами,
В доме есть что выпить, есть что покусать,
А там любуйся на фото прошлыми годами.

Такова, наверно, нынче жизнь у многих стариков...
Кто-то, может, жизнь свою в прошлом обвиняет,
Жизнь могла бы обойтись и без дураков,
Но они живут в миру и что-то сочиняют.

Спел же Исаковский нам про яблони и груши,
И как проплывали туманы над рекой,
И как выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

А Любовь Шашкова так вспомнила о маме
И о Белоруссии первых дней войны,
Когда горели хаты и хлеба было мало,
Когда седали деды и старились сыны.

Нам нынешним сегодня те годы боевые
Не следует ни памятью, ни сердцем забывать,
Конечно, мы сегодня вовсе не такие —
Мы будем помнить родину, себя и нашу мать.

Ах, Белоруссия, мы сроду там с женкой не бывали,
Но коммунизм, спасибо, занес нас в Молодечно,
Там в пансионате мы с женкой отдыхали,
Любуясь белорусами утрами, днем и вечером.

Надежда же Чернова, несмотря на время,
По-своему ударила «Ковыльное сияние»,
Она нам прорастила творческое семя,
Читатель на какое и обратил внимание.

«Жизнь проходит и пройдет,
Как и прежде проходила,
Это только перелет —
Между «не было» и «было».

Это лишь короткий миг
Меж любовью и утратой,
Как вечерней сойки крик,
Миг пронзительный, крылатый...

Пусть будет все, как рок захочет,
Пусть будет все до запятой,
Разбудит утро красный кочет,
А следом — кочет золотой.

На небе скрипнет коромысло —
Поднимет утро без труда
На радуге светлынь пруда,
И то, что не имело смысла,
Насущным станет, как вода».

«Пустыни. Степи, Полустанки.
Леса. Разлив просторных рек.
Под марш «Прощание славянки»
Несет меня двадцатый век.

Под этот марш и плач, и танцы,
И новостройки, и разгром
Пунктиром, промельками станций
Век пролетает за окном...»

Меня ж двадцатый век упрятал
Со школьных лет на целину,
Тогда Хрущев упорно сватал
На целину так всю страну.

Я - комсомолец, знать, примерный,
На пласт целинный подался,
Целине служил я верно,
На ней как будто родился.

Трактор мой не знал покоя,
Как и я его не знал,
Пласт поднимал я даже стоя,
За что бастык рахмет сказал.

Ну, а дальше жизнь и учеба,
И век двадцатый пролетел,
А там и «дембельское» небо,
Какое я не проглядел.

Ну, а с «дембелем» пришли стихи,
Хорошие и разные,
Одни вовсе неплохи,
Другие - безобразные.

Как бы ни было, их все
Я «Простору» отдаю,
Они, конечно, не в красе,
Но я на новой полосе
Судьбу «Простору» выдаю.

Надежда Чернова б спросила:
«Зачем на судьбу обижаться,
Мол, это несправедный суд?
Уж лучше босым пробежаться,
Пока еще травы дымятся,
Пока еще ноги несут!»

«Забуду все. И жизнь свою забуду,
Которая исчезла навсегда.
Глядеть на речку я спокойно буду,
Ведь в ней течет забвенная вода».

Я же забывать ничего не стану,
Не забуду давнюю едую целину.
Конечно, я звезду с «Простора» не достану,
Но, может, я хоть как-то в нем и промелькну?

Так что мы должны поэтам поклоняться,
Как Пушкину, Есенину. Михайлову, Шашковой,
Учиться у них слову и со стихами знаться
Макпал Мыса, Абилова, «просторненки» Черновой.

Конечно, всех поэтов нам не перечесать,
Но все равно их надо помнить и беречь,
Жизнь у поэтов испокон трудна и коротка,
Но все ж у них высокий ум и твердая рука.

Она как раз и держит бумагу и перо,
А они вверяют нам душу человека,
У какого евоа жизнь, своя душа, нутро,
О каких писали мудрецы от века и до века.

Что-то, между прочим, и я свое писал,
Что-то по-крестьянски ворочал и кумекал,
Бывало, свою ручку гладил и кусал,
А все как видел в каждом живого человека.

А каждый человек - это жизнь, история,
Это даже наша жизненная сказка,
Мы с женкой обитаем в карагандинской акватории,
Она нам и дала добрую подсказку:

Дети вас зовут к себе на житье-бытье,
Но вы в Казахстане уже восемьдесят лет!
Потому и берегите место жительства свое,
Дороже своей родины на свете нет и нет.

По поводу такого женке я сказал:
«Давай Агадырю с тобою мы поклонимся,
Давай с тобой забудем, где свет и где вокзал,
Пусть Агадырь и с нами, как с другими, возится».

Вот так мы с моей женкой в Агадыре живем,
Фотками любуемся с детками и внуками.
Они тоже рады видеть нас живьем:
Прожить по восьмидесятке — это есть наука!

Моя восьмерка так меня со стихом роднит,
Может, это у меня старческие заскоки?
Человек не может быть твердым, как гранит,
Он же и не может быть просто одиноким.

11.

Читательское море меня совсем не знает,
Чтоб меня познали — надежда на «Простор»,
Какой меня, возможно, возьмет да почитает
И, может быть, затее даже разговор.

Что я скажу журналу? Мне уж две семерки,
А стихи, однако, берут да достают,
Достают своею старческою меркой
И даже в ночь глухую спать мне не дают.

Откуда навалилось такое наваждение,
Я понять, по правде, и нынче не могу:
То ль на то влияют век и окружение,
То ль старческие сдвиги шалят в моем мозгу?

Надо б у Черновой Надежды попросить,
Откуда на поэтов находит наваждение:
То ль они пытаются жизнь изменить,
То ли к новой жизни у них охлаждение?

Мои сдвиги старческие все-таки пугают:
Не выдаютли этим они конец крутой?
Сегодня до семерки не слишком доживают,
А я так могу выйти на игру с лаптой.

Ну, с той, что второклашками мы в войну играли,
Поскольку за морями и впрямь была война.

Мы с лица не кровь, а пот свой вытирали,
Как, видно, вытирала от трудов страна.

А страной для нас была Акмолинская область
И такое близкое для нас Кургальджино.
Акмола, казалось нам, заоблачная пропасть,
Какую нам увидеть было не дано.

Ну, а дальше все-таки нагрязнула Победа,
Радость раздвигалась вдоль и поперек,
Веселились даже бабушки и деды,
И даже аксакал Ахмет проплясал свой скок.

А дальше жизнь делала крутые повороты,
Сделав свою ставку в далеком Жалтыре,
Давшем моей матушке жизненную квоту
Жить нашей семьею в затурканном дворе.

Так в землянке жизнь по-своему катилась:
Мамаша на работе, мы — в школу и домой,
С сестрой до аттестата все же доучились,
Тогда ж меня и спутал мой первый стих живой.

Ему я не придал особого значения —
Слышал, этим делом всюду занимаются,
И я в своем десятом не был исключением,
Теперь эти стихи и ныне продолжаются.

Ну, а дальше жизнь, учеба и работа,
Ей, родной «железке», я отдал сорок лет,
А стихи так ждали для себя заботы,
Каким махал я ручкой и говорил: «Привет!»

Только они все же меня доставали
И давили, было, даже и во сне.

Думал: ну откуда они, паразиты, знают,
Что они нужны моей семье и мне?

О стихах своих-таки я многого не знаю,
Но стихи чужие я искренне люблю,
Бывает, я запоем в журналах их читаю
И каждый номер жадно для себя ловлю.

Самому в журналы попасть не удастся,
Посколь туда иду я лишь с пробой пера.
«А перо твое, друг, без огня куется», —
Так мне говорили сегодня и вчера.

«Нет в стихах твоих движения и жизни,
Как нет в них все того же злата и огня.
Значит, ты остался в прежнем коммунизме», —
А он ведь породил и воспитал меня.

Мне отчего-то кажется: я живу Есениным
И в целом, если верить, все той же стариной,
Стихи мои в журналах, посути, не проверены,
Журналы не намерены интересоваться мной.

Хотя бы потому, что я стихов не знаю,
Не знаю их природу, не знаю их души.
Ну, а коль стихи я все же сочиняю,
То в них всегда находят помесь из «лапши».

Оттого стихи мои я лишь дыханьем грею,
Не знающим все светного журнального тепла...
Вот тут я вспоминаю Шиленко и Гирея:
Шиленко неизменно бы им тепло дала.

Мои скупые строки с Агадыря безвестного
Она-таки в «Просторе» как-то да согрела.

Знать, она узрела что-то интересное
Иль просто питекантропа обидеть не хотела.

Видно, он лишь клинописью черкать научился,
Клинопись эту и расшифровал «Простор»,
Вот тогда впервые на свет я появился,
И до сих пор с «Простором» веду я разговор,

Хотелось б со стихами появиться в «Ниве» —
С Владимиром Романычем я все-таки дружил,
Он даже редактировал мой роман на диво
И несколько исправленных листочков положил.

Хотел вагон стихов моих показать Романычу,
Чтобы он хоть что-то мог о них сказать:
Мол, ты в своем ауле рос совсем не паньчком,
Вот жизнь ту военную и должен показать.

Но вскорости Романыча на земле не стало:
Пришла Она с косою и увела с собой.
Видно, жизнь такую дорогу прописала
Или было так начертано судьбой.

Романычу я кланяюсь коленопреклоненно,
Он меня, пещерного, учил стихи писать,
В каких я видел жизнь живую, не примерную,
Видел, как ребенка бросает нынче мать.

А коль такое в жизни где-то и случается,
Значит, человек переступил черту,
Какая нашей жизнью и честью называется,
Переступив которые, он рухнет в пустоту,

Должна быть у поэта лишь сильная натура,
Он жизнь людскую видит со всех ее концов,

Некоторые жизнь называют дурой,
Хотя она достойна поклона мудрецов.

Потому, дружище, не уподобляйся этим,
Что с жизнью не дружат и холодны с ней,
Будьты настоящим жизненным поэтом
И старайся правду лишь писать о ней.

Сентябрь уж шагает по родной стране
С шумной и веселой красивой детворой,
Их сегодня много в столичной Астане,
Каждый ребяенок — волшебник и герой.

У школ своих они хозяева земли,
С романтикой, мобильником, красотой одежды,
Они к нам не иначе как с небес сошли,
Неся с собою солнце, мечтанья и надежду.

Я рад такую видеть чудо-малышню:
Ах, сколько в ней теплится жизни и огня!
Оттого, быть может, и Астану люблю,
Что она столица для всех и для меня.

Купил «Простор» в киоске и сразу умилился,
Что, наверно, делают многие в стране:
«Простору», как Аллаху, я искренне молился,
Потому как жизнь дал он на страницах мне.

Бывал в «Просторе» я в две тысячи седьмом
В номерной восьмерке, а затем в девятом,
Видно, в те года я блистал умом,
Поставив на прорехах творческих заплату.

Поэзия теплится по своим законам,
Она, как и фундамент для здания, нужна,

Ей должны мы кланяться, как святой иконе,
С поэтами по крови поэзия дружна.

Считать себя поэтом я вовсе не решаюсь,
Хотя по-человечески для себя обидно...
Может, оттого я со стихами маюсь,
Что их в родной печати до сих пор не видно?

А я ведь неустанно их в ночи кропаю,
Они, как наваждение, посланы с небес,
Оттого и нынче про себя гадаю:
Они в «Просторе» вызовут хоть малый интерес?

Как-никак, а скорчившись, листаю и читаю
Нынешний апрельский в своей красе «Простор»,
По привычке прежде стихи все выбираю
И с ними начинаю свой мнимый разговор.

Ах, какая прелесть пародии Серкова,
Втиснутых в сундук с названием «Чудеса»,
Где нашлось местечко для Павла Косякова
Со «Сятыми снами», какие пьет роса!

А я так выпиваю Клебанова Валерия,
Калюжную Елену с Татьяной Соколовой,
Виктора Домбровского — с агадырской верой,
Что «Простор» когда-то заметит и Слепцова.

Он тоже, между прочим, березовые книжки
С верой и надеждой читает до утра,
С днем на них бросаются даже ребятишки
С криком и весельем, с возгласом «ура».

Как тут ни крути, а апрель, прогретый
Временем и солнцем, вальс танцует свой,

Сегодня он Клебановым в голубизну одетый,
Оттого чертовски стал чисто-голубой.

Я же ждал в апреле звучания гармонии —
У нее весною горячей лады.
Не дождался: с внуками наглотались «мони»,
А я так все ж к «Простору» прокладывал следы.

Пусть там люди дышат миром и довольством,
Прославляя слово, стихи и наши сны,
Доставляя людям только удовольствие
Отченья и всего, чем нынче мы сильны.

Нынче с нами наша Независимость святая,
Наша дружба крепкая, ее большой полет,
Трудности по жизни сообщая мы низвергаем,
Казахстан уверенно к счастью идет.

Хошь не хошь, а осень все же наступает,
Листья позолотою ложатся и кружат,
Бывает, что ночами водица замерзает,
А если тоже в холоде по-своему дрожат.

Кречному изголовью наклонилась ива,
Ей совсем морозно без ее листвы,
Без своей одежды заскучала слива,
Поусохли травы, подсолнух и кусты.

Жизнь такое ведала от века и до века,
Как от века светит нам холодная луна,
Видно, то бывает в миру с человеком,
Когда красу съедают жизнь и седина.

Видно, все же и я втакой седой компании,
Когда восьмидесятка со мною говорит:

Надо бы подумать о твоём послании
Тем, кто свою жизнь в поэзии творит.

А сказать бы надо: жизнь скоротечна,
Оттого старайся в ней с пользой прожить,
Не будь в этой жизни попутчиком беспечным,
Старайся больше для себя и для страны творить.

Если ты поэт — будь всегда народом,
Если ты писатель — жизнь страны пиши,
Если ты селянин — дай жизнь огородам,
Вообще все делай только от души.

Ну, а коль ты журналист, да к тому ж издатель —
Люди от тебя только книги ждут,
Ждет наш благородный и грамотный читатель,
А пишущие люди пусть свой товар несут.

Живи и знай: мартышкин труд только у мартышки,
А у человека он и праведный, красивый и живой,
Делай все, чтоб рады были даже ребятишки,
А ты бы был уверен — он личный, значит, твой.

Я «Простору» тоже доказать пытаюсь:
Хоть мой стих невзрачный, но он только мой,
Я с ним, не раз бывало, и ночами маюсь,
Но он все-таки, как и я, живой.

Хочу остаться деятельным, как, бывало, Пушкин,
Чтобы своего «Онегина» родить.
Равняться, правда, с Пушкиным — это не игрушки,
Но так бы мне хотелось его жизнью жить.

А женка говорит: «Брось ты эти штуки!
Живи своею жизнью, поэзией живи.

Коль выйдет для тебя с журналами разлука,
Значит, недостоин ты их света и любви.

У нас в стране остался лишь «Простор» любимый,
«Нива» в свои двадцать пять взяла да померла,
Знаю, тебе вырваться в свет необходимо,
«Нива» в твоём сердце тоже ведь жила.

Жила, поскольку печатала твои завихрения,
Неведомо, каких читали, ноты был с ними свой,
С «Нивой» родилось у вас живое ополчение,
Готовое идти на литературный бой.

Что-то в этом плане начало сбываться,
Но в августе минувшего «Нива» умерла,
С мыслями, с друзьями тебе пришлось расстаться,
Хоть душа надеждою выйти в свет жила».

Такой надежды я и нынче не теряю,
Но нынче, видно, время для меня не то,
Видно, первопробников держат где-то с краю,
В чем помочь не могут мне ни царь, ни Бог, никто.

А потому давайте по-мирному расстанемся
И будем, как и прежде, жить до поживать,
Кто-то о несделанном, может, и раскается,
Но себя я не желаю в чем-то обвинять.

Все равно я у «Простора» мысленно летаю
И вживую тоже что-то в него шлю,
Побывать в «Просторе» я испокон мечтаю,
Поскольку как читатель его давно люблю.

Думаю, «Простор» берет стихи только лишь достойных,
Это его право, в целом долг его,

Оттого, быть может, и жизнь беспокойная,
Но читатель все же не может без него.

Давайте мы «Простору» пожелаем счастья
И многотиражя, хотя бы тысяч шесть,
Пусть обойдут его безденежье, ненастья,
И он будет снова нашу душу греть.

Прежде всего авторам, какие в него пишут,
Ну и разумеется, читателям его,
Они-то всего больше в мире видят, слышат,
Им бы от «Простора» хотелось одного:

Чем живут журналы старого покроя —
«Молодая гвардия», «Сибирские огни»,
Они сейчас в работе или на покое?
В каком рабочем плане действуют они?

И отчего, скажите, «Нива» ушла в Лету,
Как это допустила родная наша власть?
Читатель «Нивы» очень хочет знать об этом
И боится, что «Простор» тоже может пасть.

Бывалые цари журналы закрывали,
Ну, а нынче у нас новый прогрессивный век,
Надо, чтоб журналы в нем жили-поживали
И их читал совсем не бедный наш новый человек.

На том, друзья, давайте мило распрощаемся,
Хотелось бы, конечно, с вами новых встреч,
Но они сегодня не всегда слушаются,
Боюсь, что я начну свою другую речь,

В которой буду плакаться о своем «Просторе»,
Который первопробных на страницы не берет

И в общем не желает глупых разговоров,
Поскольон литературной классикой живет.

Ну, а мне до классности, что свинье до неба,
Поскольку мне уж стукнула твердая восьмерка,
В «Просторе» по-серьезному никогда я не был,
И какая у него для новичков есть мерка?

Мы с моею женой долго повторяли,
А потом решили просто записать:
«Чтоб тебя, дружище, люди не теряли,
Постарайся сам себя в миру не потерять».

Аженке я сказал: в мои крутые восемь
Меня никак не тянет, как ее, в кино,
Моя восьмидесятка — это моя осень,
Хочу, чтоб в ней всегда мне было уютно и светло.

А еще хочу, чтоб помнился мне вечно
Мой аул, где был до войны рожден,
Был он для меня в юности сердечным,
А каков сегодня в стране и в сердце он?

Семь десятков лет не был я в ауле,
Он слишком изменился, расширился, подрос?
Я помню лишь как в базе стоял на карауле,
Когда братишка с базы вязанку сена нес.

А вязанка эта хоть как-то да спасала
Нашу коровенку, а ведь шла война!
Корма для скотинки часто не хватало,
А коровенка все же кормилицей была.

Матушка так наша этот корм искала,
Ходила по конторам, просила там и сям,

Начальство этот корм хоть как-то, но давало,
Поскольку муж когда-то это делал сам.

А нынче аулчанин громил в боях фашистов
И даже в своих письмах просил помочь семье,
Война, видать, закончится совсем-совсем не быстро,
Потому он благодарен начальству и стране.

Мне мой Кенбидаик и сегодня помнится,
Как для Любовь Шашковой ее Василевка,
Мой аул и нынче животноводством кормится,
Хотя он управляется и с целиною ловко.

Мне и правда хочется, как хочется Шашковой,
Взглянуть на Василевку, «в васильковые глаза»:
Такой ли это край, как у меня, суровый
И ходят ли по улицам коровы и коза?

В ауле это было просто и свободно:
Козы да коровы бросались на траву,
Пока их не загоняет, бродили где угодно —
Отчего-то это забыть я не могу.

А в мой Кенбидаик попасть совсем не просто,
Поезда не ходят, самолетов нет,
Железная дорога — за сто верст с полсотней,
Потому и не был там я много-много лет.

Я хотел бы побывать и взглянуть на небо,
Какое так же синее, как в сопках бирюза.
Ах, семь десятков лет я здесь и близко не был,
Хочу взглянуть на бирюзовые аульные глаза!

И все-таки боюсь, что мне в «Просторе» скажут:
Это как-никак, а сорный стихи,

И они спокойно в ведро иль в урну лягут,
Потому как были истинно плохи.

Хотелось бы сказать литературно — лягут,
Но к новой литературе я явно не привык,
Потому оставил по старине — ЛЯЖУТ,
В старом как-то ближе и родней язык.

С Надеждою Черновой мы с женкой солидарны,
Что проза — это небо и звезд его следы,
Ну, а поэзия точна и лапидарна,
В ней небо умещается в капле лишь воды.

В капле умещается всей красы природа,
Когда наша аульная ребячья беднота
Ватагой уходила в степь на огороды,
Где ждала мальчишек паслена чернота.

Здесь росли арбузы, дыни и картошка,
Но нас всегда притягивал только лишь паслен,
Как-никак, но он подкармливал немножко,
И утолял наш голодтолько он и он.

Тогда были года суровые, военные,
Когда хотелось кушать нам, пацанве, всегда,
Почему и были мы у паслена пленные,
Доверившись ему на многие года.

Как-никак, а утолял он наше голодание,
Бывало, рвали ягоду и несли с собой,
Дома наши матушки крутились да гадали:
Неужто это счастье им послано судьбой?

Но затем секреты, конечно, раскрывались,
Мама оставались в довольстве и в себе,

Их пироги с пасленом к обеду появлялись
И казались праздником на праздничном столе.

Варились с тем пасленом и вкусные вареники,
А на сковородке пеклись и пирожки,
Как-никак, а мой паслен выступал соперником
Домашней затирухе, полнившей горшки.

И чугунки с картошкой, на плите стоящие,
В годы те военные то основной продукт,
Считалась затируха питанием настоящим,
Сейчас мы уж забыли затирушный дух...

Что-то о паслене говорил Михайлов,
Видно, его голод тоже доставал,
Он в те годы давние не оставался крайним
И тоже с ребятнею млел и голодал.

В ауле ж с ребятнею мы как-то разбежались,
На семьдесят годочков нас жизнь развела,
Не ведаю, кто где, как жили, как мужали
И что жизнь у каждого взяла или дала.

Я, как поэт Михайлов, пространство тоже слушал,
Но воздух мне задумчивый испить не удалось,
Может, что с поэзией я дружбу гнул и рушил
И даже распрощаться на старости пришлось.

А все как жизнь подкинула круглую восьмерку,
Это вам не шестьдесят или семерка лет!
Старики так говорят: вспомни поговорку —
Опаснее, чем эта цифра, в мире больше нет.

Лев Толстой так докатил до своей восьмерки,
Ну, а там и подкатил его лихой конец...

Неведомо какая есть у поэтов мерка,
Кто перешагнул восьмерку, тот истинный мудрец.

Ну, а моя восьмерка ко мне постучится
Лишь седьмого марта будущего года.
Она с косою, думаю, в тартарары умчится,
А я творить останусь в творчестве погоду.

Ну, а коль «Простор» меня как-то да приметит,
Мои годы до Рязанова истинно продлятся,
И тогда поэта нового Казахстан заметит,
Быть неведомым поэтом надо опасаться.

Мне почти восьмерка, а свет меня не знает,
А все как моя старость и тупость на ходу,
Поэзия, однако, меня занимает,
И я, спотыкаясь, но за ней иду.

«Мы все уходим в небо постепенно...»
В этом правы жизнь и поэт,
Нынче я уж точно не такой степенный,
Чтоб писать романы, поэмы иль сонет.

Но я-таки иду не крадучись по жизни,
Хоть в дугу я сгорбленный, но все-таки иду,
Меня ничто не отвлекает извне,
И, может, свое место я в стихах найду.

В «Просторе» появляюсь, в литературе нашей,
Среди поэтов многих, известных Казахстану,
Тот, кто землю любит и любовно пашет,
Никогда в миру голодать не станет.

Хотел бы я на старости, как орел небесный,
Тот, что у Михайлова в облаках парил,

Стать для Казахстана как поэт известный,
И чтоб меня читатель хоть как-то полюбил.

Я тогда «как эпик, мысли воспаряя,
Вознесусь кругами в ледяную вышину»
И увижу мир, глазами не мигая,
Увижу землю, небо, солнце и луну.

А они и есть наше притяжение,
Наша жизнь, надежда, счастье и судьба,
Наша Независимость, наше продолжение,
Наши планы, мысли, память и борьба.

12.

Как-никак, «Просторы»
Я листаю часто,
Где-то что-то новое,
Бывает, узнаю,
Бывает, нарываюсь
На «съеденный» участок,
Однако и его вплетаю я
В силушку свою.

«А батьке было восемнадцать»
Я уже читал,
Ах, какими ж смелыми
Были наши предки!
Я помню лишь, как батьку
На фронт я провожал,
Был тогда я только
Пятилетней деткой.

Не помню и не знаю,
Где батька воевал,

Знаю, что до этого
Он был трактористом,
Он в ауле нашем
Сеял и пахал.
Может, его сделали
На войне танкистом?

О том не знала матушка,
И мы не знали, детки,
Каким в ту пору было
Пять и десять лет,
Какими в доме рыскали,
Чтоб найти конфетку,
Но их, хоть ты убейся,
Не было и нет.

А батьке все же было
Совсем не восемнадцать,
А было ему ровно,
Ровно тридцать три.
Не знаю, как мой батька
Мог с врагом сражаться,
Только его письма
И в сорок третьем шли.

В сорок третьем все же
Они к нам приходили,
Что там в них писалось —
Не знает белый свет,
Но в письмах батьку нашего
Пока не хоронили,
В письмах лишь писалось:
Привет, жена, привет!

Приветы посылались
И нам, ребятишкам,
Какие мама по слогам,
Но все-таки читала,
Ее четырехклашка
Не читала книжки,
Но буквы кое-как
Все же различала.

А потом пришло письмо
Из самой из Москвы,
Какое нарекли в ауле —
Это похоронка.
Плакала и мама,
Плакали и мы,
Плакали втихую,
А то и криком громко.

А годы все же шли,
Шла с ними и война,
А после долгожданный
Нагрянул День Победы,
Она надежду людям
И радость принесла,
Радовались дети,
Женщины и деды.

Радовалась крепко
И моя семья,
Я так уже был
Взрослой второклашкой,
Мама так сказала:
«С войны пришли дядя!
Они и увезут нас
В свой край, в свою милашку».

Их край и правда, говорят,
Был дорог им и мил,
Чрез их поселок все-таки
«Железка» проходила.
Кто на «железку» эту
С душою проходил,
Она давала каждому
Руку и кормила.

Она кормила хорошо,
Поила, одевала,
Только ты старайся
Без устали трудиться,
Билет тебе бесплатный
В отпуск твой давала,
Чтоб мог ты на «железку»
Снова возвратиться.

Так вот, на «железке» этой
Я и очутился,
Сорок летей жизненных
Я все-таки отдал.
Под ее началом
Работал и учился,
И жизненную правду
Душою постигал.

Теперь меня «железка»
На «дембель» проводила,
Мы с нею и на «дембеле»
Никак не расстаемся,
В ней вижу притягательность,
Приветственную силу,
Мы, кажется, друг в друге
И нынче остаемся.

Листы же награждения
Батьке не достались,
Все они достались
Только мне и мне:
Доска почета, грамоты
Мною красовались —
Меня «железка» знала,
Знали и в стране.

А знали потому как
Я бывал в «Просторе»,
Что-то мое тискали,
Хотя не каждый раз.
Все же у журнала
Я был в его фаворе,
Хотя и посылал ему
Совсем не первый класс.

Были стихотворики,
Схожие с «лапшою»,
Но «Простор» им делал
Простое хакири.
Хотя я и рожал их,
Сердцем и душою,
Но они «Простору»
Все ж не подходили.

Он их мял по-своему,
По-своему пинал их,
Потому они страниц журнала
П росто избегал и,
А я так, между прочим,
Трудился за двоих,
Ожидая, как спортсмен,
Какой-нибудь медали.

Но у «Простора» были
Правила свои:
В него только таланты
С неба попадали,
Они достойны были
Читательской любви,
Посколь свои таланты
Людям отдавали.

У меня же отродясь
Талантов не бывало,
Я так лишь растягивать
Свой баян умел,
Под какой, бывало,
Общество плясало
И шутку говорило:
«Дед, ты вэри вэлл!»

Ну, а нужны ль таланты
Растянуть гармошку?
Да ее растя нет
И простой пацан!
Растянуть гармошку —
Что испечь картошку,
На ней сыграет без помех
Даже хулиган.

Было же такое
В нашем поселении,
Поддатые мальчишки
Творили вечер свой,
Пели и плясали
Всем на удивление,
Хотя по пьянке бились
Об стенку головой.

С баяном у меня
Хоть что-то получалось,
А вот со стихами
Был истинный профан.
Мне со стихами, правда,
Не пелось, не игралось,
А в журналы слал я
Не стихи — дурман.

Женка так сказала:
«Брось ты эти штучки!
Ты есть питекантроп,
А не ночной поэт,
Будь ты помоложе,
Ты знал бы эти дрючки,
Но у тебя к ним тяги
Не было и нет.

То, что ты даешь в стихах —
Простое стихоплетство,
Прежде у тебя в стихах
Хоть что-то получалось.
Когда ты был моложе,
Было стихотворство,
Какое в твою старость
От тебя умчалось.

Так что, Сегизбай-оглы,
С творчеством завязывай,
Нечего тебе ночами
В ночной тиши писать,
Если что-то на душе —
Прозою рассказывай,
Ее легче каждому
Будет прочитать.

В стихах же ты ломаешь
Пушкина природу,
Ты даже до Есенина
Дотянуть не можешь,
А все равно пытаешься
Идти в журнал, к народу,
И свой неандертальский стих
Все равноты множишь.

Аты так рвешь подметки
На стихотворных строчках,
И, главное, тебя, мой друг,
Никак не остановить.
Неведомо, когда ты
Поставишь свои точки,
Ты все же продолжаешь
Лермонтовым жить.

Как бы твои строчки
Солнцем ни блитали,
Только, Абдрахман-оглы,
Свет тебя не знает.
Тебя живые люди
С роду не читали,
Поскольку печатный мир
Просто избегает.

Если б ты хоть чем-нибудь
Напомнил бы Есенина,
Тебе б открыл страницы
Даже и «Простор».
Тебе же до Есенина,
Что Гитлеру до Ленина,
А потому забудь, что вел когда-то
С журналом разговор.

Когда тебя он принимал,
Ты все же молодился,
Теперь же ты, Крузейро,
На старость наступил,
Потому для стариков
Любой журнал закрылся,
Им попасть в журналы
Не хватает сил.

Потому, мой Педро,
Путь в «Простор» закрыт,
Он в себя пускает
Только лишь достойных.
Нынче ты журналами
Попросту забыт,
Им без бездарственной братвы
Как-то и спокойно.

Спокойно и «Простору»,
Да и всем другим,
От бездарей идет
Лишь одно волнение,
Потому, Крузейро,
Не встречайся с ним,
И для вас обоих
Наступит воскресенье...»

13.

Ну, женка — она и в Африке остается женкой.
Послушал, покумекал, с неделку промолчал,
А после в моих мыслях случилось напряженка,
И я снова ударился в бумажный мой причал.

Ворочал его вдоль и поперек течения,
А потом решил — буду просто плыть,
Посколь литература - мое увлечение,
Буду, как солдат, ей преданно служить.

Ну, служат ей, как вижу, Ольга Тарлыкова,
Олесь Карлюкович, Никола Поляков,
Надежда свет Чернова и Любовь Шашкова,
Нарима Оспанова, Дмитрий Цыганков.

Николая Полякова так знает вся Россия,
Знают и в Израиле, и у нас в стране,
Он любовь к поэзии в своем сердце выносил,
Чему б учиться надо всем и, конечно, мне.

«Как хочется влюбиться наповал,
С ума сходить и сочинять сонеты
И знать, что жизни главный перевал
Еще молчит сквозь туманы где-то.

Как хочется мечтать и за мечтой
Бежать, скакать, карабкаться упрямо,
На миг забыться в радости простой,
Избавиться от нажитого хлама».

А мне и правда хочется бежать,
Скакать, карабкаться, но не за мечтою,
А чтобы у себя в Агадыре рожать
Стихи, поэмы, еонеты с красотою.

Делают же это Комов и Доронин,
Бегалин и Михайлов, Мартынов, Швецова,
Пред ними и сегодня я в старческом поклоне.
Эх, пробежаться б по «Простору», как и им, Слепцову!

Но чудсс на свете никогда не будет,
Это моя женка мне тихо говорит:
«Простор» и без тебя поэтов публикует,
Без тебя их творчеством, талантами горит.

А ты-то кто такой? Ну слесарь, нуснабженец,
С железною дорогой сорок лет дружил,
Был передовиком, совсем не иждивенец,
Сорок лет «железке» преданно служил.

Теперь же ты простой пенсионер затурканный,
Теперь ты и восьмерку скоро разменяешь,
А в «Простор» все лезешь, то впрямь, то переулками,
Хотя большой литературы не знал ты и не знаешь.

А смотри, какие имена в творчестве бывают!
Разверни «Просторы», их вещи почитай:
И Пушкина, и Лермонтова, и Абая они знают,
А ты их больше знаешь, как африканский край.

До него тебе, Турсун-оглы, что свинье до неба,
Где тебе от века, сроду не бывать,
Куда тебе до Африки, когда в Актау не был,
Оттого тебе не повести, а дребедень писать.

Твои стихи и вовсе по столу валяются,
Как я замечаю, в кресле, на полу,
Потому в «Просторе» они не появляются,
Посколь не достигаешь ты творчества волну.

Ну, напиши, к примеру, ты Михайлова «Светильник»,
У тебя достанеттяму лишь заголовок свиснуть,
Так что, Бузумбай-оглы, жми на свой будильник,
С каким вы над стихами можете лишь киснуть.

Поэты, поэтессы в «Просторе» появляются,
А тебе, Ахмет-ага, от века не видать,
А все как они не иначе как Пушкиным питаются,
А ты не можешь тямую и Лермонтову дать.

Лермонтов — куда тебе, хотя б ты знал Чернову,
«Когда зацветает шиповник» ты хоть раз читал?
Повесть превосходна, ты был читатель новый,
Что-нибудь подобное ты хоть раз писал?

Потому тебя на выстрел к «Простору» не пускают,
Ты забыл писать про людей, их хаты,
Эти люди жизнь свою сквозь сердце пропускают,
Несмотря на времена, их случаи и даты».

А нынче меня женка питекантроп называет,
Который клинописью мысли выражает,
Жизнь своего народа и страны не знает,
А потому стихи свои «лапшою» нагружает.

«Попробуй эту клинопись умом расшифровать,
Тут нужны и время, и целая эпоха,
Потому тебя в печати готовы разорвать,
Что они и делают, дорогой Солоха».

Подумал, разбирая старую разборку:
Видно, моя женка все-таки права,
Потому меня в печати и кладут в сторонку,
Посколь не для печати у неандертальца голова.

Помню, я послал в «Простор», кажется, втринадцатом
Вещь первую свою — поэму «Диалог с другом»,
Поэзией непросто мне было заниматься,
Посколь семидесятник свой я распахал, как плугом.

Не ведаю, чего в поэме той было наворочено,
Только «Простор» тиснул лишь ее отрывок,
Моей пробой пера что-то да сколочено,
Потому к стихам своим и к «Простору» пылок.

Кроме этого журнала некуда податься,
Потому как без болезни «Нива» померла,
Всем нам остается лишь на «Простор» кидаться,
У какого лишь с талантами связи и дела.

Конечно, я к талантам никак не относился,
Я был семидесятилетним горе-стариком,
Который, как со ступою, со стихом носился,
Не находя признания ни в себе, ни в ком.

Попыток по «Простору» я не прекращаю,
Газеты стихотворный мир просто отвергают,
А меня мои стихи и нынче навещают,
Увидят ли они «Простор» — мне не обещают.

Вот так склонился над столом с думкой над собою,
Хочу, чтоб женка мне была моей домашней клячей,
При ней я сыт, обут, одет и готовый к бою,
А мой творческий заскок всегда несет удачу.

Не знаю, что он нынче поэту принесет,
Я так оборзел на целую поэму,
Не мог остановить я поэта колесо
И отбросить навзничь нахлынувшую тему.

Ну как отбросить то, чем «Простор» питает,
Ну хотя б Шашкову или свет Чернову?
Читатель с удовольствием и зреет и читает,
И даже от них новое что-то ожидает.

Со своей поэмой хотел бы засветиться
Агадырский денди, который не крутой,
Он в «Просторе» с прозой хотел бы появиться,
Считая, что она не дышит простотой,

В этой прозе есть роман про жизнь железнодорожную,
Какой машинописных пятьсот страниц вмещает,
За жизнью всех героев следил я осторожно,
Какие и сегодня в свете проживают.

Кто-то, правда, с жизнью как-то распростился,
А кто-то и на «дембеле» воздух рассекает,
С кем-то я когда-то и дружил, и знался,
А кто-то так и вовсе печатно вспоминает.

Кто-то - это я собственной персоной,
Какого ни читатель, ни белый свет не знает,
Мне кажется, поэт я в истрепанном фасоне,
Потому меня в миру просто не читают.

Если откровенно, для души обидно,
Все-таки, бывает, ночами я не сплю,
Но моих стихов не слышно и не видно,
Хотя я от «Простора» свет души ловлю.

Раньше хоть немного «Нива» выручала,
В ней я появился с прозой лихой,
Раньше моя муза хоть как-то да кричала,
Атеперь вовсе заглохнул, как немой.

Промелькнуть в «Просторе» я уж не мечтаю,
Я старикашка долбаный, мне восемьдесят лет,
«Простор» с таким народом просто не играет
И откровенно говорит ему: у нас вам места нет!

Думаю, ответ такой будет справедливый —
Все-таки я рвусь в журнал с пробой пера,
Не сказать, что я в миру просто несчастливый,
А просто в мои годы отошла пора.

Отошла пора подчиняться музе
И что-то стариковское вспоминать в стихах,
Вспоминать, как кланялся хрущевской кукурузе
И молодыми мыслями блуждал, как в облаках.

Прославлял я целину и белые початки,
А Хрущеву, кажется, даже гимны пел,
Заодно натягивал рабочие перчатки
И над целинным трактором по-мужски потел.

Два года поднимал я черный пласт целинный,
Начальство восхищалось: тракторист — поэт?
Такой еще молоденький и такой невинный,
Пошлите ему грамоту и большой привет!

Точно так и было: поэта поздравляли
С целинными гектарами поднятой целины,
Конечно, поздравляли и даже награждали —
Он большое дело делал для большой страны!

Конечно, я, как папа Карло, усиленно трудился,
А потому как было мне восемнадцать лет.
Может быть, на целине как раз во мне родился
Этот самый искренний и боевой поэт?

А после двух целинных лет — «железное» училище,
Какое размещалось в тогдашней Акмоле,
Была она деревней, не городом — страшилищем,
Росли мы на Ишиме в акмолинской земле.

А дальше шло обычное для нас распределение,
Мне с моей братвою достался Агадырь,
Пятнадцать лет трудился в слесарном направлении,
Трудился как положено и не лез в пузырь.

За пятнадцать долгих лет всякое бывало:
В ШРМ учился, а потом КазГУ,
Начальство так смотрело, пару поддавало,
Учредив снабженцем в начальственном кругу.

Двадцать пять годков в снабжении крутился,
Доставал, что надо, чтоб депо жило,
А потом и «дембель» тихо подкатился —
Кому-то по закону, ну, а мне назло.

Не хотел я рано уходить на пенсию,
Не хотел, поскольку к людям я привык,
Мне нравилась работа, нравилась, хоть тресни,
К тому ж, во мне проснулся поэтический мужик.

Строчил свои я вирши, как письма Ванька Жуков,
Но на деревню дедушке их не отправлял,
А все как подрастали мои дети, внуки,
Им свою любовь я с мечтами отдавал.

Теперь у моих внуков уже свои дети,
Вот кому хотелось бы вирши посвящать!
И желать им в жизни только долголетия,
И пусть будут счастливы их отец и мать...

Вот такими мыслями решил поставить точку,
Может, этим самым я «Простор» порадую?
Трудился над поэмой я и деньки, и ночи
И хочу войти в «Простор» через дверь парадную.

О СЕГОДНЯШНИХ...

Гляжу я не сегодняшних
Милых и красивых
Молодых товарищей,
Кому по двадцать лет.
Нет, они не выглядят
Бедно и плаксиво,
У них уже сегодня
Свой авторитет.

А одеты, черт возьми,
Истинно с иголки,
На каждом одеянии —
Хоть в музей ведем,
У каждого букет цветов —
Ландыши да розочки,
Значит, ждет мальчишек
Счастье впереди.

А мы в их девятнадцать,
В целинную годину
Искали где бы лишней
Колбаски прикупить,
Время шло не вскачь —
Так, наполовину,
Но все же мы старались
Побогаче жить.

Трудились, если прямо,
Просто до упаду,
Поскольку того требовала
Нашей жизни власть,

За труд мы не просили
У страны награды,
Нам бы в нашей спешке
В жизни не упасть.

А мы ведь все спешили,
Коммунизм строили,
Хрущев нам через двадцать лет
Его нам обещал,
Себя на коммунизм мы и правда волили,
К целинным обращаясь
По хлебкам и борщам,

В общем, целина-то
Хорошо кормила,
Давала даже звания,
Машины и почет...
Целина так истинно
По земле водила,
Кто ей подчинялся —
Был явный патриот.

Целину пахал и я
На своей ДТэшке,
Первый пласт целинный
И я ведь поднимал,
А потом, бывало,
Всех развлекал гармошкой,
А это значит силы
На завтра придавал.

А завтра мы и правда,
Как быки, трудились,
Землю поднимали,
Сеяли овсы,

Званием целинника
Истинно гордились,
Теперь такое звание
Сбросили в трусы.

Умерла целинная
Хлебная эпоха
Умерли целинные
Поселки, города,
Мы целиною славились
Было нам неплохо,
Целина нам, старым,
Помнится всегда.

Целина рождала
Дружбу, побратимость,
Он рождала истинно
К своей стране любовь.
Как бы время для страны
Вертко ни крутилось,
Она и нынче согревает
Нашу жизнь и кровь.

1 июля 2016 г.

ЧТО БЫЛО, ЧТО ЕСТЬ

Вот сидим мы с Гульчатай и думаем о жизни:
Мы как пенсионеры немало в ней прошли,
Поднимали целину, молились коммунизму,
К какому неизвестно дорогой все мы шли.

Целину, как водится, хорошо подняли,
Хлеба у нас стало ну просто завались.
Говорили: коммунистичными начали жить мы днями
А потому ты в партию возьми да запишись.

Я как знатный слесарь тутже записался,
Тут вскорости и выдали партийный мне билет,
По партийной линии активным я считался,
Был у меня рабочий и партийный авторитет.

В том авторитете меня как раз сосватали
Даже секретарствовать в своем слесарном цехе,
Трудились мы отменно, промахи не прятали,
Мы были коммунистами, а это не до смеха.

Так и продолжалось, пока КПСС не помер,
А там пошли свои служебные дела:
Кто-то где-то как-то отмачивал свой номер,
Кому-то жизнь путевку в жизнь не дала.

У меня же все как под гору катилось —
Дом, семья, работа и стихотворный зуд,
На «дембеле» и вовсе ничто не изменилось,
Только ударяться стал в писательский я труд.

Родил один роман, потом второй и третий,
К ним же и прибавил сборник стихотворный,
Меня как первопробника никто не знал, не встретил,
Может, потому в стихах и стал я смехотворным.

Поэтов знатных так страна печатает годами,
Сотнями и тысячами крепких экземпляров,
А меня так тискают малыми плодами
В два десятка штучек, что знатным я не пара.

А все у всех у знатных книги продаются,
А я так за свои должен заплатить,
Ну, у пенсионера ведь деньги не куются,
Ему как-то надо безголодно прожить.

2 июля 2016 г.

НУ И ВРЕМЯ ПОДОШЛО...

Ну и время подошло —
Хрен в нем разберешься,
Все куда-то движутся,
Не движутся — спешат!
Только на балконе ты
Спокойным остаешься
И время отдаешь свое
Для своих стишат.

В них, конечно, естьчего
Увидеть и воткнуть,
Ну как тут не воткнуть их
Когда кругом машины,
Мчатони, мне кажется,
В бесконечный путь,
Посколь мелькают окна их
Да в расторопстве шины.

Мне с балкона барибер,
А сколь кругом народу,
Какой, как и машины,
Торопится, спешит?

Одни так держат путь
К своему заводу,
А другие в ресторан,
Чтоб похлебать лапши.

Конечно, настоящей,
Не той, какую вешают
В нынешнее время
Не уши людей,
А поев лапши,
Танцуют, точно лешие,
Какие веселятся
Дома и везде.

А чего печалиться,
Коль все идет нормально?
Киоски дают прибыль
И машина есть,
Прежний его век
Был просто аномальный,
Теперь в своем поселке
Ты в капитале весь.

Коль ты в капитале,
Как истинный Рокфеллер,
Тебе людские горечи,
Что зайцу вытрезвитель.
Ты — где-то заводчанин,
Где-то просто фермер,
А по жизни вообще
Боевой воитель.

Ну как же, тебя кличут
По имени и отчеству,

А на производстве —
И вовсе господин.
Может, тебе этого
Вовсе и не хочется,
Но теперь в своей стране
Такой ты не один.

А в наши дни,
В мой давний век,
Когда жили на земле
И Хрущев, и Брежнев,
Был один свободный
Советский человек,
Который жил своей страной,
Любил ее по-прежнему.

Каждый называл тебя
Товарищем и другом,
А это даже ближе,
Чем твой брат родной.
Товарищем зовешь ты
И свою супругу,
Какая отвечает: «Товарищ дорогой!»

Нет, друзья, а «господин»
В жизни не годится,
Господа так были
При Пушкине да Блоке
Их век, как видим мы,
В наш век не возвратится,
Он и по истории,
И по земле далекий.

3 июля 2016 г.

Два месяца осталось,
И конец каникулам,
А там опять учеба
И нудные уроки,
От каких спасала
Только хвороба,
Какая все же лучше,
Чем книжная морока.

Чего б ни говорили,
А учиться нудно,
Хотя учеба в жизни
Где-то да сгодится.
Говорят, без знаний
В жизни очень трудно,
Почему и надо каждому
День и ночь учиться.

Мне школа надоела —
На целину подался,
Я с нею, как с невестой,
Крепко подружился,
Со своей ДТэшкой
Вообще сбратался
И на доске почета
Первым появился.

После целины
Себя я рвал на части:
Как же ты, безумец,
Не хотел учиться?
Ведь жизнь, как известно,
Не козырной масти,

Учеба даже Богу
Может пригодиться.

Потому я все же
В вузе отучился
И, конечно, говорю ему:
«Ах, КазГУ, рахмет!»
КазГУ мне дал дорогу,
Я, как вол, трудился,
И даже вот на «дембеле»
Есть авторитет.

Так что, молодые,
Учиться призываю
И, подобно мне,
Ошибок не свершать!
Учеба пригодится вам
С любого в жизни краю,
Вы по жизни будете,
Как солдат, шагать.

6 июля 2016 г.

...

Вот сидим мы с бабкою
(Ну, с женкою моею)
И гадаем, как нам дальше
На свете белом жить.
Хозяйства никакого —
Кошки не имеем,
Этим мы на старости
И будем дорожить.

А зачем нам кошка
Или собачонок?

Ведь за ним нужен глаз
И большой уход,
Кошка с собачонком —
Истинный ребенок,
Который лишь заботы
В доме придает.

Нам заботы с бабкою
Не нужны и даром,
Нам нужны спокойствие,
Общение и тепло,
Нас не сманишь в дальний путь,
Никаким товаром,
Оттого нам в нашей хате
Уютно и светло.

А пенсионеру чего еще надо?
Хлеб, тепло, уют,
Общение и покой.
Конечно, никакого
Не надо шоколада,
Не надо, чтоб нас гладили
Общественной рукой.

Страна с пенсионерами
И так довольно возится,
Им повышает пенсии,
Следит за их жильем,
О их прошедшей жизни
Речи произносятся,
Какие не всегда мы
Душою признаем...

8 июля 2016 г.

НАСЧЕТ ШКОЛЬНЫХ ЛЕТ

На этот раз и правда
На свет я разозлился:
Чего ему не спится
О нынешней учебе?
Сотни лет как юноша
Десять лет учился,
А теперь в двенадцать лет
Ему готовят пробу?

Для чего, скажи мне, свет,
Такая продразверстка,
По-иному, говорят,
Нынче и не скажешь.
Нужнали молодежи
Такая в жизни вертка,
Когда девятнадцатилетним
Ты за парту сядешь?

Наше поколение
Десять лет училось,
Тебе только семнадцать,
А ты уже с аттестатом,
В семнадцать лет у вузовских
Ворот оно крутилось,
И через пятилетку
Диплом являлся братом.

А с дипломом молодежь —
Профессиональный гений,
То ль она строитель, то ли педагог,
Не нужно ей от жизни

Никаких молений,
Ей выбрать свою жизнь
Институт помог.

Двадцать, двадцать пять,
А там и весь тридцатник...
Человек на стремени,
Он — профессионал
Он своему времени,
Своим годам соратник,
Он себя работе,
Своей мечте отдал.

А двенадцать эти
Что дадут народу?
Только лишь растянут
Молодежный путь,
Человек в семнадцать
Зрелый по породе,
И ему за партой
Не надо спину гнуть.

За столом студенческим
Ему сидеть приятно,
Студенческие годы
Быстро пробегут,
В двадцать два тебе вручат
Диплом твой аккуратный,
На какой настроил
Тебя твой институт.

Учебную разверстку
Мир не понимает,
Двенадцать лет за партой —
Такого в мире нет!

Молодежь такой прикол
Никак не принимает
И только отрицательный
Свой дает ответ.

Не ломайте голову,
Учебные правители,
Оставьте все как было
Сотню лет назад,
Оставайтесь только
Жизненным зрителем,
Учебному процессу в десять лет
Каждый будет рад.

Потому вы, господа,
Кто ведает учебой,
Сложите свои крылышки
И ложитесь спать.
Двенадцать лет учебы —
Не для нашей пробы,
Давайте жить по-старому,
Жить да проживать.

9 июля 2016 г.

ЗА ЗАПАХОМ ТАЙГИ

Меня женка нынче как-то упрекнула:
«Полста лет мы в дружбе, вовсе не враги,
Но почему тебя ни разу в свет не потянуло
За нашими мечтами и запахом тайги?»

Было нам с тобою по двадцать и по тридцать,
Было и по сорок, и по пятьдесят,

Когда можно было бы свету удивиться
И слышать, как узбекские ишаки кричат.

Но из Агадыря не сделал ты ни шагу,
Чтоб умчать туда, где не видать ни зги,
Ты не проявил никакой отваги,
Чтоб мчать нам за мечтами и запахом тайги.

Не сделал из Агадыря ты ни сантиметра,
А теперь и вовсе, когда нам шестьдесят,
Когда ты видишь радости лишь в своих конвертах,
Которые по редакциям Караганды летят.

В тех конвертах все твои стихи и опусы,
Ты сказал, что жизни отдаешь долги.
Отчего ни разу Агадырь не бросил,
Чтоб мчать нам за мечтами и запахом тайги?

Теперь долги бывалые ты жизни возвратил,
Для чего с мечтою и тайгою распрощался,
Ты для жизни целый том стихов своих родил,
В чем перед читателем и жизнью расписался.

Стихи они приняли, в чем ты умилился
И в Караганду помчался, начистив сапоги,
И, может быть, впервые себе же удивился,
Что не помчал ты в жизни когда-то за туманом,
За нашими мечтами и запахом тайги».

10 июля 2016 г.

О ЖИЗНИ ЖУРНАЛОВ

Не знаю, как кому,
А Гундарев мне нужен,
Просто как любимый
Наш большой поэт,
Для журнала «Нива»
Был преданным он мужем,
Какого, правда, нынче
На свете уже нет.

А ведь он родил
В Казахстане «Ниву»,
Республиканский новый
Классический журнал,
Он всякие преграды
В изголовье сдвинул
И для страны читающей
Журнал «Нива» дал.

Было это ровно
Двадцать пять годочков,
Целых четверть века
В Акмоле назад.
Журнал читали взрослые,
Их дочки и сыночки,
Читал любой читатель,
Кто был умом богат.

Для большой страны
В семнадцать миллионов
Это был второй
Общественный журнал,

А первый был «Простор»,
Временем слоеный,
Какой в девятьсот тридцатом
Молодиться стал.

Как бы жизнь бедностью,
Бесхлебьем ни дышала,
А «Простор» в республике
Казахстан родился,
О жизни Казахстана
Уже Россия знала,
И в целом СССР тому
Никак не удивился.

«Простору» нынче, говорят,
Исполнилось восьмерка,
Бывал его редактором
Даже Иван Шухов,
Какой любил журнал свой
Душой, а не сноровкой,
И о каком судачили
Громко, а не глухо.

Редакторами были
Шиленкой Байменов,
И теперь Михайлов —
«Простор» ими жил.
Может быть, журнал
Хотел бы перемены,
Но каждый из редакторов
Журналом дорожил.

Жил своею «Нивою»
И редактор Гундарев,
Единственный редактор

На целых двадцать лет.
Жил журнал своею,
Своею жизни мудрою,
Теперь же этой «Нивы»
На свете больше нет.

Нет уж целый год
И, видать, не будет,
Гундарев скончался,
И ним «Нива» умерла.
Неведомо, от смерти той
Кто в стране ликует,
Только все же «Нива»
Для нас в стране жила.

Жила для нас, читателей,
Для своего народа,
Для своей единственной
Такой большой страны,
«Нива» знала в мире
Читателей погоду,
Знала, чемулюди
В своей стране верны.

Знала и оттого
Была в стране в почете,
Подписчиков имея
В тыщу человек.
«Нива» у читателя
Была на добром счете,
Был у «Нивы» добрый
Многоподписный век.

А вот год назад
«Нива» испарилась,

Просто завалились
В жизненный кювет,
Двадцать пять годков
Читателю любила,
А нынче оттой «Нивы»
Остался лишь портрет.

Читатель рвет и мечет
И государству пишет,
И просит государство
«Ниву» возродить,
Только государство
Читателя не слышит,
Его зов читателя
Вовсе не колышет,
Потому журнал на свете
Не будет больше жить.

А «Нива» уподобилась
Журналу «Современник»,
Какой еще при Пушкине
И Белинском жил,
Журнал в литературе
Был истинный Коперник,
Который всем движением
В мире дорожил.

Коперника, однако,
Церковь запретила,
А «Нива» из-за бедности
Свои листы сложила.
Неведомо, какая
Над ней бродила сила,
Но «Нива» своему читателю
Преданно служила.

В ней печатались стихи,
Рассказы и романы,
В журнале находил себя
Весь пушкинский народ,
Журнал в стране видал
Болезненные раны
И давал для излечения
Свой литературный ход,

В журнале плавал свой народ —
Писатели, поэты,
На страница выплывал
И СНГэвский мир,
Который славил и себя,
И свои планеты,
Для каких журнал когда-то
Был большой кумир.

Но и это не спасло
«Нивы» увяданье,
Какие-то неведомые силы налегли,
И для «Нивы» принесли
Новые страдания,
Какие спасти «Ниву»
От смерти не могли.

Так и умерла она
В своей стране любимой,
Ушла из света белого
И от читателей своих,
Была она когда-то
Своей страной хранимой,
Хранимой и читателем
Земель совсем чужих.

Новый век пятнадцатый
Сделал харакири
Прославленной читателем,
Богopodobной «Ниве»,
О каких бы трудностях
В верхах ни говорили,
«Нива» процветать должна
На литературной книге.

11-12 июля 2016 г.

ДЕНЬКИ ИЮЛЬСКИЕ

Заикнулся Гундарев о середине лета,
Какая, как известно, ложиться на июль,
В июле все такая же жаркая планета,
Какая заставляет глядеть в свой ридикюль.

В нем найдешь ты все для отдыха и пляжа
И, конечно, то, чтоб крепче загореть.
Ридикюль, конечно, невелика поклажа,
Но за ним ведь тоже надобно глядеть.

Случаи бывали, что копались люди
И искали просто неизвестно что.
Ладно, что тебя твой сосед разбудит,
А то проспишь рюкзак свой просто ни за что...

Радовало больше море безутешное
И такая громкая белая волна.
Конечно, утешался я и ягодками здешними,
Какие в Казахстане не рождает целина.

Целина и правда что-то не рождает,
Зато она рождает такой богатый хлеб!
За хлеб она целинника щедро награждает,
А колос так вплетается в свой советский герб.

Половина лета — июльское раздолье,
Солнце свирепеет и все ж короче день,
Коль ты примчал на море, на крымское приволье,
Забудь, что тебя дома ждут собаки и олень.

У тебя в твоём краю июль так пахнет сеном,
Копнами душистыми, а поле — целиной.
Нет, тебе не жаждет в жизни перемены,
Ты рад, что целина и этот стог с тобой.

А у тебя в твоём краю июль так пахнет снегом,
Его так ожидают собаки и олень.
Ты будешь с ними жить в своей сибирской неге
И писать тебе о том, о чем писать не лень.

12 июля 2016 г.

УГАДЫВАЮ МЕЛОДИЮ

Вот опять на телеке
С голубым экраном
Из небес космических
Ведущий Пельш явился.
Сажусь против него
Со своим баяном,
Какой в своем футляре
Просто запылится.

Ну и начинается
«Угадай мелодию»,
От которой я душой
И всем сердцем млею.
Кто не знает музыки —
Это же пародия,
Я от этой музыки
Просто молодёю.

Прозвучали звуки
Далекого оркестра,
Я пытаюсь набаяне
Их как-то повторить.
Мне в этом оркестре
Не хватает места,
Потому мелодией
Не могу я жить.

А коль это так —
Мелодий я не знаю,
Но, бывает, что-то
Я все же узнаю.
Мелодию любую
Люблю и почитаю,
Она так воскрешает
Молодость мою.

Вот звучат с экрана
«Яблони и груши»,
Они у Исаковского
Так давно цвели.
С ними выходила
На берег Катюша,
Ее жизнь и песня
По земле вели.

Катя выходила,
Песню заводила
Про степного
Сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ну, а коли песня
В небеса несется,
Ее орла степного
Пуля не возьмет.
Мелодии ж с экрана
Мне отгадать неймется,
Потому, бывает,
Мне больше всех везет.

Музыку, выходит,
Я неплохо знаю,
Бывает, называю
И ее слова.
Что-то, между прочим,
И сам в тиши играю,
А слова так говорят
Душа и голова.

Словом, я с мелодией
И Пельшем не прощаюсь,
Я всегда их сердцем
И душою жду.
Может быть, от скуки
Я просто развлекаюсь,
Но по жизни с ними
Я и теперь иду.

А мне все ж, друзья,
Исполнилась восьмерка
С ноликом, какого
Не хочешь и не ждешь.
Эх, воплотилась б в жизнь
Людская поговорка:
Больше знаешь песен —
Дольше проживешь.

18 июля 2016 г.

РАЗМЫШЛИЗМЫ

Вот проснулся в шесть утра
И жму балкону руку,
Мы с ним это делаем
Летом каждый день.
Мы с ним это делаем
По жизни не от скуки,
Просто убалкона
Встречает нас сирень.

Она нам что-то шепчет
Своей живой листвою —
Какое небо синее
И какой рассвет!
Любите, люди, жизнь
Сердцем и душою,
Она пошлет вам счастье
И жизненный привет.

Любуйтесь, люди, небом
И голубым рассветом,

Встречайте, люди солнце,
Свой день, свою мечту.
Не бойтесь стать им другом,
А может, и поэтом,
Тогда и опишите
Их дух и красоту.

Смотрите, как ваш город
Тихо просыпается,
Кругом спуют машины,
Но больше всюду вы!
Ваш день с восходом солнца,
С движенья начинается,
Движенье ж это жизнь,
Так говорят волхвы.

И правда, вы спешите
На свою работу,
Куда-то в учреждение,
В школу, в институт,
У вас на день заряжены
О друзьях заботы,
А о себе и мысли
Такие не идут.

Мне ж с моей сиренью
И с моим балконом
Заботы, как ни странно,
Только о себе,
Я жизнь свою прожил
С работой и законом,
Тем и благодарен
Людям и судьбе.

Теперь у пенсионера
Какие есть заботы?
Солнце, небо, воздух
И мой родной балкон.
Дома не предвидится
Никакой работы,
А вот на балконе
Встречаю шумный звон.

Конечно, вдоль несутся
Машины да машины,
С их каким-то светом
И дымом злополучным,
Шум улиц наполняют
Вращающиеся шины...
Мы им с сиренью дышим,
Нам горько с ним и скучно.

Но куда деваться?
Нынче век движения,
Нынче век машины
И адских скоростей,
Век, который делает
Людям одолжение,
А скорости так гонят
Их к гибели своей.

Какбы ни крутилась
Наша жизнь людская,
В ней мы больше видим
Счастья и огня.
Нынче жизнь, по сути,
В общем непростая,
Какая достает нас,
Достала и меня.

Чем она достала?
Да теми же стихами,
От каких я прячусь
В Агадыре своем.
А все как просыпаюсь я
Часто с петухами,
С какими мы совместно
Стихи же и куем.

А что их не ковать,
Когда в поселке тихо,
Пенсия что надо,
Женка близ тебя,
Когда в поселке нет
Никакого лиха
И проблемы адские
Тебя не теребят.

А они ведь были,
И теперь встречаются,
Были в Актобе,
Теперь в столице южной.
Какие-то людишки
К оружию бросаются,
Им нужно власть низвергнуть,
Им двоевластье нужно.

А двоевластье было
В давешней России,
Когда властью правили
В стране меньшевики.
Они властью правили,
Народа не просили,
Покуда не погнали их
Со сцен большевики.

Конечно, казахстанцы
Такого не допустят,
Всякие попытки
Тут же пресекут.
Самозванцев в жизнь свою
Они никак не пустят,
В нашем Казахстане
Им сделают капут.

Власть свою народную
Казахстанцы не изменят,
Не сдадут они врагам
И Президента своего,
Какого они любят
И какому верят,
От простого школьника
Да деда самого.

СССР распался,
Как домик развалился,
Тут и появился
Нежданный СНГ,
Который жил по-своему,
По-своему крутился,
Своя власть рождалась
И у нас в стране.

Власть своя явилась
В Молдове, в Казахстане,
В Армении, в Киргизии,
В Грузии, в Москве,
В Таджикики с Туркменией
И в Узбекистане,
Много было мыслей
В каждой голове.

Хотелось, чтоб своя страна
Была, как США, богатой,
Чтоб были у нас разные
Школы и больницы,
Чтоб у каждого была
Своя большая хата,
Чтоб люди молодые
Могли всегда жениться.

Ну и чтобы были
Детсады повсюду,
Чтобы веселилась
Повсюду детвора,
Чтоб на столе блистало
Изысканное блюдо
И чтоб сегодня было
Лучше, чем вчера.

Такого в Казахстане
Мы уже добились,
Мы с каждым днем богаче
И радостней живем,
Мы даже не однажды
В космос уносились
И, может, даже как-то
И по Луне шагнем.

А все то потому,
Что власть у нас такая,
Что у нас народный
Любимый Президент,
Что у нас республика
Неистово большая,
Равной какой в Азии,
Может быть, и нет.

Было в дни распада
Советского Союза:
Мы концы с концами
Кое-как сводили,
Ели что придется,
И даже не от пуза,
Но с рукой протянутой
По свету не ходили.

Мы всем своим народом
Крепко спины гнули,
Возделывали землю,
Строили себя,
На чужие земли
Никак не посягнули,
Лишь свою лелеяли,
Как дитя любя.

На ней мы возвели
И новую столицу,
За двадцать лет она
С лучшими сравнялась.
Кто в ней побывает —
Она им будет сниться,
В ней старины союзной
Просто не осталось.

Не осталось старого
Глухого одноэтажья,
Не осталось улиц,
Стиснутых жильем,
Теперь повсюду блещет
Свое многоэтажье,
Что впрямь обозначает —
Крепко мы живем!

У нас довольно много
Собственного хлеба,
У нас в избытке мяса,
Молока, яиц,
Кто в Казахстане никогда
И проездом не был,
Нынче встретит множество
Приветливейших лиц,

Вас радужно обнимут
И пожмут вам руки,
Приветливо посадят
За щедрый достархан,
Вы свои забудете
Несчастья и муки,
Каждый для вас станет
Друг ваш и братан.

Такие в Казахстане
Приветливые люди,
Если вы без имени —
Имя вам дадут,
Если с вами дети,
Да и женка будет,
Вам у нас представят
Гражданство и приют.

Вот такие все мы,
Люди Казахстана,
Приветливые, добрые
И щедрые душой,
С годами мы в Отечестве
Еще лучше станем
И жить богаче станем,
Как в песне — хорошо!

19-20 июля 2016 г.

ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ

Пожилые люди, мы люди пожилые,
Мы пенсионеры своей страны родной,
Когда-то и мы тоже были молодые,
Был в нас темперамент жизни боевой.

Многие из нас перед войной родились,
Встретили Победу, породнились с ней,
С Победой мы росли, строились, учились,
Подчинялись жизни и судьбе своей.

А в двадцать наших лет нас целина сманила,
Где мы поднимали наш казахстанский пласт,
В нас кипела молодость, наши планы, сила
И вера в целину, какая хлеб нам даст.

Хлеб она дала, что горы Алатау,
Какие Казахстан не знал куда девать,
Им наполнились склады, амбары да подвалы -
Тогда мы лишь учились с миром торговать.

Ну, а дальше строили хрущевский коммунизм,
Какой нам обещали через двадцать лет,
Но коммунизм не приняли ни свет, ни мир, ни жизнь,
Коммунизма этого и нынче в мире нет.

А все эти годы мы лишь с работой ладили,
Себя и свою жизнь подчиняли ей,
Где-то ей молились, где-то ее славили,
А то и вовсе книги тискали о ней.

У жизни, у работы были свои сроки,
Сейчас мы все на «дембеле», но мы душой в строю,
Мы — пожилые люди, живем мы без пороков,
Чтоб печалить общество и страну свою,

А людям пожилым все ж надо поклониться,
Они своею жизнью открыли новый век,
Потомки, может, будут им от души молиться,
Поскольку все ж родился новый человек.

Этот человек одарит всех богатством,
Сделает бесплатным лечение с обучением,
Он укрепит между людьми истинное братство,
У каких пишь к дружбе будет увлечение.

Ну, а дальше мы, друзья, все-таки состаримся,
Но все же мы останемся молоды душой,
А Казахстан наш на земле и в космосе прославится,
И жить мы будем только жаксы и хорошо.

1 октября 2016 г.

О ПОЭТАХ

Читаю некоторых поэтов —
Просто так, для баловства,
Одни любят лишь летом,
Других прельщает лишь Москва.

А третий гнет свою культуру.
Ну что за женщины пошли!
Куда ни глянь - сплошные дуры,
Догнать таксиста не могли.

В отчаяньи раскрыли сумки
И сигаретой затанулись,
Подмолодили свои губки
И к таксисту вновь нагнулись.

Нет, мир сегодня изменился,
И женщины теперь не те,
Когда сам Пушкин им молился,
Их духу, сердцу, красоте.

Теперь же герл с тобой покурит,
Поговоритоб Интернете,
Стопку водки приголубит,
Но не вспомнит о поэтах.

Они их вовсе не читают,
Их заменяет Интернет,
Они и Пушкина не знают —
Был такой, а нынче нет.

Были Пушкин и Есенин,
Но они их не читают,
Им дорог лишь рассвет весенний,
Тогда о счастье и мечтают.

А что поэты? Дармоеды!
Им бы целину пахать,
А они стихами бредят,
В каких пытаются брехать,

Что небо осенью дышало,
Короче становился день,
Что денег нынче платят мало,
Оттого работать лень.

Нет, мужик — кто землю пашет,
А не ворочает стихи,
Такова уж жизнь наша,
Мы, бабы, тоже неплохи.

Хотя по сути бабы тоже
Стихи пытаются писать,
Но им не стих — дитя дороже,
С дитем ты можешь и плясать.

Стихи ведь это только детство,
Ведь это только баловство,
Стихи - не праздничное тесто
И вовсе даже не родство.

Стихи - простой заскок за разум,
Сплетенье пережитых лет,
С ними кончить надо сразу
И ручкой помахать: «Привет!»

Поэтов бабы не любили,
Они их просто берегли,
Но все ж на цыпочках ходили,
Он им что-то дать могли.

Они и кольца им дарили,
Ждали маленьких детей,
А коль стихами все ж дурили,
Им дать бы чрез плечо плетей.

Писать иначе не отучишь,
Поэты - это ж голытьба!
Они не станут в жизни лучше,
Посколь стихи — то их судьба.

Стихи - их жизненная сила,
Сплав душевной суеты,
Какая по земле несла
И как-то втихаря просила
Дать людям больше красоты.

Не знаю, как там точка зренья
Наших женщин о поэтах,
Я ж от поэтов в умиленьи
И вот сейчас пишу об этом.

20 июля 2016 г.

О ТЕРРОРЕ И ТЕРРОРИСТАХ

Какая сила в мире движет террористами,
Мы, простые граждане, того понять не можем,
Они в своем терроре бывают активистами,
Террор им даже жизни собственной дороже.

Соглашаясь у себя на убийства, казни
Вовсе неповинного прохожего народа,
Террорист не признает международной грязи,
По какой с ружьем идет он приказным походом.

Чем миру насолил хотя бы Актобе,
Где сложили головы наши активисты?
Это неизвестно ни мне и ни тебе,
Это неизвестно простому трактористу.

Это неизвестно шахтеру, металлургу,
Повару, учителю, простому комбайнеру,
Медсестре, актеру, знатному хирургу,
Водителю автобуса и даже ревизору.

Неизвестно это ребятне футбольной,
Школьникам, студентам, простой домохозяйке,
От террора этого всем, конечно, больно,
Больно, как подстреленной собачонке-лайке.

В Актобе так девятнадцать гавриков убили,
Девятнадцать террористов головы сложили.
Для чего по Актобе с оружием ходили
И кому в своих краях преданно служили?

Теперь их в свете больше нет, они в земле сырой.
За что жизнь отдана в жизненном расцвете?
Никто не получил из них звания «герой»,
К тому ж, видать, у них остались женки, мамы, дети.

Остались, видно, брат, сестра, бабушка с дедулей
И, конечно, мать с отцом, что их породили,
Они жестали промышлять фин-ножом и пулей
И за своими жертвами по стране ходили.

Ненависть какая-то и в Алматы их сунула,
Где сделаны убийства молодых парней.
Какую плату им за то ненависть подсунула
И кто этот убийца — герой иль чародей?

21 июля 2016 г.

Давайте, мужики, как один поклонимся
Женщине, старушке, школьнице, студентке,
За их благоденствие и здоровье помолимся,
А цветы подарим у себя соседке.

Женщину так слабым полом называют
И место нарекают ей больше у плиты.

Н. Слепцов

А они, смотрите, и в космосе летают,
И растят невиданной красоты цветы.

А вспомните, как летчицы бомбили подлых фрицев,
Как снайпер Бибигуль снимала всех подряд,
Она на мушку брала продвинутые лица,
Об этом говорили и нынче говорят.

А как прославила себя известная всем Зоя —
Ну, Космодемьянская, что крепко воевала!
Умерла она, на стуле пред врагами стоя,
Жизнь свою за родину, за веру отдавая.

Прославили себя и молодогвардейки Громова
С Любою Швецовой — о нихзнает евет,
Они за нас и за страну еложили свои головы,
Сейчас таких героев, по сути, в жизни нет.

Но у нас есть матери пяти-шести детишек,
Есть у нас швейницы, что нас одевают,
Есть у нас и те, кто пишет много книжек,
И те, кто по экрану нам здравия желают.

У нас могут быть свои Тэтчеры и Ганди,
И, конечно, могут быть свои Терешковы,
У нас много тех, кто желает свадьбы,
Чтобы в Казахстане жить своей жизнью новой.

В целом у нас женщины истинно богини,
Давайте их всегда лелеять и любить,
И верными им быть до старческой седины,
И стараться для нее на свете белом жить.

21 июля 2016 г.

О ПРИРОДЕ, О ДОЖДЕ

Который день идут дожди,
Да просто проливные,
Были днем и ночью
И даже по утрам,
По улицам бегут, текут
Реки заливные,
В проселочных же улицах —
Грязевой бедлам.

Старики так говорят:
Дожди хлеба погубят,
В целом уничтожат
Богатый урожай.
Пахарь свое поле
Гладит и голубит,
А тут сплошное месиво,
Просто поле жаль!

А колос так и просится,
Чтоб его скосили
И в закрома засыпали
Хлебное зерно.
Хлебопашцы же у Бога
И у небес просили,
Чтоб они им солнце
И тепло дало.

А солнце уже месяц
К людям не является,
Молнии сверкают
И идут дожди,

Временами из-за туч
Солнце появляется,
А солнечного света
И тепла не жди.

А хлебный клин без солнца
Клонится и вянет,
Колос увядает прямо на корню,
Пахаря с комбайном
К урожаю тянет,
Но дождь собой являет
Защитную броню.

Так вот дни и катятся
Без луны и солнца,
Во всем теперь главенствуют
Тучи и дожди.
Бабушка и нынче
Подошла к оконцу,
Вновь перекрестилась:
Теплых дней нежди...

Ну и правда, ну куда
Солнце подевалось?
Тучи так гуляют
С вечер и до утра.
Днем оно случайно
Как-то показалось,
Но во власть вступила
Дождливая пора.

Нынче так дожди —
Губительная сила,
Коль у них не видится
Начала и конца.

Природа разрешенья
У Бога не просила,
А гнала лишь тучи
На хлеб и деревца.

Деревца так с тучами
И с дождем сбратались,
Ну, а хлеб в колосьях
До земли поник.
Как бы наши пахари
За косу ни брались,
Мокрый колос под нее
Ложиться не привык.

Что в шестнадцатый дождливый год
Всех нас ожидает,
Не ведают синоптики,
Гадалки, мудрецы.
Старушки говорят:
Того и Бог не знает,
Не ведают того
Отцы и праотцы.

Дожди без перерыва —
Природное явление,
Тут никакие силы
Их не прекратят.
В миру уже бывали
Такие представления,
Какие даже смерти
Сами в себе хранят.

Бороться с ними человек
Пытался и пытается,

Где-то победить природу
Ему и удастся.
Бывает, что он с нею
Даже и братается,
А она в отместку
Только лишь смеется.

Потому с природою
Дружбы быть не может:
Природа есть природа,
Ей человек никто.
Человек лишь сам себе
В горестях поможет,
Для природы человек —
Обычное лото.

Человек собою
Все дыры закрывает,
'За друга, за товарища,
За жизнь на смерть идет,
Злой природе человек
Никак не подпевает,
Но все ж для дружбы с нею
Он ей шанс дает.

Какие б там природа
Ни являла силы,
Ей душу человека
И думы не сломать,
Какие бы невзгоды
Она ни приносила,
Человек ее оковы
Рвал и будет рвать.

О ПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Моя женка нынче сварганила толченку,
То есть картопан она в кастрюле потолкла,
Такое она делала, когда была девчонкой,
Но и теперь то делает, когда уже жена.

Не знаю, как там у людей, а картопан у женки —
Пальчики оближешь, с маслом и с вином,
Себя я признаю пред нею пораженкой,
Посколь такое блюдо едал давным-давно.

Было это лет... лет полста, не менее,
Когда мы только-только начинали жить,
Я тогда слесарил в своей слесарной смене
И старался для страны крепко послужить.

И служил пятнадцать лет своей слесарной группе,
Начальство умилялось, я крылья распускал,
Зимой шел на работу в истрепанном тулупе,
А в лето так полегче курточки искал.

Ну, на производстве нас депо кормило,
Был встоловой ихней итотже картопан,
От него, бывало, меня даже тошнило,
Так что я не падок был на картопанный план.

Забывтые с годами картошечные блюда
Нынче так за милую душу уплетаю,
Конечно, не хочу я быть прожорливым верблюдом,
Но ремесло я женщины крепко уважаю.

Делает мне женка и легкую нагрузку —
Супчики перловые, оладьи да блины.

Я так их считаю старческой закуской,
От них я не полнею - заслуга в том жены.

На других посмотришь — ну истинно верблюды!
Они в свою одежду даже не вмещаются.
Потому запомним: мы в природе люди,
А им не все природой делать разрешается.

Крылову уподобляться себе мы не позволим,
Чтобы умеретьот заворот кишок,
Давайте жить на легком фруктовом, рыбном поле,
И ты сто лет протянешь, поверь врачам, дружок.

24 июля 2016 г.

Мне из детства моего больше вспоминается,
Как мы с пацанвою ходили на паслен,
Нынче на него и под палкой не бросаются,
А нас-таки подкармливал и давал силы он.

Было то далекое времечко военное,
Когда мы провожали на войну отцов,
Было наше племя в голоде примерное,
Посколь в душе носило марку мудрецов.

Паслен - то не какая-то хлебная горбушка,
А поел, и кажется, ты голод утолил,
Дома так встречают сестренка и братушка,
Им тоже я паслен в фуражке приносил.

Расправлялись они с ним с завидным аппетитом,
Как-никак, а голод куда-то уходил,
Был нам, мальчуганам, паслен своим магнитом,
Он нам хоть какие-то силы да дарил.

Нет, друзья, не надо к паслену относиться
Как к какому-то дурману или сорняку,
Он как степное лакомство может пригодиться
Не только молодому, но и старику.

Матушка, бывало, в годы те военные
Из паслена стряпала для деток пирожки,
Мы же поедали их послушные, примерные,
Нам в душе завидовали аульные дружки.

24 июля 2016 г.

МЫСЛИ О БАЯНЕ

По телеку смотрю концертную программу:
Ах, до чего же у нас люди душою хороши!
Какие отдают себя зрителю по граммам,
В этих граммах непременно часть их большой души.

Вот Кайрат Нуртас с задушевной песней,
Лолита что-то отдает душевное свое...
Песен я не знаю, хоть ты в доску тресни,
Но я в песнях слышу душевное жите.

На сцене появилась Кадышева Надя
С гармонистом хоть куда и своей компанией.
Говорят, компании ей совсем не надо,
Она отлично справится сама с душевной манией.

А Надежда Бабкина вся в своем движении,
Со своей компанией, какая на лету!
Она в своем движении — души отображение,
Она на бесконечном артистическом посту.

На таком посту и Кобзон с Валерией,
Лещенко, Леонтьев и Эдита Пьеха,
Все они, конечно, блещут в свою меру,
Но все только для зрителя, для его успеха.

Мне же больше нравятся Кадышевой песни,
Как когда-то нравилась Екатерина Шаврина,
Люблю я песни под баян, мне от них прекрасно,
А киевляне говорят, что им просто гарно.

Как бы мир сценический ни существовал,
Мне сердцу больше дорога баянная эстрада.
Бывало, по баяну я мифически страдал,
Готовый за их песни себя отдать в награду.

Нынче мир баяна тихо умолкает,
На него гитары с домброю наступают,
Его дают струны, трубы, электричество
В своем всегда шикарном расширенном количестве.

Мне ж всегда хотелось с кнопками дружить,
Отчего с баяном я навсегда сдружился.
Я с баяном даже жизнь решил свою прожить,
Отчего играть на нем под старость научился.

Теперь я в самостоятельности с баяном выступаю,
Зритель нас по-своему хорошо встречает.
Любит ли баян народ, я того не знаю,
Только лично мне баян жизнь продлевает.

24 июля 2016 г.

Приткнулся к магазину, подошел к прилавку,
На нем лежат продукты — ну просто завались!
Читаю на них ценники, все они с поправкой,
Хочешь иль не хочешь, покупай — не злись.

Ну, а как крестьянину на свет не разозлиться?
Сахар был сто двадцать, а теперь аж триста!
Видно, власти требуют народ свой разориться:
Теньгушек не имеешь, так продай монисто!

Коль хочешь жить - бери да разоряйся,
За сахар, за конфеты и за чай плати!
Коли жалко денег — всухую умывайся
И говори отцу детей: «Дорогой, прости!»

Кант подорожал от прошлого аж вдвое,
Вдвое с половиной, а то и в три раза,
Люди не намерены жить в земном покое,
Требуя властей на все открыть глаза.

25 июля 2016 г.

Внучка попросила прикупить ей куклу
И показала ту, что ей была мила.
Были у нее растрепанные букли,
Какая пять тысконок теньгушек увела.

Пять тысяч, кто-то цыкнул, не Эйфелева башня:
Подумаешь, пять тысяч - бутылка коньяка!
На пятерку эту не закрутишь шашни,
И просто тебя примут за Ваньку-дурака.

Хотелось, чтобы власти ту куколку купили
И на пять тысконок как-то б разорились,
И где-то в кулуарах бы цены обсудили:
В каких они районах и кем они творились?

25 июля 2016 г.

Нынче дождик перестал,
Все уgomонилось,
Тучи разбежались
И луна в ночи,
А рано утром в день-деньской
Солнце появилось,
Да и петух у домика
По-своему кричит.

А это значит, будет день
Вовсе не дождливый,
А с богатым солнцем
Так совсем тепло.
Выбегает ребятя,
Их вожак счастливый,
От их появления
Во дворе светло.

Тут качели в ход пошли
И всякие вертушки,
Веселится и гуляет
Наша пацанва.
Выходят к своим лавкам
С палочкой старушки,
Этим и доволен
Наш домовый глава.

Лужи во дворе
Исчезли, испарились,
Девчушки так играют
С куклами в песочнице.
Тут и их бабули
Рядом появились —
То со своим йогуртом,
То с чашкою-молочницей.

Коль такая во дворе
Редкая идиллия,
Значит, всюду по стране
Довольство и добро.
Мы не будем называть
Никакой фамилии,
Только власти нам дают
Богатство и тепло.

25 июля 2016 г.

Вот толкнутся земляки у нашего киоска,
Который все гаджеты и мелочь продает.
Из мелочи взял ручку и для внучки соску,
Народ газеты разные с журналами берет.

Беру и я газеты, тонкие и толстые,
«Новость криминальная» и тонкий «Авиатрек».
«Авиатрек» читается совершенно просто,
Посколь, кроме программы, там другого нет.

Есть для знатоков хитрые кроссворды,
Любителям артистов — артистичный мир,
Кто-то на кроссвордах даже бьет рекорды,
Кого-то называют «кроссвордный наш кумир».

А я так увлекаюсь больше «Криминалкой»:
Ах, сколько негатива еще у нас в стране!
Вот я не расстанусь с своей походной палкой,
Какая добровольно и нынче служит мне.

Как-никак, а палка все-таки оружие,
Ей ты от любого барыги отобьешься,
Какие на базарах и торговочках кружат
И к тебе пристанут, коль ты лишь засмеешься.

Ну, а коль ты с палкой, ты-таки в защите,
Ты ею отмахнешься от двух и трех бомжей.
Тебе не прикажут: мол, пузырь купите,
Ты будешь в коллективе продвинутых мужей.

25 июля 2016 г.

Мне один мужик пообещал книжонку,
Говорит, что бесподобная есть в миру Донцова,
Почитаешь для себя, для детей, для женки
И забросишь Пушкина с Толстым и Васнецовым.

Ну, не знаю, не читал я таких писательниц,
Слышал, у нее сплошной разбойный мир,
Всюду у нее страдальцы да страдалицы,
А камера тюремная — основной кумир.

Ну, это говорят, на деле ж я не знаю,
Чем там занимается ее простой народ.
Может быть, идя на дело, он вдруг замирает
И свою политику в разбойный мир несет.

Не ведаю, не знаю, что у ней за люди,
Я ни одной книжонки Донцовой не читал.
Что у нее за люди — ездят на верблюде
Или осаждают какой-нибудь вокзал?

25 июля 2016 г.

ПРОГУЛОЧНЫЕ ДУМЫ

Гуляю на прогулке вдоль родной «железки» —
Как-никак, а сорок лет я ей посвятил.
Пришел я на «железку» не как-то по повестке,
А со слесарной коркой, что мне ЖУ вручил.

Ну, ЖУ то было училище такое
В далекое то время, в давней Акмоле.
В училище стремилось все племя молодое,
Какого было много в акмолинской земле.

ЖУ — железнодорожное училище — любили,
Мы были в нем и правда как одна семья,
Два года на занятия мы и в цеха ходили,
Где в цехах акмолинских любил работу я.

А потом училище нас всюду разослало,
Мне с моей оравой достался Агадырь.
Как нам поначалу трудно ни бывало,
Мы держали марку и мужскую ширь.

Дали нам всем в руки впервые тепловозы
И сказали каждому: «Дорогой, трудись!
Какие б ни сгущались над вами тучи-грозы,
Вы должны давать тепловозам жизнь».

Так вот и давал им жизнь сорок лет я кряду,
Тепловозы бегали и поезда водили,
А потом списали их за старость по наряду
И электровозами повсюду заменили,

Но электровозы — то не моя стихия,
Крутился в техотделе в снабженческом отделе,
Дни бывали у меня, как в бою, лихие,
Но был я все же докой в своем новом деле.

Снабженческая миссия - нелегкая работа,
Тут работа часто звала лишь в дорогу,
На производстве, как всегда, всякие заботы
И свои потребности, и свои тревоги.

Приходилось их решать мне с моим отделом,
Коль электровозы бегают, значит, я герой!
Начальство говорило: «Ты знаешь свое дело,
Жаль, что твоя пенсия уже не за горой».

Так меня на «дембель» тихо проводили,
Говорили добрые прощальные слова,
Главному снабженцу и премию вручили,
Так что от волненья закружилась голова.

Я благодарил начальство деповское
И, конечно, всю его рабочую семью,
А все как они жили по правилу людскому,
Я за жизнь каждого жизнь отдам свою.

А потом я даже героем оказался:
«Я к «дембельскому» делу стих вам написал,
Как там получилось — я не разобрался,
Но ему я душу по правде отдавал:

Ах, депо, депо, ты всегда со мной,
Ты всегда во мне, я всегда в тебе,
И сегодня я с головой седой
Благодарен всем и своей судьбе,

Что связала жизнь навсегда с депо,
Хлеб и кров дала, научила жить
И любовь свою, и души тепло
Отдавать друзьям, людям нужным быть
И всегда во всем верным долгу быть».

Хлопали мне, кажется, кактому ж Леонтьеву,
Вводили меня в краску и в солдатский стиль,
На галерке женщины даже не заплакали,
А парни показали выпитый пузырь,

Понятно, им на полную надо разориться,
Что я и предпринял после всех утех,
Пенсионным званием теперь могу гордиться
В своем коллективе и агадырцев всех.

На пенсионном «дембеле» время нетеряю:
Почитываю что-то, что-то и пишу,
А стихи и вовсе впервые сочиняю,
Что женка называет — «вешаю лапшу».

Что ж, давайте вместе «лапшу» ту почитаем,
Может быть, полезное что-то извлечем.
Правил стихотворства я почти не знаю,
Но за стихи обычно берусь я горячо.

Чтотам вылетает — не соображаю,
Но знаю, что в те строки вложена душа,
Стихи ложу в конверт и в «Классик» провожаю,
А «Классик» разберется — там стих или «лапша»...

МОЙ КРАЙ РОДНОЙ

Я, может, Исаковского строки повторю,
Посколь родился тоже в забытом захолустье,
Это я сегодня о том так говорю,
А прежде в голове и в сердце было пусто.

Родился я, по карточке, как раз перед войной,
Рос в своем ауле со всеми пацанами,
Отца я помню плохо — война тому виной,
Но все ж я помню батьку, что целовался с нами.

Он целовал и маму, и нас, троих детей,
Военные товарищи того не запрещали,
Шофер свою машину ручкою вертел,
Пока в моторе клапана для всех не затрещали.

Ну, а коль машина взяла да завелась,
В нее всю призывную команду посадили.
В ауле люди знали — война уж началась,
Потому всех мужиков на фронт и проводили.

Не ведаю, как матушка со всей войной справлялась,
Заодно и с нами, тремя пацанами,
Она со всей работой и с нами справлялась
И, как все в ауле, жила небесами.

Получала карточки, как было, продуктовые,
По ним же получала и крупу, и хлеб,
К работе же всегда была, как все, готова,
Готовы были пацаны, женщины и дед.

Так мы и росли в военную годину
И так же пацанвою встретили Победу.
На войне мой батька из аула сгинул,
Дождались Победы даже наши деды.

Ну, а мы, как водится, учились и росли,
Работали, женились, своих детей растили.
Наши дети тоже своей дорогой шли,
Мы их, как себя когда-то, тоже поженили.

Теперь они в своих делах с жизнью и судьбою,
Ну, а мы, родители, на «дембеле» толчемся.
Жизнь нам на старости не кажется игрою,
Мы такими ж верными в жизни остаемся.

Верными своей стране и своей судьбе,
И ее таким праведным законам,
Какие помогают жить людям и тебе,
И даже кто в Отечество приехал незнакомый.

А все то потому, что мы одна семья,
Что мы в Казахстане — наследники Абая,
У нас есть Независимость, есть дети, ты и я,
Есть у нас страна без конца и края.

26 июля 2016 г.

Рад был окунуться в июльскую водицу,
Только отродясь ее в поселке не бывало,
Гнать куда-то далеко — нанимай возницу,
Для пенсионера только этого как раз и не хватало.

Но близ Агадыря что-то протекало,
Может, в тридцати иль сорока верстах,

Близ воды купальщиков всегда у нас хватало,
Какие загорали тут на своих холстах.

Природа Агадырем зло распорядилась:
Железную дорогу она ему дала,
А от рек-речушек в степи удалилась
И вот вод природных в степи увела.

Так и поживают вот люди агадырские,
Есть у них богатство и машины есть,
Но нет у них речушки ни вдали, ни близко,
Знать, природа не дала агадырцам честь.

27 июля 2016 г.

О ВОЙНЕ И О СЕБЕ

Ах, как хочется напеть что-то Исаковского,
Ну, хотя б далекую известную «Катюшу»,
Иль в Теркина удариться, как было у Твардовского,
И чтоб меня хоть кто-то бы и читал, и слушал.

Но такого, говорят, нынче не бывает,
Тебя, как нынче водится, никто читать не будет,
Нынче больше Интернет всюду поспевает,
Он как раз и мысли у народа будит.

Что такое Интернет — ты спроси у времени,
Тебе растолкует и твой новый век,
Время просто сбросило старческое бремя,
Теперь кругом главенствует новый человек.

Этот человек сегодня книжек не читает,
Непонятно одного — зачем их издают?

Он по Интернету, по миру летает,
Любую информацию ему в миру дают.

А я со своей чертовой старческой повадкой
Пытаюсь свои книги все-таки издать,
Пусть дают они автора денежной накладкой,
Он сам их будет для себя и для друзей читать.

Говорят, читается, что сам ты покупаешь,
Раз ты разоряешься - знаешь, на кого,
А коль разоряешься, значит, прочитаешь,
Это же известно всем до одного.

Но меня-то, черт возьми, в каком месте купишь?
Двадцать экземпляров, и все они со мной.
Друзьям раздаришь и родне, себе оставишь кукиш,
А дальше надо думать душой и головой.

А ведь книги издают в тыщи экземпляров,
Издают и как-то людям продают,
Книги у нас кличут ходовым товаром,
Потому издательства их тыщами куют.

Ладно, то Есенин, Пушкин, Сулейменов,
Ну, а за меня ведь и теньгушки не дадут,
Поскольку я не тот поэт, что им пришел на смену,
Я не из тех, которые поэзией живут.

Им нужны Михайловы, Шашковы да Черновы,
Шиленко да Байменов и прочий люд людской,
Им нужны, кто видит жизнь современной, новой,
Не равняя, как бывало, с жизнью заводской.

Нынче люди другой пошел, не тот, что при Союзе,
Когда была большая, но единая семья,

Когда Москва велела сеять кукурузу,
Какую в дни бывалые сеял даже я.

Москве мы подчинялись, как школьники учителю,
Было то при Ленине, при Сталине, при всех,
Москва бывала для страны надежным поручителем,
От нее обычно ждали победы и утех.

Победы эти были с целинной эпопеей,
С денежной реформой, с брежневским житьем,
С помощью Китая, Вьетнаму да Корее,
Что в свете означало - крепко мы живем!

Вспоминать то время нынче не годится,
Был у нас Союз большой, была у нас Москва,
Нынче тот Союз большой взял да развалился,
У никого от этого не вспухла голова.

Нет того Союза, нет и барибери,
Каждая республика по-своему живет,
Каждая республика свои открыла двери
И жизнь по новым рельсам в новый мир ведет.

Видать, по новым рельсам шагают и поэты,
У них другие вирши и мир у них иной,
Они слагают гимны своей страны и детям
И не говорят, что СНГ стал всему виной.

Виной, что появились чертовы таможни,
Что в страну чужую ты просто не войдешь,
Из Чу попасть в Киргизию просто невозможно,
А ринешься без спроса - в кутузку попадешь.

У нас об этом, кажется, не говорят, не пишут,
Все идет по-своему — тишь да благодать!

Старые порядки так по новой рушат,
У всех свои границы, свои войска и рать.

Сегодня, как ни странно, в газету не пробиться,
Пыталя агадырец, но там молчат, как рыба.
Агадырец пошутил: взять да застрелиться?
Так у него ведь писанины стариковской глыба!

Такая писанина взяла да появилась,
Но характер у газеты неприступен, лих.
Видать, на агадырца газета рассердилась:
Нет чтоб брататься с прозой, а он марает стих!

И правда, агадырец что-то к Дню Победы
Есенинской строкою взял да написал,
Думал, пусть прочтут молодежь и деды,
Он свой стих к печати крепко отгесал:

А войне бы надо посылать проклятья,
Что способны сделать только лишь поэты,
Нам надо неизменно поклониться братьям,
Что на войне погибли, и черкануть об этом.

Ах, война, только зло ты в миру вытворяешь,
Сеешь смерть на красивой земле,
Все живое со свету еживаешь,
Ах, война, все проклятья тебе!

Сколько жизней в веках ты сгубила,
Людям горя и слез принесла,
Косу смерти, не прячась, точила,
Кровь людскую морями лила.

И сегодня с косою своею
Ты страдания людем несешь,

Черной смертью и прахом лишь веешь,
Жизнь людскую залогом берешь.

Кто родил тебя, солнце иль боги,
И когда, чтоб проклясть этот век?
Война: «Успокой свою блажь и тревоги,
Породил меня ты — ЧЕЛОВЕК!»

Каждый год Победы нас всех предупреждает,
Что войны нам приносят только смерть и смерть,
Мир сорок первый год и нынче вспоминает
И рекомендует в мир правильно глядеть.

Для того глядеть, чтоб помнить воевавших
Наших с вами батек и чужих отцов,
Жизнь свою за нас и за страну отдавших,
Отдавших жизнь солдата и душу храбрецов.

Теперь война минувшая — на земле история,
Для нас же, агадырцев, история вдвойне.
Отцы, прощаясь с нами, со старшиной не спорили,
Какой их ждал с машиной тут же в стороне.

Рыдали наши матушки, и мы рыдали, дети,
А батьки укатали, и тоже со слезой,
Нас не успокоили ни пряник, ни конфеты,
Ни общение с маленькой у домика козой.

Ну, а дальше годы трудные, военные,
Детки подросли и встретили Победу,
Мы росли и правда необыкновенные,
Росли и под победным, и целинным небом.

А дальше - жизнь, школа, юношеские годы,
Аттестат, работа, институт, дитя...

Были мы, по правде, не ангельской породы —
Жизнь нам давалась серьезно, не шутя.

Так мы и до пенсии с женской докатились,
Она дала нам тишину, довольство и покой,
Домки вышли замуж, парни поженились
И жизнь свою делают собственной рукой.

Мы же, их родители, их благословляем
На подвиги, богатство, на счастье и любовь,
Конечно, им тарзановского здравия желаем
И чтобы у них детки рождались вновь и вновь.

Дети ж нам спокойно в мобильник отвечают:
«Тройня, даже двойня нынче не в чести».
Пусть их ребятенки от жизни получают
То, что они могут с собою унести.

А жизнь нынче дарит полную свободу
В учебе и в работе, в дружбе и в житье,
Выбор для себя утонченной моды,
Ну и вера в счастье чужое и свое.

Говорю я женке: «Все-таки с тобою
Мы жизнь хотя нелегкую, но все-таки прошли,
Где-то с доброй волей, где-то и с борьбою,
А счастье, пусть нелегкое, однако мы нашли.

Чем нам нынче ждать от мира и от Бога?
Пенсия что надо, здоровье, как у всех,
Болезни, слава Богу, не трутся у порога,
Нам нато пожаловаться некому и грех».

У жены извечно женские заботы —
Сделать постирушку, состряпать куличи,

В окошко видеть тех, кто катит на работу,
И как искусный парень ложит кирпичи.

А дворник со своею длинною метлою
Наводит во дворе азарт и чистоту..
Только мы с моею боевой женою
Уже перешагнули «дембеля» черту.

А на «дембеле» чего? Писать лишь остается,
Вспоминать свое и женкино житье.
Может быть, читатель только улыбнется,
Ладно, хоть не трогает он житье мое.

А журналистам я со старческой позиции
Пожелаю счастья, здоровья и друзей,
Дома ж я в своей ухоженной светлице
Буду ждать набора всей «лапши» моей.

Ну, а коль «лапша» моя выльется в журнале,
Я так непременно в экстазе запою,
Буду петь и дома, в гараже, в подвале,
Я за победу эту за ценой не постою!

Все же я закончу свое душеизлиянье,
Пусть оно в журнале коснется мудрецов,
Стиху я отдал все свои старания и знания
И ставлю свою подпись: НИКОЛАЙ СЛЕПЦОВ.

А на прощанье «Простору» я скажу:
С годами мы резвость теряем,
То ноги скрутило, то плохо гляжу —
Вот так мы в тиши помираем.

Но я не желаю тихонько заснуть
Сном неожиданным, вечным,

Хочу, чтобы около был кто-нибудь,
Хотя бы рассказчик беспечный.

Пусть будет усердным товарищ-медбрат,
Какой и глаза мне закроет,
А за окошком пусть дети шумят
И в поле волчица завоет.

То будет по мне предпрощальная боль,
Я, может, и тем успокоюсь.
Я в жизни исполнил нелегкую роль,
Пред вами о чем и откроюсь.

А нынче в мои восемь десятков
Пред Пушкиным и Блоком преклоню колени,
От них я попрошу единственной взятки —
С поэзией жить мне усердно и без лени.

Железной дороге я душу отдал,
Лет сорок ей верно служил,
Слесарил усердно, не шел на привал,
Работой своей дорожил.

На «дембеле» ж мне жить стихи не дают,
Они во сне донимают,
Отчего поднимаюсь, усердно кую
И в свой «Простор» посылаю.

На этом давайте закончим наш той
Добрый для нас пожеланием,
А нашей поэзии, как небо, святой
Пожелаем любовь и признание.

О ДНЯХ ИЮЛЬСКИХ

Прочитал Шиленко: «Июль, жара смердящая»,
Только в мой июль идут одни дожди,
Они не приведения — в корне настоящие,
Такие проливные, добра от них не жди.

Колоски так голову свою к земле склонили,
Им дать бы нынче солнце, ветер и жару,
Только тучи солнце на небе заслонили,
Как будто с ним играют в какую-то игру.

Старики дождями очень недовольны:
Они могут вымочить наш крестьянский хлеб,
Без хлеба жить крестьянину по-крестьянски больно,
Жить без него не может ни поляк, ни серб.

Ни венгр, ни латыш, ни француз с испанцем,
Ни казах с узбеком, ни таджик с мордвой,
Ни с одним земным своим или иностранцем,
Который топчет землю, поскольку он живой.

А живому хлеб, как и воздух, нужен,
Без хлеба так, по сути, в миру и жизни нет,
Без хлеба человек будто бы контужен,
Так об этом говорят писатель и поэт.

Куда же человечеству без зерна, без хлеба?
Хлеб нам дарит жизнь и свою судьбу,
Хлеб нас временами посылает в небо,
Без хлеба вылетает человек в трубу.

Видно, нынче тучи с солнцем сговорились,
Чтобы не греть землю и просто не светить,

Потому над миром тучи так сгустились
Им только для себя хочется пожить.

И живут, забытые солнцем и ветрами,
К тому же наступают шумные дожди,
Да землю не согреешь огнями и кострами,
Тут только от природы снисхождения жди.

А природа нынче страшнее Салтычихи,
С ней не могут даже боги сговориться,
Она нынче хуже прожорливой купчихи,
Какой всегда желают только удавиться.

30 июля 2016 г.

ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ

Где вы, наши годы, годы молодые,
Где вы, дорогие восемнадцать лет?
Мы сегодня с женой вовсе не такие,
У нас о нашем прошлом воспоминаний нет.

Не помнятся нам поцелуи первые, скупые,
Не помнится и первый подаренный цветок,
Не помнятся и наши рассветы голубые,
И первый наш семейный жизненный урок.

Не помнятся, поскольку нам по восемнадцать,
Всего по восемнадцать исполнилось нам лет,
Мы учились жизнью и небом наслаждаться,
Теперь мы с женой — бабка и поседевший дед.

Теперь у нас есть внуки, внучка и правнуки,
Кажется, другого счастья и не надо,
На «дембеле» грызу я стихотворные науки,
Абабка колдовала над домашним шоколадом.

А потом у бабки магазин и кухня,
И ее любимые оладьи и борщи,
От каких я, правда, как старик не пухну,
Мотаю километры - в степи меня ищи.

От того, быть может, я стройный, не пузатый,
Не чета моим в подъезде старикам,
От ходьбы я тощий, высокий, не горбатый,
Являюсь членом нашего здорового полка.

Бегу нас в полку исключен навечно,
А вот ходьбе мы прирастаем наши километры,
Какие нам дают ритмику сердечную,
А мне так больше мыслей тайному поэту.

А вчера моей старушке исполнилась семерка,
Конечно же, с нулем наших дивных лет.
Искал цветы в киосках, на рыночных галерках,
Каких, как мне сказали, и в помине нет.

Хотел, чтоб меня как-то в Караганду задуло,
Где цветов наверняка просто зашибись!
Дома бабка удивилась, даже и всплакнула:
Цветы ей запоздалые по душе пришлись.

Женщина есть женщина, будь она старухой,
Ей цветы любые — это жизнь ее,
Ей может даже вспомниться военная разруха
И послевоенное ее житье-бытье.

Тогда мечталось-думалось о буханке хлеба,
О том, чтоб на себя хоть что-нибудь одеть,
О том, чтоб самолет фашистов не был в нашем небе,
Какого пацанвою мы могли глядеть.

Адальше было трудное после войны взросленье,
Первый класс крутился, аттестат, любовь,
Жизнь с женкой парой в Божьем повелении,
Когда букет душистый согревает кровь.

А после жизнь большая по земле катилась,
Дети народились, потом пошли и внуки,
Жизнь без цветов катилась и мирилась,
До цветов удеда не доходили руки.

А тут вот в семь десятков дед о жизни вспомнил,
Цветы хоть запоздалые, но то ведь жизни цвет!
Он жизнь моей бабки, может быть, и полнил,
Но без цветов и правда будто счастья нет.

Поле Якубовича без цветов не дышит,
Ведь цветы — внимание, желание, любовь.
Может быть, душа приветствия не слышит,
Но цветы согреют старческую кровь.

Пусть будут для кого-то они запоздалые,
Но в них всегда сокрыта своя любовь, душа,
Какие скрасят жизнь и давнюю, бывалую,
И какие скажут: жизнь все же хороша!

Как-никак, а все ж цветы, пусть и запоздалые,
Это язык сердца, хлеба и любви,
Мы нынче старики, почтенные, бывалые,
Не можем рифмы петь, как наши соловьи.

Так пусть заменят их цветы, твоей душой согретые,
Пусть будет благодатным твой дарственный букет,
Дарил его я женке и душой поэта,
По поводу чего и выдал сей сонет.

31 июля 2016 г.

ЦЕЛИННЫЕ СТРАДАНИЯ

О чем я не сказал поэзией моей,
На чем душа моя не остановилась?
На том, что я люблю из фильма голубей,
Какие в этом фильме как раз и появились.

Я ничего о Бровкине Иване не сказал,
Как он по кино непутевым звался,
А в армии себя героем показал,
После какой на землях целинных оказался.

Нынче о целинниках вообще не говорят,
Будто их в миру совсем не существовало,
Они на нас лишь с фильмов уверенно глядят,
А нам бы им сказать: целины не стало...

Пройдись по ней сейчас, такой цветущей прежде,
И в селеньях к людям в гости загляни,
Живут они без славы, без веры, без надежды,
По сути, и без родины, и без ее любви.

Горе не прикрытое на людей свалилось,
В каждую семью и в каждый дом вошло,
Все, что создавалось, нынче развалилось,
Что жизнью созидалось, теперь на слом ушло.

Целинные поля без плуга опустели
И травой дикой сплелись и поросли,
Птичьи рощи певчие без жизни онемели,
И в небе не курлычут, как прежде, журавли.

Давно в домах целинников не слышно смехе, песен,
Не видно, как обычно, шумной детворы,
Люди уж не ждут целинных теплых весен,
Самой хлебобобной на земле поры.

Не радует теперь и золотая осень,
Когда у хлебопашца полнятся закрома,
Когда в полях закончены уборка и покосы
И ждетя без натуги матушка-зима.

Нынче в поселеньях свадьбы не играют,
Застолья, встречи прежние нынче не в чести,
Целинники бывалые лишь век свой доживают,
Не зная, как селения и себя спасти.

Земля в целинный век их сыростью кормила,
Славу и целиннику, и стране несла,
Нынче ж славу ту порушила, сгубила
Рожденная политикой СНГ-страна.

Целина рождала межлюдское братство
И веру в неизменное счастье на земле,
Неся с собою правду, свет солнца и богатство
Своей такой раздольной, распаханной стране.

Осенью обычно блаженствуют поэты
Любуясь красотой и золотом листвы,
Мувствами рождая своей души сонеты,
Что читаем сердцем и душою мы.

Нет, целина сегодня поэтов не волнует,
Посколь и целины, и поэтов нет,
Отдельные поэты о целине малюют,
Но их вирши для страны и для людей секрет.

Что-то и у меня о целине черкалось,
Посколь на ней трудился я целых семьсот дней,
Я с борозды съезжал, когда уже смеркалось,
Чем удивлял и радовал начальство и друзей.

О времени о том я писал в газеты,
Они меня печатали и слали мне рахмет,
А я еще к тому же даже был поэтом
И посылал в газеты свой стихотворный бред.

Они на этот бред ноль и два вниманья,
Что меня, конечно, крепко обижало.
Бывал я на бригадных посевных кампаниях,
Вести о каких в редакции бежали.

О них я тискал очерки и свои стихи,
Очерки газеты быстренько хватали,
Астихи, наверное, шли от чепухи,
Потому их в урну с легкостью бросали.

И теперь мои стихи не радуют газеты,
Может, нынче век совсем не стихотворный?
А я хоть и на «дембеле», но чту себя поэтом —
Не пушкинской породы, но все же плодотворный.

31 июля 2016 г.

Вот хоть в доску расшибись от печали:
Куда исчезла «Играй, гармонь» с экрана?
Ведь тридцать лет мы ее встречали,
А нынче телевиденье говорит: не надо!

В России ж телевиденье передачу крутит
Тридцать лет без всякого злого перерыва,
Но наше телевиденье передачу мутит,
Потому оно ей голову, как врагу, скрутило.

Три года передача блуждает в поднебесье,
Но обходит казахстанский голубой экран,
Однако ее смотрят в Грузии, в Полесье
И в прочих наших точках зарубежных стран.

Исчезла точно так же Пиманова рулада
С телевизионным именем «Закон и человек»,
Зритель в передаче зрел правду и усладу,
Где было наше время, наш беспокойный век.

В России ж передача гонится, как прежде,
Казахстанскому же теле оно барибер,
А казахстанский зритель живет своей надеждой:
Может, мы российский возьмем себе пример?

И будем гнать, как прежде, «Играй, гармонь» любимая,
«Закон и человек» вновь возобновим,
И наше телевиденье vsвоем миру строптивое
От казахстанских зрителей душой поблагодарим.

1 августа 2016 г.

Признаться, что-то грустно с голубым экраном —
Ну, кроме новостей, он пользы не дает,
Киношками он водит нас по Турциям да Ганам,
Иногда по Франции украдкой проведет.

Господи, а где наш «Солдат Иван Бровкин»
И тот же «Иван Бровкин на целине»?
Программку телевиденья тасует архивовко,
Смотреть какую совестно всей нашей стране.

А чего бы не прогнать ему забытый «Трактористы»
Или «Волга-Волга» с забытой «Поварихой»,
В каких играли с именем мировым артисты,
Какие и сейчас бы просматривались лихо?

А почему бы не включить «Дело было в Пенькове»?
Да от этих фильмов сердце возрождается!
Нет, из себя мы ладим только Простакову,
Что там в белом свете, ей и нам не нравится.

Нам - так это нашему любимому экрану,
Какому «Паутина» всех «Стряпух» дороже,
Какую оценили бы турецкие султаны
И, может, даже стали бы для себя моложе.

А потом ударились бы на «Склифосовского»,
У какого нет конца и, кажется, не будет,
Они о нем поговорят умно, по-философски,
А потом и вовсе про него забудут.

Их могут для себя привлечь даже «Библиотекари»,
Какие своим делом владеют по-пиратски,
В фильме они, правда, все поисковеркали,
Хотя зритель принимал их отчасти по-братски.

Как мы понимаем, «Стряпухи» не дожждаться,
О «Волге-Волге» с «Трактористами» вообще забудь,
Телевизионщики не думают на них с колен бросаться
Ни завтра, ни сегодня, ни когда-нибудь.

Так что будем зреть цветной наш телеящик
С тем, что нам телевизионщики будут подавать,
Они нам могут сунуть фильм «Абдрахман-приказчик»,
На него мы тоже будем глаза рвать.

А куда деваться? Нынче телевиденье
Требованиями зрителей только урну полнит,
Оно себя предложит и евривиденье,
На желанье зрителей даже и не дрогнет.

1 августа 2016 г.

Хотел ударить в Щипачева,
Но мне Есенин не дает,
Говорит, что у Слепцова
Стих не мелет, не кует.

Не видно в нем рабочей жизни,
Кругом сплошная болтовня
О днях седого коммунизма,
О чем писалось без меня.

Нет строчек о рязанском крае,
О небе молодой России,
О прилетах птичек в мае,
О тех, кто счастье приносили.

А приносил рабочий класс,
С ним, конечно, и поэты,
Поэтам надо бы как раз

Писать своей душой об этом
И что полны мы новым светом.

Подумал: прав большой поэт —
Нет у меня движения,
В героях добрых мыслей нет,
Чтоб исправить положение,

Чтоб сообща любить свой край
И сообща встречать зарницы,
Сообща испечь свой каравай
И сообща лететь, как птицы,

В большой небесной синеве,
В объятьях счастья и свободы
С одной лишь мыслью в голове —
Чтоб были счастливы народы.

Чтоб не ведали они,
Что бывают в мире войны,
Что все достойны лишь любви
И все лишь счастья достойны.

3 сентября 2016 г.

Вот опять свои вирши листаю,
В них усек я одну ерунду:
Что читателям я оставляю,
И не в космос ль я с ними иду?

В космос — значит, в бездонное небо,
А точнее, так в глушь, в пустоту,
В небе лично пока еще не был,
Небо ждет лишь одну красоту.

Таковой у меня не бывало
Ни по жизни, ни в виршах моих,
Жизнь что-то, однако, давала,
Их и рвался вложить я в стихи.

У поэта прочел я: «Не может,
Не может поэтом не быть.
За что же, за что же, за что же
Они не дают ему жить?»

Меня и правда стихи донимают
В дни-деньские и даже в ночи
И по-своему сны отгоняют
Со словами: «Поэт, не молчи!»

А поэт так подумал об этом
И осмелился просто сказать:
«Ты остался всего лишь поэтом,
А поэт может сердце порвать».

Для стихов мне и сердца не жалко,
Ради них, может, я и живу.
Они, может, ни шатко, ни валко,
Но, однако, по свету плывут.

4 сентября 2016 г.

МЫСЛИ

Жизнь уже прожил —
Мне стукнула восьмерка,
Конечно же, с закрученным
И крутым нулем.
Хорошо, со мною
Идет по жизни женка,

Какая записала:
«Мы правильно идем!»

А восьмерка — это
Все-таки не старость,
Вот стукнет девяносто,
Вот это будет да!
Восьмерка еще дарит нам
Временами младость,
Ну, а младость — это
Прежние года.

Прежние года —
То память с назиданием,
То любовь и молодость,
То наш счастливый век,
Когда нас избегали
Семейные страдания,
И мы друг другу вторили:
«Родной мой человек!»

Теперь, когда исполнилось
Нам с женкой по восьмерке,
Цветы, букеты, поцелуй
Ушли в свое предание.
Мы не принимаем
Л юдскую поговорку —
Старость всем приносит
Только лишь страдания.

С женкою мы все же
Совсем не молодые,
Но никаких страданий
Нам годы не несут.

Мы в меру с ней упитаны,
А больше — мы худые,
А худые, говорят,
Поболее живут,

Как-никак, а с женкой мы
Вчера записали:
До девяти десятков лет
Мы оба доживем,
Как бы наши годы
Ни мчались, ни плясали,
Мы все равно по жизни
Правильно идем.

А чего неправильно?
Дети народились,
На мясо — ноль внимания,
Водочку не пьем,
Всем законам жизни
Как надо подчиняемся.
Идти на избирательный?
Дружненько идем.

В целом, если посудить,
Жизнь по маслу катится,
Холодильник полный,
Есть «моня» и кефир,
Разная курятина —
Она с лапшичкой варится,
Рыбка вечно на ходу,
Сметанка, творог, сыр.

Вот ты, друг, и посуди:
Чего тебе надо,

Чтобы эти девяносто
Без проблем прожить?
Может, захотелось
Бананов с шоколадом?
Так не ленись, спускайся,
Чтоб внизу купить...

Вот такие мысли
Нас с женой обуяли,
А все как нам обоим
Стукнула восьмерка.
Наверное, свои годы
Мы все же отгуляли,
А дальше жизнь каждому
Важит свою мерку.

О ХЛЕБЕ

Мне женка, между прочим,
Как-то говорила,
Что по-казахски «нан» —
Это будет «хлеб».
Ну, а хлеб, известно,
Это наша сила,
Дороже этой силы
Ничего и нет.

Не знаю, как другие,
А нан я уважаю,
Особенно поджаренный
И на зубах хрустит.
Такую я лепешку
Сам удорожаю.

Она преподносила мне
Адский аппетит.

Такой лепехи женка
Испечь никак не может,
Не может она сделать
Казахстанский табанан,
Какой в казахской печи
Находит свое ложе,
Вот и получается
Казахский круглый нан.

У соседки нашей
Дариги Тутешевой
Табананы круглые
Горкою лежат,
Она своим искусством
Не раз нас с женкой тешила.
Говорят, что у ней руки
К хлебу не дрожат,

Возьми и ты, подруга,
За правило хозяйки:
К хлебу относись,
Как к ребенку мать,
Относись к нему,
Как добрая всезнайка,
И он с тобою будет
Жить да поживать.

10 сентября 2016 г.

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Хотел бы нынче тихо птичкам поклониться,
Бабочками, кузнечiku, трудяге-муравью,
От того что жизнь у них и сегодня длится,
Тогда как у людей она катится к нулю.

Хан Батый приходил на русские просторы,
Жег поселенья, хаты и всюду убивал
Женщин, стариков, детей без разговоров,
А тех, кто сопротивлялся, так гробил наповал.

Делал то же самое Чингисхан с пришельцами,
Шведы да поляки - всех не перечесть,
Крымский хан Казы-Гирей плутал добровольцем,
Искал место на Руси, где б ему осесть.

Были войны на земле за независимость Америки,
Подобная война же и в Испании была,
Всюду были смерти, людская кровь, истерика,
Какие приносила воюющим война.

Принесли с собою смерть и давние французы,
Каких на Русь святую Наполеон привел,
Было, они ели и кутили так от пуза,
Но их в дугу согнули Кутузов и Багратион.

А минувшая война с германскими фашистами?
Мильонов пятьдесят она жизнью унесла,
Люди гибли ни за что от пули, дробы, свиста,
Что несла в себе обычная на земле война.

Благо, что уж много лет войны не существует —
Открытой, вооруженной, одной страны с другой,
Но смерть от террористов бывала и бытует,
Мы нынче ее видим на земле благой.

Гибнут люди ни за что в Сирии, в Иране,
В Афганистане, в Турции, во Франции лихой,
В Ираке, Йемене, даже в Пакистане,
Арабский мир так вообще воинствует с лихвой.

Потому и хочется птицам поклониться,
Да и всему живому, что на земле живет,
А птица всегда ввысь, всегда в простор стремится,
Что всегда приветствует в природе птичий род.

У людей так не веегда есть таково умение,
Им простор и солнце, бывает, не нужны,
Им, бывает, дороги военные стремленья,
А людские смерти так вообще важны.

Вот взлетают в вышину машины и танкетки,
Безумцы так взрывают машины и себя,
Оставляя в памяти безумства этикетки:
Хоть я и умираю, но я жил любя!

Такое было в Актобе и в Алматы проникло,
Террористы головы сложили ни за что
Чужие и свои... Мы жить так не привыкли,
Потому как террористы на земле никто.

Это просто отщепенцы, а по жизни звери,
У них нет своей родины и жизни своей нет,
Нету них ни правды, ни мечты, ни веры,
Нету них любви к себе и к жизни любви нет.

Потому у них звериные наклоны и привычки,
Цель каких по жизни — живое умертвить,
В какие ни облеку их строки и кавычки,
Они по-звериному будут выть и жить.

Оттого всем террористам на земле не место,
Они должны исчезнуть с профессии людской,
Пусть террористов мир и сгорит, и треснет,
Не будетон земной, небесный и морской.

Пустьон не рождается вообще на свете,
И тогда спокойно будут люди жить,
У них рождаться будут надежда, планы, дети,
И счастье будет подле них завсегда кружить.

9-10 сентября 2016 г.

ЧТО БЫЛО, ЧТО ЕСТЬ

Дедуган я долбаный
С раскрученной восьмеркой,
С палочкой-стукалочкой
И пышной сединой.
Помню, как когда-то,
Я тянул махорочку,
Адевкитаки клеились
Закрутить со мной.

А чего б не закрутить
Со статным да высоким,
Притом такого шустрого
В деревне гармониста,

Какой к тому же холостой,
Парняга одинокий?
Был к тому же он в колхозе
Шустрым трактористом.

А я и пытался
Крутиться одиноким,
Мне нравилось с девчонками
Их щупать и болтать,
А в перерывах дома
Упиваться соком
И даже на Есенина
С душою налегать:

«До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди,
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей,
В этой жизни умирать не ново,

Но и жить, конечно, не новей».
Забыл, какие были расставанья,
Подруг сердечных вроде не водилось,
Хотя не раз бывал я на свиданьях,
Как влюбляются, не знал,
И как женились.

Насчет того, что жить у нас не ново,
Знал и я, и весь крещеный мир,
В тетрадке записал я
Есенинское слово
И пометку сделал:
«Есенин был кумир».

Что мы живы — благодать природе,
Но нам все равно придется
Когда-то умереть,
Ведь известно это
Каждому народу,
Известно, что за жизнью
Наступает смерть.

С этим, видно, надо
Всем живым смириться —
Как ты ни ерепенься,
У жизни есть конец.
Но до смерти должен ты
Учиться и жениться,
А потом и будешь
По жизни молодец.

Все, что жизнь сулила,
Я уже исполнил:
Учился и женился,
До «дембеля» дожил,
Все, что было в жизни,
Позабыл и помнил,
С чем-то распрощался,
Чем-то дорожил...

Распрощался навсегда
С махоркой, с сигаретой,
Рюмку позволяю
Лишь на день рождения.
К тому же я на «дембеле»
Ударился в поэты,
Отчего прославился
Доблестным суждением.

На «дембеле» я больше
Дорожу Есениным,
Где-то вижу Пушкина,
А где-то вижу Блока,
Пред ними я и правда
Встану на колени,
Поскольку мне до их страниц,
Как до Луны, далеко.

11 сентября 2016 г.

ХОЧУ СТАТЬ МАЛЕНЬКИМ

Вот смотрю на школьную
Шуструю братву,
Особенно на милых,
Красивых первоклашек.
И я был таким же,
Той памятью живу —
Памятью тетрадок
И белых промокашек.

Когда был первоклашкой,
Началась война,
От нашего аула
Затылци верст пылала,
И за эти тыщи
Она врагом была,
Она спокойно жить
Людям не давала.

Мы, дети-первоклашки,
В богатстве не купались.
Как помнится, мы часто
Семейством голодали,

Мы забыли, как мячи
Во дворе катались
И когда мы вообще
От души играли.

Что где-то гибнут люди,
Нам в школе говорили,
Но и мы ведь провожали
На войну отцов,
Какие под Москвою
Фашистов гнали, били
Поступью отважных
И смелых храбрецов.

А потом, как водится,
Нагрянула Победа,
Когда мы покидали
Большой четвертый класс.
Ах, как встрепнулись наши
Мамаши, дети, деды!
Всюду веселились
И пустились в пляс.

А потом, конечно,
Жизнь полегчала:
Отменили карточки,
хлеба сколько хошь,
Жизнь уже по-новому
К своим вершинам мчала,
В полях так колосилась
золотая рожь.

Матушка так эту рожь
Комбайном убирала,

А батька так головушку
На войне сложил.
Мы, дети, об отце
Ничего не знали:
Каким он был солдатом,
В каких войсках служил?

И теперь нам, старикам,
Детям батьки нашего,
Неведомо, где батька
Служил и воевал,
Была ли его грудь
Медальями украшена
Иль он безызвестным
Подкошенный упал...

Не знаю почему,
Люблю я любоваться
Детсадовскими детками
И школьной детворой.
Хотелось бы волшебником
На время оказаться
И быть среди детишек
Их сказочною правдой
И сказочный герой.

Хотелось, чтоб сегодня
Дети войн не знали,
Чтоб их брали на руки
Дед, отец и мать,
Чтобы, повзрослев,
Дети нам сказали:
«Мы будем вашей жизнью
Жить да поживать».

Вы все-таки родили
Нашу Независимость,
Вы все-таки отстрочили
Нашу Астану,
Вы в СНГ'эвском крае
Передовыми были,
Вы на весь мир прославили
Казахстан -страну».

12 сентября 2016 г.

МЫСЛИ О ВАЛЕНКАХ

Рассуждают старики,
Сидя на завалинке:
Ну какое чертово
Время повелось!
Люди в стужу зимнюю,
А все равно без валенок,
Нацепляют на ноги,
Что в кладовой нашлось.

А что там утепленное
Для людей находится?
Войлочные боты,
Такие ж сапоги...
Как народ без валенок
В дни стужие обходится?
И что, они не мерзнут?
Не говори, не лги!

Пройдись-ка в сорок градусов
По Караганде, Абаю...

А по Каркаралинску?
Мороз вас в гроб введет!

Ну, а тот, кто в валенках,
Тот просто почивает,
Его сам черт косматый
Морозом не берет.

Мы, старики бывалые,
Так валенкам молились,
Коли прохудились —
Их крепко подшивали,
С валенками в зиму
До весны носились,
Хранили, как зеницу,
В ящик закрывали.

А нынче в разных бурках
В морозы щеголяют,
Хоть ноги коченеют,
На вид так молодцы!
В магазинах блеск
И щеголь выбирают,
Отчего затем болеют
И отдают концы.

Нет, что ни говорите,
А валенки рождались
При Иване Грозном
И даже Калите,
Простые люди ими
Просто наслаждались,
А вот мы сегодня
Совсем не те, не те.

Нынче мы в морозы
В ботинках щеголяем,
Ноги замерзают —
Ну и наплевать!
Что морозы делают,
Мы того не знаем,
Да и не пытаемся
Что-то о том знать.

Пусть кто-то надевает
Валенки Толстого,
А то и сибиряка
Поэта Достоевского,
У нас же на сегодня
Нет времени другого,
Как блистать обувкой
Глинки, Дунаевского.

Мы можем поблистать
Обувью Есенина,
Можем и обувкой
Пушкина блеснуть,
Можем разгуляться
Обувкою Каверина
И на Абама обувь
Можем завернуть.

А если по-серьезному —
Ничто в морозы наши
Не может наши валенки
Изгнать и заменить.
В валенках мы смотримся
Веселей и краше,
В валенках мы можем
Даже в пляс ходить.

Без валенок никак
До чукчей не доедешь,
Не познаешь, как живут
Зимой во всей Сибири.
Если даже валенки
Носить ты не умеешь,
Попроси, чтобы тебя
Чукчи научили.

А еще их попроси,
Едятли мясо летом
И какие из олени
Блюда вытворяют,
Делают ли наши
Беяши, котлеты
Или мясо до костей
Кусками поедают?

Так что, други, в валенках
Вы не пропадете,
В валенках вы сможете
И в Нарьян-Мар попасть.
В валенках вы, может,
По Лене поплывете,
В валенках вы никогда
Не сможете пропасть.

Потому давайте
Пенсионерам нашим
К дню рождения будем
Валенки дарить!
В валенках они
Смотреться будут краше
И, может, даже смогут
До ста лет дожить.

20 сентября 2016 г.

Вот опять я, други, на своей прогулке,
За поселком радужно, солнце в синеве,
Где-то рядом ворон кличет стаю гулко,
Видно, приглашая воронье к себе.

Тут раскидист колос и с крупною пшеницей,
К тому ж кругом безлюдно, тихо и светло,
Ворон, как-никак, немаленькая птица,
Почему ей кушать хочется давно.

Ну как тут не полакомиться дармовою пищей,
Когда кругом безлюдье, солнце, тишина?
Я для черной стаи не был злым и лишним,
У них была своя прилетная волна.

Конечно, стая черная тут же и слетелась
И колосья начала по-своему клевать.
Наверное, ей по-птичьи все же как-то пелось,
Что ей такое счастье могли люди дать.

4 октября 2016 г.

...

Вот люблю поутру тесниться у окошка
И глядеть на первую сонную зарю.
У рябины отчего-то тусовались кошки,
За этот вид я небо жизнь благодарю.

А еще я вижу: ведут в садик деток,
Большей частью их ведут все-таки мамыши,
Ведут они за ручку своих малолеток,
Бывало, что встречались и галантные папаши.

К детям у меня особое склоненье,
Я просто им завидую — у них все впереди!
Они теперь, не иначе, другое поколение,
А мы так на задворках, где-то посади.

Они идут по жизни новыми шагами,
Поскольку у них век, да и мир другой,
Они видят мир новыми глазами,
Какой их есть судьба, а потому благой.

Детсадовским ребенкам я-таки завидую,
Они уйдут от нас лет на шестьдесят,
Они отстроят новые Петербург и Видово
И нарожают новых серьезных балысят.

Они как раз и будут по космосу носиться,
Будут жить на Марсе, а то и на Венере,
Им вздумается дальше на космос напуститься,
Они верны останутся своей мечте и вере.

Потомкам нашим стоит как-то позавидовать,
Они будут космосом и землей владеть,
Будут всех людей золотом закидывать
И на мир глазами Бога и земли глядеть.

...

Вот сидим мы с бабкою и рассуждаем тихо:
Скоро нам обоим по восемьдесят лет,
Жизнь за годы наши подбрасывала лиха.
Бывало, посылал и пламенный привет.

В молодые годы так оба мы учились,
Учились, правда, оба на крутой заочке,
Работали, учились, первенцем гордились,
Подумывали даже сотворить и дочку.

Но шесть лет моих и пять лет у женки
Как-то нас воздерживали отлихих шагов.
Сынишка рос шустрячим и довольно звонким,
За что благодарили мы всех земных богов.

А боги эти были бабушка и дедушка,
Какие в своем внуке видели себя,
Они собрали внуку подушечку по перышку,
Гордясь своей поделкой и дитя любя.

А дальше внук поднялся, крепко распушился,
Добил десятилетку и в армию ушел,
Двухгодичной службой отрок наш гордился,
Служба шла нормально, а то и хорошо.

Ну, а дальше «дембель», техникум, работа,
Железная дорога, вождение поездов,
Женитьба и свои семейные заботы,
Когда женка с пузом, ждущая родов.

Таких родов у женки было только двое —
Родился сынок, родилась и дочка.
Дочка так ударилась в стихотворство, в слово,
А выйдя замуж, просто на них замкнулась точка.

Ну, а сын, как папа, ударился в «железку»,
Поезда и нынче он с любовью водит,
С любовью он уходит в каждую поездку,
В поездках, в поездках он свой стиль находит.

Нам с бабушкой остается радоваться внукам,
У внучки свои детки, а внук пока один,
С бабушкой нас печалит с внуками разлука —
Сын со своим семейством российский гражданин.

21 октября 2016 г.

О ВОЙНЕ

Что же ты, проклятая, наделала —
Мое детство с батькой увела,
Жизнь моей мамули переделала,
Счастье-долю враз и отняла.

Батька до войны был трактористом,
Пашни кургальджинские пахал,
Вечерами дома гармонистом
Пред семьею батька выступал.

Дети передсном просили батьку
Что-то им душевное сыграть,
А после они бросятся в кровать
И будут ночью безмятежно спать.

Но война идилию сгубила,
В каждый дом лишь горе принесла,
Где-то у Днепра ордой бродила,
Доставала и до нашего села.

Карточками всех сельчан кормила,
Одевала, кто во все горазд,
Как село гуляет — позабыла,
Жизньбудто поплыла назад.

До войны был батька трактористом,
С пашней да с колосьями дружил,
Война же приказала быть танкистом,
Чем наш батька крепко дорожил.

Ах, каким танк батьки был коварным!
Он громил фашистскую броню,
И только где-то перед самой Варной
И ему поставили стерню.

Загорелся танк и закрутился,
Не выбраться танкисту из огня,
Загорелся он и задымился,
Не спасла и личная броня.

Вот так она, проклятая, и сделала...
Прошлая далекая война,
О чем миру и истории поведала
Прошедшая те годы седина.

НАШИ ИМЕНА

Прочел как-то в женкиной газете «ЗОЖ» за 16 августа 2016 года статью некоего Николая Сачкова из города Зея Амурской области, названную «Николай не хуже Ивана», и почему-то даже загорелся поэтическим талантом на затронутую тему. К «ЗОЖу» я больше равнодушен, а вот женка моя Гульчатай Калкеновна к этой газете просто привязана. Я-то больше налегаю на художественные журналы республики «Простор» и «Нива», на областную «Индустриальную Караганду» да республиканскую «Новое поколение». Агадырский газетный киоск так еженедельно радует газетами «Авиатрек», «Криминальные новости» и «Жизнь», так что нам с женкой как пенсионерам скучать не приходится.

В своей статье «Николай не хуже Ивана» автор пишет:

«В «ЗОЖ» №13 за 2016 год было напечатано письмо Ивана Павлецова, в котором он превозносил имя Иван. А мне хочется сказать доброе слово об имени Николай. Прежде всего, его носит самый популярный среди православных христиан святой Николай Угодник. Кроме того, с этим именем были на Руси и два царя — Николай Первый и Николай Второй.

Был и председатель Совмина СССР Николай Булганин. Первым наркомом здравоохранения СССР был Николай Симашко. А кто не знает наших прославленных киноактеров Николая Крючкова, Николая Рыбникова, Николая Караченцова? Разве не слышал никто о Николае Копернике, великом польском астрономе? Или о Николае Озерове, популярном спортивном комментаторе?

А сколько знаменитых писателей носило это имя? Например, Николай Алексеевич Некрасов со своим до сих пор живущим и злободневным вопросом «Кому на Руси жить хорошо?» и, конечно, Николай Васильевич Гоголь. Мне также близок Николай Задорнов — дальневосточный писатель, автор романа «Амур-батюшка».

Горжусь и своими коллегами по профессии: знаменитым хирургом от Бога, основоположником военно-полевой хирургии Николаем Бурденко и Николаем Склифосовским, хирургом, имя которого носит одна из московских больниц.

Надо сказать несколько слов о наших популярных певцах Николае Сличенко, Николае Расторгуеве, Николае Баскове и о композиторе прошлой России Николае Римском-Корсакове, атакжео Николае Лобачевском, великом российском математике, о Николае Ге — художнике, о Николае Миклухо-Маклае — путешественнике, о Николае Рерихе — художнике. Был еще Николай Гастелло — летчик, Герой Советского Союза.

Но и Николай Сачков тоже не лыком шит: автор четырех книг, около тысячи его статей напечатаны в газетах. Одним словом, Николай — очень хорошее имя, о чем красноречиво и очень наглядно свидетельствует российская пресса.

**Сачков Николай Александрович,
Амурская обл., город Зея».**

О НАШИХ ИМЕНАХ

В «ЗОЖе» я прочел занятную статью,
Что Иваны славились от края и до края,
Иван Павлецов сказал, что любовь свою
Отдает Иванам, а не Николаям.

Оппонент Сачков ему издалекой Зеи
По-мужски ответно в «ЗОЖе» возразил:
Иваны - это хорошо, мы их в кино глазели,
Но Николаи — скопище талантов и верзил.

Ну, во-первых, вспомним: на Руси бывали
Николай Первый и Николай Второй,
Они о своей родине никак не забывали,
Царствовать не значило, что ты уже герой.

Был в Стране Советов Николай Булганин,
Ведовал который военным министерством,
В минувшую войну фашистов он не гладил,
А поддавал им жару с нашим русским перцем.

Нарком здравоохранения был у нас Семашко,
Он тоже носил русское имя Николай,
Он был в медицине зверем, не букашкой,
Поскольку любил родину и свой российский край.

А всем известные актеры Рыбников, Караченцов
И из «Трактористов» Николай Крючков?
Мир ими восхищался, мир ими любовался,
Они давали фору в сто своих очков.

А астроном Коперник был тоже Николаем,
Комментатор Озеров Николаем звался,
Гоголь и Некрасов звались Николаями,
Задорнов с Забайкалья неназванным остался.

А ведь он по жизни был тоже Николаем,
Он как-то «Амур-батюшку» с «Цусимой» написал,
«Гонконг» еще писал, мы твердо это знаем,
Края дальневосточные он крепко обтесал.

А ведь в миру бывали Бурденко, Склифосовский,
Ну и их коллега, некто Пирогов,

Все звались Николай по жизни, по-отцовски
И жили все у разных российских берегов.

Мир нынешний и вовсе знает Николаев —
Сличенко, Расторгуева и того же Баскова,
Каким мы и сегодня здравия желаем
И следим, чтоб жизнь их не жила с опаской.

А Лобачевский Николай был просто математиком,
Да таким, что он ее вверх дном перевернул,
А Римский-Корсаков и вовсе был оперным фанатиком,
Прославив свое имя на весь мир, на всю страну.

А был он, как ни странно, тоже Николаем,
Как художник Ге и Миклухо-Маклай,
Как художник Рерихи герой Гастелло.
Они все Николаи, цвет земли и неба,
Так что нам советуют: про них читай и знай!

Хотелось бы Сачкову, опять же Николаю,
Но во всеуслышанье по «ЗОЖу» сказать:
Имена мы сами никак не выбираем,
Нам их выбирают лишь отец и мать.

А потому и существуют на земле Иваны,
Николаи, Юреньки, Павлы, Константин,
Александры разные, Димы да Султаны,
Каждый из них смелый русский гражданин.

Ну, а в Казахстане имена особые —
Серик, Абдрахманулы, Сулеймен, Марат,
Ибрагим, Абдукарим, где-то даже новые,
Как Чингиз и Кулебай, Кузембай, Талгат.

Вот такие, братцы, имена на свете,
За что поблагодарим мамулек и отцов,
Что имена дают они! Мы тоже были дети,
Какому дали имя НИКОЛАЙ СЛЕПЦОВ.

7 сентября 2016 г.

На Абая улице расцвела черемуха,
А на Кыздарбекова расцвела сирень,
К вечеру в поселке поутихли шорохи,
Не шумят деревья и не скрипнет дверь.
От трудов поселок тихо успокоился,
Машины свое место в гараже нашли,
Солнце за горою к горизонту клонится,
Только молодые на улицы пошли.
У молодых, как водится, сердце молодое,
Им покой и отдых вовсе не нужны,
А сердце так и вовсе трепетно живое,
Какому поцелуи да любовь важны.
А в закат вечерний молодежь встречается —
Это их природа и жизненный процесс,
Оттого, наверно, и жизнь не кончается,
В том есть сила жизни и мира интерес.
В Агадыре и правда зацвела черемуха,
Тут же распустилась белая сирень,
У кого-то желтые расцвели подсолнухи,
Это наша жизнь и наш новый день.

...

В нашем поселке огни не погашены,
Что и заметил поэт,
Окна повсюду цветами украшены,
Чего у других нет и нет.
В нашем поселке эпоха такая,
Люди к гармонии идут,
Песней хорошей себя согревая,
Тихо до зорьки поют.
Вместе с зарею до дому расходятся,
Когда уж поют петухи,
А у хозяек коровушки доятся,
А кто-то слагает стихи.

В поселке с зарею народ просыпается,
И на работу спешит,
От песни работа всегда покоряется,
Ей отдано пламя души.
В вечер так гармони снова скликают,
Все тот же у них перезвон,
Только с зарею гармони смолкают —
Таков здесь извечный закон.
Поселок для нас наша жизнь и счастье,
Раскинулся он во всю ширь,
Пусть обойдут все земные ненастья
Наш дорогой Агадырь!

ИГРАЙ, ГАРМОНЬ!

Ой, гармошка, жару дай,
Как было по старинке,
Всех веселых приглашай
К нам на вечеринку!
Разверни, гармонь, меха,
Услади нас песнею,
Приглашай в круг жениха,
Да с красой-невестою!
Ах, гармошка, не скупись
Нотками веселыми,
Ну-ка, круг наш, расступись,
Дай нам пляски новые!
Выходи на общий круг,
Парочка влюбленная,
Вас поддержит общий друг
Песня окрыленная!
Ах, играй, играй, гармонь,
Радуй нас и осень,
Всколыхни ты нашу кровь,
О чем мы кнопки просим!

Содержание

АГАДЫРСКИЕ РАССВЕТЫ

ОТ АВТОРА	3
ДЕНЬ БЛАГОДАРНОСТИ	7
О СТИХАХ	11
ПРАЗДНИЧНЫЕ МЫСЛИ	12
К 8 МАРТА	14
ЖЕНЩИНЕ	15
ВОСЬМИМАРТОВСКИЕ МОТИВЫ	17
ДАВАЙТЕ ПОКЛОНИМСЯ ЖЕНЩИНЕ	18
О НАС И О ДРУГИХ	20
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	23
АХ, ГЛАЗА, ГЛАЗА...	26
ДУМЫ О ПРОШЛОМ	30
МИР СЕГОДНЯ ВО ВСЕ НА ЖИЗНЬ СЕРДИТ	31
СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ СТРАСТЬЮ	32
В АЛМАТЫ Я НЕБЫЛ РОВНО СОРОК ЛЕТ	32
О ВОЙНЕ	33
ПЕСНИ ГАРМОНИ	34
ХОШЬ НЕ ХОШЬ, А ОСЕНЬ НАСТУПИЛА	35
ВОТ ОПЯТЬ ДУШИСТАЯ ОСЕНЬ ПОДКАТИЛА	36
О ВОЙНЕ	37
ПОПРОБУЙ БЕЗ ТАМОЖНИ ПРОБИТЬСЯ В УКРАИНУ	37
О СВЯТОЙ ВОДЕ	38
ОСНГ	42
ТЕБЕ	45
О ТАЛАНТЛИВОСТИ	51
ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО	54

ИСПОВЕДЬ	58
ОДНАЖДЫ В СТУДЕНУЮ ЗИМНЮЮ ПОРУ	64
АХ, КАК ХОЧЕТСЯ ДУШЕ ВОЗВРАТИТЬСЯ В ДЕТСТВО	65
О ЖИЗНИ И ПРОЧЕМ	66
ДЕЛА БАННЫЕ	68
ТОРГОВЫЕ СТРАДАНИЯ	69
СКОРЧИВШИСЬ В БЕССОННИЦЕ, ЛИСТАЮ И ЧИТАЮ	70
ПРОСЫПАЮСЬ Я У ЗАГРУСТИВШИХ СОСЕН	71
СРЕДНИЙ РОД	74
ЧТОБ МОИ СТИХИ ХОТЬ ГДЕ-ТО ПОЯВИЛИСЬ	75
ДУМЫ,ДУМЫ...	78
ГАЗЕТЕ «ИНДУСТРИАЛЬНАЯ КАРАГАНДА»	80
ДУМЫ О ПРОШЛОМ	82
О ЖИЗНИ	85
МОЙ КЛЕН	89
ЧТО ГОД ТЕКУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?	97
ИЗМЕНЯ ПОЭТ, ЧТО ИЗ ПЛЮШКИНА ЛЕВ ЯШИН	100
ЮБИЛЕЙ	101
ТАКОЕ БЫВАЕТ...	103
ДЕТСКОЕ	104
ЗИМНИЕ СТРАДАНИЯ	105
МЫСЛИ ОЛИФТЕ	105
АХ, КАК БЫ МНЕ ХОТЕЛОСЬ	106
О БЛИЗКОМ,ОЛИЧНОМ	108
О ПУШКИНЕ И ПРОЧИХ	112
О ЖИЗНИИ О СЕБЕ	113
МОЕЙ ЖЕНЕ	121
НАД ОКОШКОМ ПО-ЕСЕНИНСКИ МЕСЯЦ МНЕ СВЕТИЛ	124
О КОСМОСЕ	128
МЫСЛИ	131
ТЫ ГДЕ-НИБУДЬ БЫВАЛ?	134
НА ЕСЕНИНСКОЙ ВОЛНЕ	137
МЫСЛИ О ПЕСНЕ	138
ПАМЯТНОЕ	142
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	146

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Часть первая

148

ПОЭТ О ПОЭТАХ И ПОЭЗИ И

148

Часть вторая

198

МОЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ОСЕНЬ

198

ОСЕГОДНЯШНИХ...

267

ЧТО БЫЛО, ЧТО ЕСТЬ

269

НУ И ВРЕМЯ ПОДОШЛО...

271

ДВА МЕСЯЦА ОСТАЛОСЬ

274

ВОТ СИДИМ МЫ С БАБКОЮ

275

НАСЧЕТ ШКОЛЬНЫХ ЛЕТ

277

ЗА ЗАПАХОМ ТАЙГИ

279

О ЖИЗНИ ЖУРНАЛОВ

281

ДЕНЬКИ ИЮЛЬСКИЕ

286

УГАДЫВАЮ МЕЛОДИЮ

287

РАЗМЫШЛИЗМЫ

290

ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ

298

О ПОЭТАХ

299

О ТЕРРОРЕ И ТЕРРОРИСТАХ

302

ДАВАЙТЕ, МУЖИКИ, КАКОДИН ПОКЛОНИМСЯ

303

О ПРИРОДЕ, О ДОЖДЕ

305

О ПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

309

МНЕ ИЗ ДЕТСТВА МОЕГО БОЛЬШЕ ВСПОМИНАЕТСЯ

310

МЫСЛИ ОБАЯНЕ

311

ПРИТКНУЛСЯ К МАГАЗИНУ, ПОДОШЕЛ К ПРИЛАВКУ

313

ВНУЧКА ПОПРОСИЛА ПРИКУПИТЬ ЕЙ КУКЛУ

313

НЫНЧЕ ДОЖДИК ПЕРЕСТАЛ

314

ВОТ ТОЛКУТСЯ ЗЕМЛЯКИ У НАШЕГО КИОСКА

315

МНЕ ОДИН МУЖИК ПО ОБЕЩАЛ КНИЖОНКУ

316

ПРОГУЛОЧНЫЕ ДУМЫ

317

МОЙ КРАЙ РОДНОЙ

320

РАД БЫЛ ОКУНУТЬСЯ В ИЮЛЬСКУЮ ВОДИЦУ	321
ОВОЙНЕ И О СЕБЕ	322
О ДНЯХ ИЮЛЬСКИХ	330
ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ	331
ЦЕЛИННЫЕ СТРАДАНИЯ	334
ВОТ ХОТЬ В ДОСКУ РАСШИБИСЬ ОТ ПЕЧАЛИ	337
ПРИЗНАТЬСЯ, ЧТО-ТО ГРУСТНО С ГОЛУБЫМ ЭКРАНОМ	338
ХОТЕЛ УДАРИТЬ В ЩИПАЧЕВА	339
ВОТ ОПЯТЬ СВОИ ВИРШИ ЛИСТАЮ	340
МЫСЛИ	341
О ХЛЕБЕ	344
О ЖИЗНИ И СМЕРТИ	346
ЧТО БЫЛО, ЧТО ЕСТЬ	348
ХОЧУ СТАТЬ МАЛЕНЬКИМ	351
МЫСЛИ О ВАЛЕНКАХ	354
ВОТ ОПЯТЬ, ДРУГИ, НА СВОЕЙ ПРОГУЛКЕ	358
ВОТ ЛЮБЛЮ ПОУТРУ ТЕСНИТЬСЯ У ОКОШКА	358
ВОТ СИДИМ МЫ С БАБКОЮ И РАССУЖДАЕМ ТИХО	359
О ВОЙНЕ	361
НАШИ ИМЕНА	362
О НАШИХ ИМЕНАХ	363
НА АБАЯ УЛИЦЕ РАСЦВЕЛА ЧЕРЕМУХА	366
В НАШЕМ ПОСЕЛКЕ ОГНИ НЕ ПОГАШЕНЫ	366
ИГРАЙ, ГАРМОНЬ!	367

**Отпечатано в ТОО «Типография Арко».
г. Караганда, ул. Сатпаева, 15.**